

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ОЛЕГ
ДИВОВ

ВЫБРАКОВКА

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

Сканировал и создал книгу - vtmakhankov

ОЛЕГ
ДИВОВ

ВЫБРАКОВКА

ОЛЕГ
ДИВОВ

ВЫБРАКОВКА

МОСКВА
«ЭКСМО»
2004

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Д 44

Оформление серии художника *E. Савченко*

Серия основана в 2003 году

Дивов О.И.

Д 44 Выбраковка: Фантастический роман. — М.: Изд-во Эксмо, 2004. — 384 с. — (Русская фантастика).

ISBN 5-699-06377-3

...В этой стране больше нет преступности и нищеты. Ее столица — самый безопасный город мира. Здесь не бросают окурки мимо урны, моют тротуары с мылом, а пьяных развозит по домам Служба Доставки. Московский воздух безупречно чист, у каждого есть работа, доллар стоит шестьдесят копеек. За каких-то пять-семь лет Славянский Союз построил «экономическое чудо», добившись настоящего процветания. Спросите любого здесь, счастлив ли он, и вам ответят «да!» Ответят честно.

А всего-то и нужно было для счастья — разобраться, кто именно мешает нам жить по-людски. Кто истинный враг народа...

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-06377-3

© Дивов О.И., 2004

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2004

НЕОБХОДИМЫЕ ПОЯСНЕНИЯ

Непосредственная работа над «Выбраковкой» заняла четыре месяца чистого времени. Но обкатка концепции, включая эксперименты на фокусных группах, шла очень давно. Фактически я делал «Выбраковку» пять лет. Еще ни одна книга не давалась мне настолько тяжело.

Многое из того, что вы прочтете, взято прямо из жизни. Еще больше наблюдений, увы, пришлось сбросить в архив, дабы не перегрузить текст лишними подробностями.

Далеко не все персонажи — вымышленные. А некоторые образы созданы другими авторами. Далеко не все ситуации — плод воображения литератора. Некоторые из них подсмотрены также не мной, а рассказаны заслуживающими доверия и компетентными в своих областях людьми. Поэтому я хочу провести четкую разграничительную линию между фантастикой и реальностью, пояснив, откуда что взялось.

А читателю этот набор копирайтов, надеюсь, покажется забавным.

Образ мичмана Харитонова © Александр Грёмов.

Имя, фамилия, внешность, мимика и автомобиль «Porsche-944» стажера-уполномоченного Алексея Валюшка © Алексей С. Валюшок.

Некоторые реплики Пэ Гусева © Пэ Краминов.

Некоторые реплики профессора Крумова © Мирза Крумов.

Происшествие с участковым Мурашкиным © частный охранник, бывший милиционер, также известный как Атаман Косой.

История дома на Гоголевском бульваре © озверевшие жильцы, в том числе и автор.

Случай с бездомной собакой в метро © свидетель, пожелавший остаться неизвестным.

Все реплики азербайджанца в видеосалоне © азербайджанец в видеосалоне.

Информация о порядках на территории Центральной клинической больницы © группа доброжелателей.

Вывеска «Православное братство священномуученика Епидифора. Оптовый склад» © оптовый склад другого священномуученика.

Разговор слабоумных бабушек в клинике и реакция больного Пети © анонимный психотерапевт.

Инцидент с сумасшедшим на эскалаторе © анонимная пострадавшая.

Эпиграфы к главам © «Вокруг Света» № 12 за 1991 год, Случевский А. «Орлиное гнездо» валашского князя.

Одна из трудных для меня глав написана Ольгой Дивовой, женщиной редкой красоты и продвинутого интеллекта. Это не первый наш совместный проект. Но в случае с «Выбраковкой» моя жена уже не приглашенный специалист, а ведущий разработчик. Спасибо, Олька.

Концепция «Выбраковки» родилась у автора в 1994 году в результате продолжительных бесед с немолодыми или откровенно пожилыми людьми.

Всем старикам России, потерявшим себя в вихре «эпохи перемен» и мучительно ищущим выход, я посвящаю эту книгу.

Олег Дивов, март 1999 г.

Москва, август 2099 г.

момента первого издания этой книги прошел без малого век. Многое стерлось из памяти народной, спросить уже некого (и в особенности — не с кого). В то же время успели потрудиться историки и архивисты. Благодаря их стараниям добыто и обработано немало объективной информации. А эмоциональные субъективные оценки, когда-то превалировавшие в обществе, напротив, сгладились. Поэтому ОМЭКС считает необходимым по возможности плотнее откомментировать публикуемый сегодня текст. Мы нашли, как нам кажется, самый удобный для читателя вариант. Нам предсталось разумным отказаться от большинства напрашивающихся сносок, оставив лишь самые необходимые, и реализовать «пакетный» метод подачи справочного материала, когда развернутым пояснением снабжена книга в целом.

Комментарии, составленные по заказу ОМЭКС группой ведущих исследователей, нужны отчасти и потому, что «Выбраковка» изначально не претендует на статус «энциклопедии жизни в Славянском Союзе». Некоторые описанные в книге реалии, вполне понятные современному по контексту, могут показаться вам странными или просто невозможными. Как именно работать со справочным блоком: читать ли книгу «насквозь», а потом уже вникать в тонкости или периодически обращаться от художественного

текста к соответствующим разделам, помещенным в конце тома, лучше всего разберется сам читатель.

В то же время мы не смогли отказать себе в удовольствии воспроизвести оригинальное предисловие И.Большакова к первому московскому изданию «Выбраковки» 2015 года. С нынешних позиций эссе «Палачи и шерифы» выглядит крайне резким произведением, начисто лишенным какой-либо политкорректности. Однако, по нашему скромному разумению, именно оно должным образом может оттенить роман. Подчеркнуть его достоинства и недостатки, прямо вытекающие из конкретной общественно-политической ситуации, породившей столь неоднозначную книгу. Нелишне отметить, что точка зрения известного журналиста и правозащитника, давно уже покойного, была для того временного периода едва ли не эталонной. Ведь Агентство социальной безопасности только-только ушло в небытие. Раны кровоточили, пепел стучал в сердце. И думается, что лишь активнейшая гражданская позиция толкнула Большакова, так сказать, под один переплет с выражителем мнения «палачей, а не шерифов». Попробуйте войти в положение человека, рецензирующего книгу, автор которой, возможно, когда-то держал рецензента на мушке, одновременно угощая его циничной нотацией!

Может, этого в действительности и не случилось. Но большинство читателей первого издания толковало ситуацию именно так, напрямую увязывая личность рецензента с одним из третьестепенных персонажей книги. Поэтому восемьдесят пять лет назад с предисловием Большакова «Выбраковке» ощутимо повезло. Будем надеяться, что и теперь она от такого соседства только ярче заиграет всеми красками.

Естественно, что любой выбраковщик, коего Боль-

шаков подозревал и в авторе книги, был для него личным врагом и истинным врагом нации. И если абстрагироваться от нелестных (и неуместных сегодня) эпитетов в самые разные адреса, которые Большакову так и не удалось замаскировать научообразными периодами, вы почувствуете, какая ненависть двигала этим, без сомнения, выдающимся человеком.

Сам того не понимая, он тоже всей душой ратовал за «добро с кулаками». Его стремление «раздавить аэсбэшную гадину» ничуть не менее агрессивно, чем желание выбраковщиков очистить свой дом от врагов народа. Увы, выбраковка успешно вытравила гуманиста из самого яростного своего критика. Большаков не готов бороться с Гусевым его же оружием, то есть — стрелять. Но это скорее издержки воспитания или психической нормальности, чем особенность видения мира.

И значит, с финальным выводом рецензента можно не согласиться. Выбраковка (явление, а не книга, разумеется) все-таки добилась цели. Как ни печально, но свойственная многим россиянам латентная жестокость была переведена в новую фазу, куда более активную. Людям показали (и доказали), что они не только на самом деле готовы убивать, но и могут этим заниматься. Фактически выбраковка задействовала старый мотив «русского бунта, бессмысленного и беспощадного», используя естественную тягу незрелой личности к решению вопросов силовым путем. Людям официально РАЗРЕШИЛИ взбунтоваться «за все хорошее и против всего плохого» (с упорным вдалбливанием в головы позиции «за»). И они взбунтовались, с чисто русским масштабированием уничтожив каждого пятнадцатого из НАС. Поэтому всякие попытки расценивать выбраковку как явле-

ние инородное, привнесенное извне, несвойственное русскому менталитету, — увы, несостоятельны.

Это мы придумали. И не в первый раз.

Антиутопии давно не в моде. Но в том-то и дело, что роман «Выбраковка» не антиутопичен. Это всего лишь еще одна правдивая история из нашей жизни. И чем ближе к сердцу примет читатель ее деструктивный пафос, тем больше шансов, что старший уполномоченный Гусев и стажер-уполномоченный Валюшок не восстанут из могил, чтобы постучаться в вашу дверь.

Но за такую свободу тоже нужно платить. Так что о романтическихочных прогулках по Москве и не мечтайте.

ОМЭКС, редакция исторической книги.

Издательство выражает благодарность потомкам генерал-лейтенанта А.С.Ларионова и генерал-майора Н.Т.Петрова, любезно предоставившим ОМЭКС дневниковые записи и прочие документы из семейных архивов.

Генеральный спонсор — Всемирный Фонд ветеранов оперативных служб (российское отделение).

Генеральный информационный спонсор — правозащитная газета «Эхо Москвы».

Информационные спонсоры — Фонд памяти жертв репрессий «Истина», правозащитная группа «Призыв трехсот», Государственная комиссия по правам человека Администрации Президента Республики Беларусь, Мемориальный архив Главного управления лагерей и каторжных работ.

Москва, февраль 2015 г.

Рак известно, основная задача писателя была сформулирована еще Эрнестом Хемингуэем, и большинство современных беллетристов полагает такой подход к творчеству если не единственно верным, то наиболее продуктивным. Идея безукоризненной честности автора художественного произведения в описании мыслей и поступков героев, концепция «правды, которая войдет в сознание читателя как часть его собственного опыта» нашла свой отклик в умах прогрессивной творческой интелигенции и породила мощное литературное течение, которое на сегодня можно признать господствующим как у нас в стране, так и в наиболее интеллектуально продвинутых государствах остального мира.

Неподготовленному читателю может показаться, что текст, который я имею честь комментировать, по ряду внешних признаков вполне соответствует нынешнему «главному потоку». В действительности это не совсем так. Безусловно, «Выбраковка» правдива в моделировании ряда узкоспецифических ситуаций и эмоционального ответа персонажей на эти ситуации. Более того, от основной массы произведений, описывающих период, когда в Славянском Союзе установился тоталитарный режим, провозгласивший так называемое «двухступенчатое правосудие», эта книга отличается кардинально, поскольку рисует собы-

тия, так сказать, «изнутри». Фантазия автора позволяет читателю оказаться буквально в двух шагах от действующего сотрудника Агентства социальной безопасности (далее — АСБ), рассмотреть его вблизи, а в некоторых случаях и заглянуть внутрь.

Но задумайтесь — чем вы обогатите себя, пройдя этот путь? Какая именно правда «войдет в ваше сознание как часть собственного опыта»?

Если вы не испытываете обостренного желания понаблюдать вблизи за работой палача, никакой такой особой «правды» вы не ощутите и никаким полезным опытом не овладеете. Впрочем, называя героя «Выбраковки» палачом, я клевещу на представителей этой профессии (кстати, полностью вымершей в России за ненадобностью после установления монархии на смертную казнь в 90-х гг. ХХ века и последовавшего отказа от смертной казни как инструмента социальной защиты). Обычно так называемый «приводящий», т.е. должностное лицо, приводящее в исполнение смертный приговор, заранее получал дело смертника и тщательно с ним знакомился, дабы уберечь себя от нервной перегрузки. Однако героям «Выбраковки», испытывающим глубокое моральное удовлетворение от своей «работы», специально готовиться к убийству не требуется. Они сами себе прокуроры и сами себе палачи, как легендарные шерифы на Диком Западе.

Только нужно учитывать, что в отличие от выбраковщика шериф — не разновидность тяжкого нервного заболевания, а выборная (!) должность.

Какое место отводят таким героям шкала ценностей современной беллетристики, сказать трудно. Но если предположить, что у них были реальные прототипы, и использовать общечеловеческие мерки, это величина, стремящаяся к минус бесконечности. А на

взгляд неспециалиста и описанное в книге время, и его «яркие» представители заслуживают только одного — скорейшего забвения, как очередное наше позорище.

Впрочем, и те, кому по долгу службы положено копаться в деталях, находят там много отвратительного, но мало достойного внимания.

Внутренний мир выбраковщиков абсолютно неподходящ для интересов психологу, так как подобные случаи хрестоматийны и детально описаны в учебных пособиях.

То же самое можно сказать и о затронутом в книге историческом периоде — на взгляд историка. Это все уже было в России, и не раз. В определенном смысле деятельность уполномоченных АСБ та же опричнина, только гипертрофированная и имеющая мощную поддержку через информационное давление на массы. Сейчас мало кто знает, что первонациально АСБ задумывалось как абсолютно закрытая спецслужба, инструмент устрашения «бояр». К моменту «январского путча» костяк Агентства был уже сформирован, и только неожиданные перестановки в верхах привели к тому, что АСБ была навязана совершенно новая роль. Что, впрочем, не отразилось на судьбе так называемых «олигархов» — за ними накопилось достаточно объективно доказанных грехов, чтобы возглавить списки врагов народа и отправиться в брак.

Кстати, расправа над «олигархами» — единственное более или менее позитивное деяние АСБ. Конечно, если слово «расправа» намеренно опустить.

Короче говоря, ситуация тех лет настолько прозрачна, что и говорить, собственно, не о чем. Кость государственного мышления, помноженная на бездарность и маниакальную жажду власти. Как следствие — тоталитарная идеология и жестокость,

возведенная в закон, точнее, поставленная над ним в лице АСБ.

Неудивительно, что роман «Выбраковка» остался фактически не замечен крупными специалистами, хотя и вызвал бурные отклики в стане литературных критиков. Не к чести последних, они подняли даже излишний шум вокруг банального «ужастика» с претензией на психологизм. Что, впрочем, можно оправдывать низкой степенью информированности околовлитературных кругов. Фактически задача данного комментария — в самой популярной форме прояснить для непосвященных ряд вопросов, которые могут возникнуть в процессе чтения романа.

Лично мне как исследователю, молодость которого пришлась на описываемый в книге период, к тому же пристально ознакомившемуся с некоторыми сохранившимися документами, трудно удержаться от саркастических замечаний по поводу многочисленных неточностей в деталях и концептуальных ошибок, допущенных автором. Но гораздо более важным мне представляется разбор самой авторской позиции, которая в «Выбраковке» просматривается весьма и весьма явно.

Характеризуя эту позицию, я мог бы ограничиться только одним словом — «трусливая». Посудите сами. Живописуя насилие, автор подробно рисует механизм его воспроизведения и того разрушительного воздействия, которое оказывает насилие на человека, его творящего. Раскрывая внутренний мир героя во всей его мерзости, автор тем не менее упорно пытается защитить этого человека, подбрасывая читателю недвусмысленные (хотя и сомнительные по правдоподобию) доказательства того, что герой якобы не так уж плох. Наконец, описывая идиллические картины повседневного безоблачно счастливого бытия

москвичей (обеспеченного, разумеется, действиями АСБ), автор создает фон, который заставляет читателя волей-неволей признать, что «доброму гражданину» в этом жестоком мире совершенно нечего бояться.

Но позвольте спросить — чью все-таки сторону занимает писатель? Взявшись обличать чудовищную систему, он ее всячески защищает. Рисуя положительные (!?) стороны «теории Сверхнасилия», воплощенной в жизнь, он будто нарочно открывает перед читателем галерею отвратительных типов, которые упомянутую теорию проводили на практике. Он, видите ли, предлагает нам самим решать, что такое хорошо и что такое плохо.

Немаловажную роль в запудривании мозгов читателя играют и эпиграфы к главам. Конечно, это чистой воды лапша на уши, но фактологически к эпиграфам не придерешься, отчего лапша вешается особенно эффективно.

Создается впечатление, что автору просто не хватило духа раскрыть свое истинное лицо, обозначить четко ту позицию, которую он занимает на самом деле. Думаю, вы без труда поймете, какую именно позицию я имею в виду.

Что это, как не трусость?

Разумеется, автор совершенно намеренно выбрал для книги относительно благополучный период в жизни страны. Напомним — в последние годы владычество так называемого Правительства народного доверия Союз действительно испытывал определенный экономический подъем, а преступность была подавлена едва ли не стопроцентно. Повсеместное восстановление института карательной психиатрии фактически купировало мало-мальские внешние проявления отклонений от условной нормы (это если не брать в расчет сотрудников АСБ, разгуливавших по

улицам свободно и наводящих ужас одним своим видом). Жесткое (до откровенной жестокости) исполнение экологических требований значительно оздоровило воздух больших городов. Плюс резкое снижение подоходного налога, внушительное повышение заработной платы госслужащим и пенсионных выплат, а также совершенно нереальный, но с точки зрения оболваненных масс весьма убедительный курс внутренней конвертации рубля (вот она, нынешняя гиперинфляция). Все это создавало у большей части населения состояние легкой эйфории и, соответственно, крайне снисходительное отношение к частично ограничению гражданских свобод. Вкупе с жесткой фильтрацией информационных потоков такая политика не могла не создавать у людей иллюзии, что все идет как надо. Особенно действовало на массовое сознание открытие границ и публикация объективной (!) статистики по эмиграции, которая оказалась аномально низкой для тоталитарного государства. Принимая во внимание все вышеперечисленные факторы, нельзя не признать, что Правительство народного доверия могло бы продержаться у власти еще года три-четыре, пока его не раздавили бы подспудно набиравшие силу деструктивные экономические процессы. С другой стороны, эта власть в людоедском запале попросту не могла не пожрать самое себя.

Выбор такого временного промежутка как бы снимает с автора часть ответственности. Он вроде бы не обязан напрямую рассказывать о массовых расправах, чинимых его героями, поскольку в описываемый период времени таковых не наблюдалось. Как вполне резонно говорит в книге главный герой напарнику-неофиту: «Чего пришел, мы всех уже поубивали». Более того, автор награждает своих выбраков-

щиков легким комплексом вины, опять-таки небезосновательно, поскольку давно пора. Да и внешние признаки комплекса описаны правдоподобно — они именно такие, какие и должны быть у патологических личностей, размытые и нечеткие. Выбраковщики элементарно не понимают, отчего и за что им так стыдно. Даже анекдотический перекос, выразившийся в яростном нежелании отстреливать бродячих собак, которые «ни в чем не виноваты», по слухам, имел место на самом деле.

Верно подмечена и странноватая, на взгляд непосвященного, система отбора сотрудников АСБ, когда на первый план выходил не оперативный опыт и умение вести себя в экстремальных ситуациях, а то, что у человека есть личный счет к уголовникам. И очень умело прорисовано выпирающее изо всех щелей, набирающее силу безумие. Безумие как шерифов-опричников, так и системы в целом.

Оставим на совести автора то, что никаких следов мифической «теории Сверхнасилия», открыто провозглашающей государство этаким «суперпаханом», т.е. главным и посему единственным преступником в стране, до сих пор не обнаружено. Скорее всего, данной теории не существовало, ее вполне заменял печально известный «Указ сто два». Так же неправдоподобна и история главного героя. При всей своей психической неадекватности этот человек, существуй он в реальности, не ходил бы по Москве с игольником и пистолетом, а был бы принудительно и навечно загнан опекуном в какую-нибудь африканскую тмутаракань от греха подальше. Абсолютно неверна, хотя и не лишена определенного мрачноватого изящества авторская трактовка возникновения термина «птичка». Человек по имени Павел Птицын в обозначененный автором временной отрезок ни в каких гос-

структуре не числился (это несмотря на весьма раздутые штаты — не повезло властям на Птицыных). А вот Павел Александрович Гусев действительно проходил по документам как старший уполномоченный АСБ, только не Центрального отделения Москвы, а Северо-Западного. На второй год выбраковки он был захвачен и впоследствии зверски убит бандой вымогателей, принадлежавшей к знаменитой и по сей день солнцевской братве (кстати, похожий эпизод в книге упомянут, хотя и не без вранья). Что известно автору о реальном Гусеве, его происхождении и родственных связях, и известно ли вообще, сказать трудно. По внешним данным и возрасту Гусев покойный и Гусев книжный совершенно разные люди. Вдобавок, кто такой на самом деле Гусев из книги и на что именно автор упорно намекает, тоже вопрос открытый. А детективные фокусы, когда совершенно невозможно понять, врет герой или говорит правду, лишний раз подтверждают, что и сам литератор пребывает на его счет в глубокой неуверенности.

Безусловно неверны постулируемые в книге основополагающие принципы личных взаимоотношений сотрудников АСБ и милиции. «Указ сто два» жестко связал эти две структуры организационно, но человеческий фактор и здесь внес корректиды. МВД всеми доступными способами уклонялось от контактов с выбраковщиками как на уровне руководителя высшего звена, так и простого участкового инспектора. Да, разумеется, АСБ более чем активно пользовалось милицейской «наводкой». Все оперативно-розыскные мероприятия в стране по-прежнему вели специалисты МВД (в Агентстве таковых попросту не было, что бы там ни утверждали малокомпетентные фантазеры). Данные по тем фигурантам, которые подпадали под «юрисдикцию» АСБ, исправно Агент-

ству пересыпались. Но подчеркнуто теплые отношения между выбраковщиками и некоторыми милиционерами, выпячиваемые автором к месту и не к месту, — такая же фальшь, как и эпизод, в котором мент с самоубийственной храбростью обзывает Гусева вождем палачей. Да, АСБ взяло на себя долю милицейской работы, но делало ее, во-первых, чисто механически, а во-вторых, исключительно топорно. Просто большая часть преступников, определенная по «Указу сто два» во враги народа, задерживалась (если не стыдно эту процедуру так назвать) и зачастую расстреливалась на месте людьми Агентства.

Означает ли это, что милиция пряталась за спины выбраковщиков и смирно ждала момента, когда ей разрешат снова занять свое законное место? Стоит ли думать, что милиционер улыбался в лицо «уполномоченному», а когда тот пройдет мимо, плевал через левое плечо и крестился? Первое утверждение неверно в принципе. Второе, скорее всего, на сто процентов соответствует истине. Задвинутые в угол милиционеры оказались в крайне дискомфортной ситуации. Конечно, они вынуждены были молча ждать своей очереди. Но считать, что ожидание было полно саркастической радости (мол, вы делайте грязную работу, а мы тут ни при чем), по меньшей мере глупо. Кстати, людская ненависть выплескивалась на ментов куда чаще, нежели на выбраковщиков. Ведь стоящий над законом сотрудник АСБ в ответ на справедливо гневное слово в свой адрес мог и выстрелить...

Практически не обозначена в книге позиция Русской Православной Церкви, точнее — произошедший среди духовенства раскол. Как известно, наряду с печально известным о. Ермогеном, провозглашившим АСБ Воинством Христовым, в анналах истории навечно запечатлен светлый образ сгинувшего на ка-

торге о. Валентина (Покровского). С канонизацией последнего РПЦ по непонятным причинам тянет до сих пор.

С неуместной для русского писателя бравадой обойден в книге и еврейский вопрос. Для автора он, кажется, не существует вовсе. Хотя есть достаточно веские основания полагать, что вопрос этот стоял в описываемый период необыкновенно остро, и дискриминация лиц коренных национальностей на территории Союза обогнала даже рекордные показатели ельцинских времен. Разумеется, некоторое количество евреев тоже было истреблено — но исключительно в первые годы выбраковки и, как правило, за преступления, связанные с вывозом капиталов (стоит напомнить, что по самым приблизительным оценкам не меньше семидесяти процентов российских денег, переправленных за рубеж в последнее десятилетие прошлого века, было вывезено евреями). Похоже, для автора это не аксиома. Он вообще склонен к легендированию читателя, ему представляется гораздо более интересным разрабатывать тему «Меморандума Птицына» и копаться в психологии выбраковщика, нежели заниматься делом и раскрывать истинные механизмы, вытолкнувшие на свет божий Правительство народного доверия и принудившие русских в массовом порядке заняться уничтожением себе подобных. Между прочим, евреев в АСБ не было вообще! Формально их туда не брали. Фактически такой порядок вещей был инспирирован международным сионистским лобби.

Даже на белорусской территории в отделениях АСБ «трудились» сплошь Ивановы, Петровы и Сидоровы, в большинстве своем импортированные из России! Не к чести братьев-славян будь сказано, они подозрительно легко согласились с абсурдным тези-

сом, что русские превосходят их в реакции и сообразительности, необходимых для оперативной работы. При том, что «сообразительные» русские уже отвыкли считать Беларусь своей землей. В лучшем случае они воспринимали союзное государство как некую оккупированную территорию — лишнюю, бесполезную, лишенную ценных ресурсов, к тому же наводнившую российские города толпами вахтовиков-гастарбайтеров. Последних с редкостным остервенением гоняли московские выбраковщики, и через какой-то год встретить в столице работягу-белоруса стало почти так же нереально, как, например, живого цыгана. То есть можно с полной уверенностью сказать, что АСБ как структура весьма психопатизированная с одинаковой легкостью и выполняла некие социальные заказы, и сама их формировала.

Что касается цыган, то их всего-навсего пинком вышибли из страны, выдавив за границы Союза — а могли бы поубивать. В этом тоже был стратегический расчет — местная цыганская диаспора уже не представляла себе жизни без активной торговли наркотиками, и Правительство народного доверия не постыдилось «нагадить ближнему», наводнив соседние государства (особенно — строптивую Украину, наотрез отказавшуюся вступать в Союз) толпами асоциальных элементов с полными карманами отравы. О том, как непросто оказалось вырывать цыганский криминалитет из общества, свидетельствует даже Гусев — упоминаемая им зверская перестрелка выбраковщиков с ментами на Киевском рынке Москвы на самом деле имела место. И случилась действительно из-за цыган, к засилью которых рыночная милиция относилась чересчур лояльно, если не сказать большего. АСБ в свойственной ему манере свалилось на рынок как снег на голову, да к тому же огромной толпой, и у

милиционеров не было ни малейшего шанса одержать верх — несмотря на теоретическое огневое превосходство. Милицейские автоматы «АКСУ» (и особенно «клин») либо пробивали легкую броню выбрковщиков, сконструированную «под пистолет», либо валили противника с ног. Но зато штатный «игольник» позволял уполномоченному АСБ безбоязненно стрелять по толпе очередями, кося и правых и виноватых (статистики по случаям, когда парализатор убивал жертву, не сохранилось, разные исследователи оценивают процент «незапланированного брака» от индивидуальной непереносимости как пять-шесть на сотню). Так или иначе, первое же резкое движение ментов спровоцировало такую массированную пальбу, что буквально через пару секунд на земле лежал весь рынок, в том числе и несколько аэсбэшников — зацепили свои. Из милиционеров домой вернулись только двое, один впоследствии сошел с ума и был забракован окончательно, со вторым мне удалось побеседовать, и это оказался абсолютно сломленный человек. По его словам, дознаватели АСБ обращались с ним подчеркнуто корректно и доброжелательно. Никаких деталей психотропного допроса он не помнил, но у меня создалось впечатление, что либо в качестве «сыворотки правды» был использован нетрадиционный препарат, либо допрашиваемый подвергся гипнотической обработке.

Эта история только лишний раз подтверждает, что ни о каком особом доверии между АСБ и МВД не могло быть и речи. Более того — милицейское начальство не без основания подозревало Агентство в стремлении к захвату власти. Не случись провального «второго октябрьского путча», когда заговорщики спровоцировали резню внутри АСБ, такой сценарий мог бы получить самое печальное развитие. Но рус-

ского народного дракона очень вовремя заставили откусить себе лишние головы. В дальнейшем это тоже сыграло немаловажную роль — на две трети обновленное, Агентство перестало быть неуправляемой силой. И когда Правительство народного доверия взорвал последний в его истории внутренний конфликт, немногие уцелевшие выбраковщики-ветераны уже не смогли удержать у власти своих покровителей. Им оставалось только бежать, погибнуть или сложить оружие. А поскольку, как и в прошлый раз, их пришли арестовывать собственные «младшие» коллеги, то последний выход избрали немногие.

Как видите, человеку, знающему атмосферу тех дней не понаслышке и к тому же имеющему некоторый опыт личного общения с выбраковщиками (представьте, какой именно опыт может быть у правозащитника и репортера нелегальной газеты), очень трудно не углубляться в частности. «Ловля блок» в псевдоисторическом художественном тексте вообще занятие довольно сомнительное. Но мне показалось немаловажным определить, насколько осведомлен о событиях десяти страшных лет выбраковки сам автор. И заявленная в самом начале данной статьи установка на поиск «хемингуэевской правды» в тексте дала определенные плоды. Как ни странно, вывод мой почти однозначен. Скорее всего, этот человек жил в России тогда и даже принимал участие в событиях. А разбросанные по тексту отчетливые знаки позволяют выдвинуть гипотезу (я подчеркиваю — гипотезу), что его деятельность имела вполне определенный характер. И быть может, некоторые фактические искажения, допущенные автором, — не более чем камуфляж.

Как известно, писатель — существо особое, наделенное даром подсматривать и анализировать нюан-

сы личностного общения, ускользающие от взгляда обывателя, к коим я отношу и себя. Опытный автор, располагающий большим массивом обработанной информации, также умеет и моделировать ситуации, которых никогда не видел (недаром так правдоподобны бывают выполненные на высоком уровне заведомо фантастические романы). Но в данном случае меня не покидает ощущение, что некоторые поступки и особенно диалоги «Выбраковки» списаны, что называется, с натуры. Так оно все и было на самом деле. Или, как минимум, должно было быть.

Но это все-таки не сама правда. Это всего лишь довольно ловкая имитация правды. Настоящая правда московских улиц и квартир была куда горше и безнадежнее.

И я рискну заявить, что автору она известна досконально. Поэтому он и встал за угол, стесняясь явить нам свое истинное лицо. Но лучше бы он по-честному выглянул. Отсутствие авторской позиции — наиболее серьезный просчет этой книги, в которой есть замах на проблему, но так и не происходит удар.

Модный некогда прием — уйти в сторону и оставить читателя наедине с текстом — в данном конкретном случае ошибочен и не выдерживает критики. Период так называемой выбраковки — слишком больной момент в новейшей истории нашей страны, чтобы автору уходить в тень. Еще не затянулись раны, еще не все преступники водворены туда, где им и место. Отсиживающиеся в странах «третьего мира» вожди «январского путча» и функционеры Правительства народного доверия дают обширные интервью враждебным Родине изданиям. До сих пор не устоялось мнение о том, как все-таки относиться к «младшим» — уполномоченным АСБ второго потока, не успевшим, как правило, особенно себя запятнать,

потому что их основной задачей оказаласьнейтрализация старших коллег. Не кажется ли вам, что в такое время подобные «Выбраковке» аморфные, нарочито «объективные» публикации неуместны?

Десять лет выбраковки, за которые было зверски истреблено по некоторым оценкам до десяти миллионов россиян (включая умерщвленных младенцев с аномалиями развития и не считая насильственно прерванных беременностей, по которым статистика не велась), сильно ударили не только по нашей стране, но и эхом прокатились по всей планете. Мы вынесли из этого кошмара только одно — четкое понимание того, что насилие как метод врачевания общества абсолютно непродуктивно. Очень свежая мысль, не правда ли? Спрашивается — неужели перед глазами кремлевских душегубов ни разу не вставали исторические аналогии? Оказывается, не вставали. Наверное, единственная положительная сторона данной книги — лишнее подтверждение того факта, что Россией, как всегда, руководили маниакально властолюбивые амбициозные двоечники. Но подтверждение действительно лишнее, потому что любому мало-мальски образованному человеку сей факт прекрасно известен.

И тем более закономерно, что авторы парапоидальной «неоспартанской» модели общественного устройства в итоге натравили собственных цепных псов друг на друга, сами перегрызлись и утратили власть. А страна Россия, несгибаемая, непобедимая и неподвластная уму (во всех смыслах), — осталась. По большому счету мы снова вернулись к отправной точке, которая описывается емким словом «разруха» и за которой, слава Всевышнему, обычно начинается подъем. И если кто-то сможет забыть о миллионах невинно убиенных, ему покажется, что в нашей стра-

не вообще ничего особенного не произошло. Десять лет выброшено на ветер, и только. Выбраковка, если воспринимать ее в отрыве от кровавых реалий, как просто исторический процесс, — не достигла цели, не дала никаких позитивных результатов, не добилась совершенно ничего.

Тот же самый результат можно с полной уверенностью предречь и одноименной публикации.

*Иван Большаков,
шеф-редактор правозащитной газеты
«Эхо Москвы» — специально для ОМЭКС*

Хроники повествуют, что во времена его правления можно было бросить на улице золотую монету и подобрать ее через неделю на том же месте. Никто не осмелился бы не то что присвоить чужое золото, но даже прикоснуться к нему. И это в стране, где за два года до того воров и бродяг было не меньше, чем оседлого населения — горожан и земледельцев! Как же произошла такая метаморфоза? Очень просто — в результате планомерного очищения общества от «асоциальных элементов».

частковый Мурашкин лениво брел по вверенной ему территории. Задворки Второй Фрунзенской всегда считались относительно спокойным местом, а теперь здесь можно было вообще помереть с тоски. Особенно — если в твои обязанности входит защита правопорядка. Мурашкин учтиво раскланивался с сидящими на лавочках бабушками и улыбался детишкам, которые весело махали ему руками из недр кукольно-ярких игровых городков. В какой-то момент участковому повезло — знакомый мужик ковырялся в двигателе «Москвича», — но поломка была пустяковая, и вволю почесать языком не получилось.

Заросший грязью пистолет, вечно молчащая рация и планшет со слежавшимися бланками протоколов казались лишними и страшно раздражали. Мир вокруг был стерileн, чист и на вид совершенно безопасен — выскошенный асфальт, ровно подстрижен-

ные газоны, спокойные лица прохожих. Мурашкин заглянул в пару магазинов, поболтал с сонными по слухаю дневного безлюдья продавцами и окончательно сник. Усевся на лавочку в сквере, закурил и в легком отчаянии подумал, что опять ему совершенно нечем заняться.

Другой бы на его месте радовался, но участковый Мурашкин был, на свою беду, человек долга. Он с детства уяснил, что добро просто обязано иметь кулаки, и если ты за все хорошее и против всего плохого — нужно что-то делать. Поскольку никаких особых талантов за Мурашкиным не числилось, он реализовал тягу к переустройству мира самым естественным образом — после армии пошел в милицию. И только-только почувствовал себя на своем месте, как в стране грянули перемены. В первые дни казалось, что новая власть своим знаменитым «Указом сто два» выплеснула на улицы волну насилия. Но волна довольно быстро склынула и уволокла с собой почти весь тот контингент, что мешал нормально жить как порядочным налогоплательщикам, так и участковому Мурашкину в их числе.

Нужно отдать должное проклятым выбраковщикам — они причесали город очень частым гребнем.

И из тех, кого забраковали, не вернулся никто. Выбраковка недаром обзвывала свои машины «труповозками». Не важно, забрали тебя из грязной коммуналки (а ведь не стало их, коммуналок-то, всего за какой-то год!) или из роскошного пентхауза — вот тут, на набережной, — урод пропадал, освобождая место для нормального, честного, достойного человека.

И как бы ни было противно сознавать, что прямо у тебя под носом орудует сила, которую не сдерживаёт закон, стальными тисками сковавший тебя самого, — Мурашкин на выбраковщиков не злился. Он

понимал — временная мера. В «Указе сто два» так и написали, черным по белому. Еще пара лет, от силы года три... Поэтому Мурашкину никогда не приходило в голову попроситься в АСБ. Он по своему нынешнему безделью отлично понимал, что такое оказаться выброшенным из жизни. А ведь это ждет рано или поздно каждого из тех, кто сейчас вместо него, Мурашкина, подставляется под бандитские пули. Хотя какие теперь бандиты... Поубивали всех. А кого не убили — загнали пожизненно на каторгу. По-честному. Мол, вы, ребята, погуляли за наш счет, теперь потрудитесь на наше благо.

И все-таки интересно, чем займутся парни из АСБ, когда правосудие вернется на привычные рельсы и милиция из профилактической службы опять станет тем, чем ей положено быть. Странный народ там, в Агентстве. Своеобразный, если не сказать больше. «Некоторые, кстати, и говорят не стесняясь», — подумал Мурашкин. И сразу вспомнил, как на прошлой неделе в отделение зашел выбраковщик. Что-то ему нужно было от начальника. Мурашкин, без дела ошивавшийся во дворе и ждавший, когда ребята сменятся и можно будет пойти вдарить по пиву, сразу его вычислил. Невысокий, даже щуплый, лет сорока, с заметной сединой в черных волосах... «Скромный такой. И с ласковыми глазами убийцы». И один лейтенант, видимо знавший выбраковщика в лицо, с порога чуть ли не крикнул: «Какие люди, и без наручников! Вы смотрите, кто пришел! Да это же Пэ Гусев, вождь палачей!»

У Мурашкина тогда все съежилось внутри. А тот Гусев лейтенанту просто кивнул, будто такими репликами его и положено встречать. Показал дежурному свой значок и прошел к начальнику.

Да, худо придется выбраковщикам, когда их услу-

ги окажутся никому не нужны. А ведь милиция им по большому счету в ножки должна поклониться. Мурашкин отлично помнил те времена, когда от него, человека в серой форме, люди шарахались, как от чумного. Теперь полюбили. Малышня так на руки и лезет, взрослые не воротят морду, а первыми здороваются...

Мурашкин курил и думал, какого черта он тут делает. Можно пойти в опорный пункт и вволю поиграть на компьютере. Можно отправиться домой и приготовить что-нибудь эдакое на обед, жену порадовать... По телевизору смотреть днем нечего — гонят советские фильмы и пропагандистские шоу на тему, как хорошо жить в Союзе. Жить-то стало действительно неплохо, но все равно тоска. Участковый сунул нос за пазуху в надежде, что случайно отключил радио. Но тусклая красная лампочка горела, и динамик еле слышно шуршал.

Разве что нанести один- другой профилактический визит? Проверить, например, не запила ли вновь эта дура Татьяна. Или в сотый раз попробовать объяснить старому маразматику Дундукову — вот же фамилия! — чтобы перестал на нее строчить анонимки, все равно бумажки с подписью «Борец за нравственность» к рассмотрению не принимаются...

От соседней школы донесся оглушительный вопль, как будто там кого-то резали очень тупым ножом. Мурашкин и ухом не повел — это просто началась большая перемена. Но мысли его пошли по вполне определенному направлению. Точно, зайти к Татьяне. Она когда записывает, у нее ошибаются разные типы. Ведут себя обычно тихо, ничего криминального, но два неуравновешенных человека в одном помещении — уже повод к бытовухе. А если они еще и начнутся как следует? Не обидели бы дочь.

Бездетный Мурашкин тяжко переживал, когда у симпатичных детишек оказывались непутевые родители. Дай ему волю, он прелестную белокурую шестилетнюю Машеньку отнял бы у Татьяны силой и удочерил. Все равно ведь мать сопьется и рано или поздно либо на принудительное лечение угодит, либо вообще в лагерь. Только успеет до этого ребенка испортить. Жаль.

Да, к Татьяне. Прямо сейчас. Мурашкин бросил окурок в урну, поднялся и быстрым шагом двинулся в глубь квартала.

Уже поднимаясь на этаж, участковый почувствовал смутное беспокойство. А когда протянул руку к кнопке звонка, услышал неясный звук, доносящийся из квартиры. То ли стон, то ли плач. За обшарпанной дверью происходило что-то нехорошее. Мурашкин позвонил. Никакого ответа. Он позвонил снова. Внутри завозились и притихли.

— Откройте, участковый! — крикнул Мурашкин.

И опять услышал тот же звук. Точно, это плакал ребенок.

Никаких сомнений — там, внутри, стряслась беда. Участковый отошел к противоположной стене, оттолкнулся и наподдал дверь плечом. Влетел в квартиру с дверью в обнимку, упал, вскочил и бросился вперед.

Хозяйка валялась в коридоре, Мурашкин и дверь на пару едва ее не зашибли. Да Мурашкин чуть было и не принял женщину за мертвую. Но Татьяна вдруг открыла глаза, тупо посмотрела на участкового и пробормотала:

— И ты тоже пошел на х...й...

После чего с отчетливым стуком уронила голову набок и, кажется, заснула.

Мурашкин толкнул дверь в комнату и осталенел. Перед ним стоял какой-то незнакомый пропитой му-

жик и поспешно заправлял рубаху в штаны. А забившаяся в угол Машенька, заливаясь слезами, размазывала по чумазой мордашке белое и липкое.

Дальше участковый действовал четко и стремительно.

И так хладнокровно, как до этого никогда в жизни.

Телефонный звонок разбудил Гусева в полдень. Гусев, не открывая глаз, свесился с кровати и принялся шарить по полу. Как ни странно, телефон не нащупывался, а свисать было очень неудобно — какой-то валик твердо врезался в живот. Потом рука зацепила что-то стеклянное, которое тут же упало и покатилось. Гусев заподозрил недоброе, с трудом разлепил один глаз и обнаружил, что лежит поперек своего любимого кресла в гостиной, а на полу вокруг в живописном беспорядке валяются пивные бутылки.

Кряхтя и постனывая, Гусев сполз на пол и начал тыкаться носом в пузыри, втайне надеясь, что хоть один да оставил вчера без внимания. Чуточку жидкости прочистить мозги. А заодно и вернуть себе дар речи, потому что телефон, судя по назойливому курлыканью, вознамерился-таки его допечь и призвать к ответу.

Бутылки оказались пусты. Гусев не без труда встал на ноги и поплелся на кухню. Походя он снял с базы радиотрубку и прижал ее обеими руками к груди, пытаясь хоть так приглушить сигнал.

Трубка задушенно хрюкала с методичностью, достойной лучшего применения. То ли это ошибся номером какий-нибудь факс-модем, то ли звонил человек, знающий гусевский распорядок дня и железно уверенный, что абонент дома. Первое было предпочтительнее, но в чудеса Гусев принципиально не верил.

Скорее всего настойчивые звонки предвещали очередную свеженькую, с пылу с жару, неприятность.

Телефон умолк на пороге кухни, да так неожиданно, что Гусев даже остановился. С глубоким сомнением посмотрел на трубку. А потом, будто очнувшись, сунул ее не глядя в окружающее пространство (оказалось — в забитую грязной посудой раковину) и прыгнул к холодильнику.

На полочке лежала заначка — две бутылки «Балтики» номер три. Гусев огляделся в поисках открылок, сообразил, что та после вчерашнего наверняка в гостиной, и, недолго думая, уцепился пробкой за край батареи. Несильно врезал сверху раскрытой ладонью (пробка с тихим звяканьем укатилась под ноги) и жадно припал к горлышку.

Через несколько секунд бутылка опустела наполовину, а в глазах человека появилось более или менее осмыщенное выражение. Гусев тяжело выдохнул, уселся за кухонный столик и мысленно обложил последними словами гадину, разбудившую его раньше времени. Ни особого похмелья, ни физической разбитости Гусев не ощущал. Он просто все еще был здорово пьян. Оставалось только допить пиво, раздеться и лечь в кровать. Хотя бы часика на три-четыре. Инструктаж перед ночным в семнадцать. Хотя какое это ночное — так, зайти отметиться... Нет больше тройки Гусева. И когда ему теперь дадут хотя бы одного стажера, черт его знает. А в одиночку выбраковщика никто на работу не пустит. Мало ли что ему в голову взбредет.

Инструкция очень четко объясняла, почему нужно ходить втроем. И как себя вести в тех исключительных случаях, когда можно вдвоеом. Но на взгляд Гусева, все эти хитрые расстановки уступом, просчитанные для каждой тройки специально, исходя из

баллистических характеристик оружия и индивидуальной психологической устойчивости бойцов, расписывались, только чтобы запудрить выбраковщикам мозги. Он-то отлично знал, почему на самом деле сотрудникам АСБ положено ходить стаей. Дай Гусеву волю, он бы своих коллег не то что на работу, а и просто в магазин за хлебом поодиночке не выпускал.

И себя, ненаглядного, в первую очередь.

Одинокий выбраковщик, тревожно-мнительный, неуверенный в себе, волочащий по асфальту длинноящий хвост многочисленных комплексов, представляет для мирных граждан куда большую опасность, чем целая преступная группировка. А поскольку банды, шайки и мафиозные кланы на территории Союза успешно выбраковщиками изничтожены...

Именно на этой фразе вчера Гусева перебили. Начальник Центрального отделения ласково попросил его засохнуть. Гусев засох и сел на место, ловя затылком неприязненные взгляды. Как обычно, его не поняли. Его вообще никогда не понимали. Никто. Всю жизнь.

Хотя, быть может, на этот раз намек получился слишком тонким. Но как еще передать людям свою тревогу за их же безопасность? Как объяснить, что буквально всем телом Гусев предчувствует беду? А ведь он в АСБ уже шесть лет, почти с самого начала, и кому, как не ему, взвалить на себя тяжкую долю местного оракула? Когда догадаются остальные, будет уже поздно. Один-единственный приказ сверху — и застоявшиеся ОМОНЫ и СОБРЫ передавят выбраковщиков как котят. С диким наслаждением передавят. Таких, как Гусев, прожженных ветеранов — отловят по одному и тут же застрелят при попытке к бегству. А прочую мелюзгу вообще пачками лопатой будут и не подавятся.

«Нас в Москве чуть больше тысячи. И от силы десять тысяч по всей стране. Мы — ничто, мы — жалкие крохи, и нас просто смахнут рукавом со стола. А потом накроют стол по новой».

Предаваясь невеселым размышлению, Гусев прикончил бутылку и в задумчивости оглянулся на холодильник. Точно, допить — и баиньки. Если, конечно, эта гадина...

Гадина оказалась легка на помине. Среди чашек и тарелок обиженно тренькнуло.

Гусев встал, двумя пальцами ухватил трубку за огрызок антенны и выудил из раковины. Взял полотенце и тщательно протер. Нажал кнопку и хмуро, стараясь, чтобы голос получился совершенно лишенным выражения, сказал в микрофон:

— Зачем вы меня разбудили?

На другом конце линии раздался страдальческий вздох.

— Паша, как хорошо, что ты на месте! Выручай, старина! Кроме тебя...

— А-а, товарищ подполковник... Ну-ну.

Слышно было, как подполковник Ларионов, начальник близлежащего отделения милиции, угрызается совестью. Выражалось это в сопении и покашливании.

— Паша...

— Я вот что-то вспомнить не могу, кто это меня на днях вождем палачей обозвал? — вслух задумался Гусев.

— Да ты что! — деланно изумился Ларионов.

— Ты же знаешь, товарищ подполковник, я терпеть не могу, когда мне прямо так в глаза правду-матку режут.

— Паша, ну хватит, в самом деле...

— Мне правда глаза колет, понимаешь?

— Хорошо, я им скажу.

— И скажи.

— И скажу! Так скажу, присесть не смогут!

— Вот сейчас пойди и скажи. Этому, как его... Ну, летеха такой мордастый. С усами.

— Паша, можно я с тобой закончу, а потом сразу пойду и скажу ему?

Гусев усмехнулся в трубку.

— Он меня боится, — сообщил он заговорщикеским шепотом. — Они все меня боятся. Слушай, подполковник, а ты меня боишься?

— Извини, не очень.

— Как же так?

— А я смелый. Отважный я. Слушай, Паш, тут у нас большая неприятность случилась. Выручи еще разок? Ну, пожалуйста.

— Опять твои психопаты арестованного забили?

— Если бы арестованного, я бы тебе не звонил.

— Ну а кого тогда?..

— Понимаешь... Мурашкин с пятого участка, прекрасный мужик, взял и застрелил одного урода. В состоянии аффекта застрелил.

— Ничего не понимаю, — удивился Гусев. — Ваша братия каждый божий день кого-нибудь застреливает в состоянии аффекта. И рисует в отчете самооборону. Напивается до состояния аффекта, а тут навстречу топает мирный гражданин в состоянии аффекта, и начинается самооборона из всех видов оружия... Странно, что вы друг друга еще не перезастреливали. Даром что пребываете в состоянии аффекта с утра до ночи...

Он мог бы долго еще распространяться на этот счет, но Ларионов его перебил.

— Паша, — сказал он. — Я тебя слушаю и балдею. Всю жизнь бы слушал. Позови какого-нибудь юношу

из «Московского комсомольца», он с тобой потом гонораром поделится. Но мне действительно нужна твоя помощь.

— То есть этот прекрасный мужик, участковый КАКАШКИН, не умеет писать и не может поэтому нарисовать в отчете самооборону.

— Да он в больнице! — рявкнул Ларионов.

— Почему? В какой?

— В Алексеевской, идиот!!!

Гусев задумался.

— Ничего себе... — пробормотал он. — ПСИХУШКА, значит... Ладно, начальник, считай, я тебя прошил. Докладывай обстановку.

— Докладываю, — согласился Ларионов. — Имеем два трупа...

— Ты же говорил...

— Нет, он еще и бабу одну грохнул.

— А-а, на почве ревности...

— Гусев, помолчи. Я же тебе докладываю. Имеется выбитая дверь, за ней два трупа, мужской и женский. Значит, женщина — хозяйка квартиры, мужчина — ее сожитель. Еще имеется девочка пяти лет, дочь хозяйки, живая, у нее глубокий шок, судя по всему, имело место изнасилование.

Гусев хотел было ляпнуть: «Хорошо погулял участковый КАКАШКИН!», но быстро прикусил язык. Он уже догадался, что к чему. Случай был в каком-то смысле типовой.

Наверное, каждый выбраковщик прошел через это — на твоих глазах некто отвратительный совершает нечто ужасное. И в этот момент тебе впервые в жизни по-настоящему «сносит башню». Вот почему уполномоченным АСБ не положено настоящее оружие. Только уродливый пневматический игольник — автоматический пистолет, который стреляет иголка-

ми с парализатором мгновенного действия. Кстати, побочный эффект этой мгновенности — адская боль. Малость химики перемудрили — наверное, у них тоже были личные счеты с врагами народа.

— Факт, что насильник — сожитель хозяйки, не вызывает сомнений, — объяснил Ларионов. — Мурашкина подобрали в совершенно невменяемом состоянии, и он еще долго ничего рассказать не сможет. Да и нечего тут рассказывать, и так все ясно. Зашел для профилактической беседы, что-то услышал, позвонил, не открыли, вышиб дверь... Ну и так далее. Нервы сдали у мужика. Клянусь, я его очень хорошо понимаю. Ничего, подлечится — еще послужит.

Гусев хмыкнул, но от комментариев воздержался. Понятно было, что Ларионов своего подчиненного не сдаст, тем более считая его ни в чем не виноватым, а просто человеком, попавшим в беду. Но снова давать ему в руки оружие и власть... «Гусев, окстись, ты и сам ничуть не лучше».

— Короче говоря, был звонок насчет стрельбы, — продолжал Ларионов. — От соседей на центральный пульт. Как положено, выехала группа, то есть все уже зарегистрировано и оформлено. Но слава богу, у ребят хватило ума на месте разобраться, что к чему, и приостановить дальнейший процесс. Гусев, дружище, возьми все на себя, а? Ты представь, какой официальный «глухарь» из этого дела получится! Его в принципе спихнуть не на кого.

— Кроме меня, — заметил Гусев. — Разумеется, ни один нормальный вор не возьмет на душу изнасилование несовершеннолетней и двойную мокруху. Да у тебя небось и нет сейчас живого вора. Ты уж, наверное, забыл, как они выглядят. А вот добренъкий Гусев на все, что угодно, подпишется.

— При чем тут изнасилование, оно, считай, рас-

крыто. Паша, это ведь твой контингент! А запрос я тебе задним числом оформлю. И свидетелей, все как положено.

— Знаешь, подполковник, — сказал Гусев негромко. — Я, конечно, о нас с тобой невысокого мнения, но вот в такие моменты удивляюсь — и чего это у нас еще крылышки не выросли? У тебя как там, слушаем, нимб не проявился? Гос-по-ди! Среди каких уродов мы живем! Это же просто уму непостижимо!

— Берешь? — спросил Ларионов с плохо скрываемой надеждой в голосе.

— Кроме твоих людей, никто этого Мурашкина не видел? — деловито осведомился Гусев.

— Да нет, он как отстрелялся, так на месте и завис. Метался, бормотал что-то. Группа подъехала буквально через три минуты. Вывели его тихонечко... Если кто во дворе и заметил, что в группе стало на одного человека больше, так сам ведь знаешь, менты они вроде китайцев, на одно лицо. А в больницу я его по блату сунул, там все будет шито-крыто.

— К тестю, что ли? — вспомнил Гусев.

— Ну.

— Ладно, — вздохнул Гусев. — Через полчаса зайду. Готовь мне запрос и сопровождающих. Если дашь того усатого лейтенанта, буду тебе отдельно признателен. И бутылка с тебя.

— Да хоть ящик! — радостно взывал Ларионов.

— Значит, все-таки берешь взятки! — обрадовался Гусев.

— Почему?

— Откуда у тебя деньги на ящик, ты, подполковник!

— Нам в прошлом месяце опять зарплату повысили, между прочим. А потом, я для хорошего человека, — твердо сказал Ларионов, — последнюю рубаху сниму!

— Это я-то хороший? — удивился Гусев.

— Конечно, — подтвердил Ларионов. — А если приедешь через двадцать минут, я тебе еще и не такое скажу.

— Обойдусь. Через полчаса встречай.

— Ну, Пашка, ну, выручили! Спасибо!

— Пока еще не за что, — отрезал Гусев и дал отбой.

Некоторое время он стоял посреди кухни, задумчиво перебрасывая трубку из руки в руку и прикидывая, как навязанную Ларионовым фиктивную выбраковку провести через отчетность Центрального отделения АСБ. Ведь если подходить к вопросу формально, то на сегодняшний день старший уполномоченный Агентства социальной безопасности Павел Гусев существовал только де-юре. Де-факто ему положено было регулярно являться на инструктаж, а потом вместо работы плестись на все четыре стороны. Ведущий, потерявший за месяц двоих из тройки. Потерявший заодно и последние остатки доверия в отделении. Со всех сторон только неприязнь и страх. Впрочем, ему не привыкать. Всегда его по жизни сопровождали эти два чувства. Он боялся, его боялись. Он ненавидел, его ненавидели. И обе стороны, как правило, эти чувства умело скрывали. Гусев себя контролировал, потому что знал — может убить. Все остальные — потому что знали: действительно может.

Только внутри ушедшей в небытие тройки Гусев становился нормальным человеком. Ему повезло с помощниками. Атмосферу, сложившуюся в команде, вряд ли можно было назвать взаимопониманием. Но вот доверие, готовность прикрыть спину, а то и заслонить товарища грудью — эти взаимные чувства они, трое, ощущали друг в друге не раз и не два. Вы-

ходя в город, тройка Гусева превращалась в единый организм.

Эта команда была неистребима. И прожила бы очень долго, не случись двоим из троих попасть под выбраковку самим.

ГЛАВА ВТОРАЯ

В этом — разгадка неслыханной и не имеющей аналогов в мировой истории повальной честности населения Валахии в середине XV века. После того как тысячи воров погибли на кольях или сгорели в пламени костров на городских площадях, новых охотников проверить свою удачливость уже не находилось.

Сентябрь в этом году выдался сухим, но прохладным. Лучшая погода для выбраковщика, который по долгу службы предпочитает одежду из плотной ткани и свободного покроя, скорее даже мешковатую, чтобы не так выпирала наружу его профессия. Летом Гусева ужасно раздражала необходимость мазаться специальными кремами и надевать гигроскопическое белье. Иначе он бы просто умер, закованный в спасительную, но абсолютно глухую броню. А сейчас он чувствовал себя просто замечательно. Легкая, но прочная кожанка с полами до середины бедра удачно маскировала все полпуда с гаком железа и пластмассы, которые он на себе таскал.

Тем не менее у станции метро Гусева вычислили. Он задержался купить сигарет, и тут же рядом притормозил «Соболь» с эмблемой Службы доставки на двери.

— Помощь не требуется, коллега? — спросил парень в белом халате, высовываясь из окна.

Гусев бросил через плечо сумрачный взгляд, промолчал и снова повернулся к окошку табачного киоска. Протянул было деньги, но тут задняя дверь киоска открылась, и внутрь шагнул некто, судя по выражению лица — хозяин. Гусев присмотрелся, вздохнул, пробормотал: «Извините, у нерусских не покупаем» — и тяжело потопал к соседней палатке. Несмотря на вполне приличное настроение, ходить сегодня было отчего-то трудно.

«Соболь» все не уезжал. Взяв свое курево, Гусев подошел к фургону.

— Что там было насчет помощи? — спросил он угрюмо. — Какая еще помощь?

— Наркологическая, разумеется. Хотите маленький укольчик? Второе рождение гарантировано. Вы же чувствуете э-э... дискомфорт, сразу видно.

— Вот это глаз! — восхитился Гусев.

— Работа такая, коллега. Давайте заходите.

— Н-нет, спасибо, — пробормотал Гусев. Нарколог ему понравился, у него было приятное открытое лицо и заразительная улыбка. Но понравился не настолько, чтобы позволять тыкать в себя иголками.

— Вам же на маршрут сейчас, верно? Давайте поправим здоровье. Я просто нарушу профессиональную этику, если отпущу вас.

— Как вы меня раскрыли? — спросил Гусев, безуспешно пытаясь оглядеть себя в поисках какого-нибудь вопиющего изъяна.

— Просто характерная моторика. Сейчас она, конечно, слажена — последствия интоксикации. Но все равно — если знать, что искать, видно.

— На психиатра, что ли, учитесь? — догадался Гусев.

— Верно. Не буду же я всю жизнь пьяных по домам развозить. Доставка — это так, ради денег. Ну давайте ныряйте в наше гостеприимное лоно.

— Не-а.

— Почему?!

— Страшно.

— Тыфу! Поймите, вам через пять минут станет легче. А через пятнадцать — как новенький будете.

— Я с похмелья тревожный, — признался Гусев. — Боюсь автомобилей, низколетящих голубей и врачей-убийц.

Из кабинки раздался сдавленный хохоток — водитель подслушивал. Нарколог смерил Гусева взглядом, которым одаривают непослушного ребенка.

— С вас прямо хоть диплом пиши, — сказал он. — Особенno если низколетящие голуби... Не хотите укол, могу смешать микстурку. Но дальше ждать придется. Слушайте, а можно я вам хотя бы давление померяю?

— Я что, настолько плох?

— Жить-то будете...

Гусев сдался и полез в машину, бормоча: «До чего ж вы, медики, настырные...» Внутри обнаружился еще один клиент доставки — поперек двух кресел развалился некий молодой человек в парадном мундире флотского прапорщика. Фуражка у моряка съехала на нос, сбоку из-под нее выбивались неуставные русые кудри.

— Здорово, полундра, — бросил ему Гусев. Тот не отреагировал.

Давление у Гусева оказалось явно пониженное.

— Ну хотя бы валокордин, — предложил врач.

— Делать вам нечего...

— Ваша правда, коллега. Скука жуткая. Третий час уже катаемся, хоть бы кто под колеса упал...

В сентябре вообще мало пьяных, в основном работают люди, восстанавливают подорванное отпусками материальное благополучие.

— А это? — Гусев ткнул пальцем через плечо. — Что ж вы его домой не везете?

— Товарищ капитан первого ранга, мичман Харитонов... — неожиданно сообщил в пространство флотский. После чего громко всхрапнул и снова отключился.

— Это мичман Харитонов, — объяснил врач, отсчитывая капли.

— Вижу, что не адмирал Нахимов...

— Вот, пейте. Бедняге нельзя домой, он на службе. Никак до Генштаба не дойдет. Ничего, я ему такой коктейль в вену запузырил...

Гусев проглотил лекарство.

— Спасибо, — кивнул он, возвращая стакан. — Слушайте, доктор... Можно некорректный вопрос?

— Смотря насколько, — улыбнулся врач. Гусев сначала малость опешил — на его памяти так с выбраковкой не разговаривали, — а потом сообразил: медик АСБ совершенно не боится. Искренне не боится — наверное, совесть кристально чиста. «Побольше бы нам таких».

— Для вас что, на самом деле все пациенты одинаковы? — спросил Гусев.

— Разумеется. Я же клятву давал.

— Клятва штука хорошая... Но если по-человечески? В любом случае все люди разные, и кто-то вам окажется симпатичен, а кто-то, наоборот, противен до отвращения. Как вы с этим справляетесь?

— Поначалу старался абстрагироваться. Подходил к вопросу с точки зрения долга. А потом, наверное, привык. К тому же больного легко пожалеть, какой бы он ни был скотиной. Больные все страдают.

— Пожалеть... — Гусев покивал своим мыслям. — Пожалеть...

— Я, кажется, понимаю, — догадался врач. — У вас схожая проблема?

Гусев замялся.

— Да как сказать, — пробормотал он. — Вряд ли. Медик иногда вынужден жестко себя вести с пациентом, даже причинить ему боль, чтобы тот потом выздоровел. А мне... А нам приходится делать больно одному человеку, чтобы стало хорошо другим.

— Не вижу особой разницы, — твердо сказал врач.

— Наверное, она в том, что мы специально учимся не жалеть своих клиентов. Даже провоцируем их на драку, чтобы не было стыдно. А мне кажется...

— Еще бы вы их жалели! — перебил врач. — Так и рехнуться недолго.

«Вот оно, новое поколение, — мелькнуло у Гусева. — Допрыгались. А рассказать моему старику — помрет от счастья. Нет, ошибся я, таких нам даром не надо...»

— Вы еще молодой. Сколько вам, простите?

— Двадцать два.

— У-у... — Гусев улыбнулся. — Все бы отдал на свете, чтобы мне сейчас было двадцать два.

— А вам где-то сорок? Но в любом случае вы мне нисколько не противны, коллега. Ну, я ответил на вопрос, не так ли?

Гусев задумчиво кивнул, выбрался из фургона и остановился, придерживая дверь.

— Вы гораздо проницательнее, чем мне показалось на первый взгляд, — сказал он. — Я действительно хотел убедиться, что не противен вам. Спасибо за помощь, спасибо за внимание. Совет хотите? Полезный для жизни. Никогда, понимаете, ни при каких

обстоятельствах не называйте выбраковщика «коллегой». Мы с вами оба работаем на государство, но заняты совершенно разным делом.

— Отнюдь. Мы оба лечим, — не согласился врач.

— Вам, юноша, с такими взглядами нужно работать в АСБ, — фыркнул Гусев, — а не пьяных по улицам собирать.

— Но я буду работать в АСБ. Уже через год. Меня берут стажером в медслужбу. Так что, может, еще увидимся.

— А-а... Ну да. Конечно. Понятно. — Гусев захлопнул дверцу и ушел прочь.

Обычно Гусев, выходя на улицу и погружаясь в мир людей, привычно входил в состояние легкой настороженности, готовый мгновенно среагировать на тревожный сигнал, он будто ощупывал пространство вокруг — нет ли где непорядка, не обижают ли кого. Но после беседы с не в меру ретивым наркологом Гусев погрузился в себя. На эскалаторе он смотрел под ноги, и искомый непорядок заметил, когда уже проезжал мимо. А в эпицентре непорядка молча страдало обиженное существо.

Возле будки дежурного стояли несколько человек, глядя куда-то вниз, на «гребенку» правого эскалатора, который сейчас был остановлен. Сам дежурный почему-то отсутствовал¹. Гусев обогнул будку и раздвинул людей плечом. На стыке «гребенки» и по-

¹ По поводу данного эпизода руководство государственного предприятия «Московский Метрополитен» заявило решительный протест еще в 2015 г., после выхода первого издания книги. Дежурный по эскалатору не покидает свой пост ни при каких обстоятельствах. Описание такого вопиющего случая пренебрежения работником метрополитена его служебным долгом полностью на совести автора. — Примеч. ОМЭКС.

ла с выражением мольбы на длинной морде сидела в неловкой позе небольшая грязно-белая дворняжка.

Гусев такого раньше не видел, но сразу понял, что случилось. Несколько прядей с растрепанного хвоста собаки каким-то образом защемило между стальными ребрами «гребенки» и тележкой эскалатора. Псины редкостно повезло — хвост у нее все еще был. Наверное, кто-то вовремя остановил эскалатор. По рассказам Гусев знал, что севший на «гребенку» человек оставлял на ней минимум ползадницы, а то и жизнь.

— Где дежурный? — спросил Гусев.

— Ножницы ищет, — сказали из-за спины. — Того и гляди угробится кто-нибудь, а ей, видите ли, собачку жалко.

— Ну-ка... — Гусев присел и осторожно, чтобы зря не причинять боли, ощупал собачий хвост, стараясь разглядеть, какие именно белые лохмы защемило, а какие свободны. Псина — как выяснилось, сука — восприняла обследование с глубоким пониманием, разве что дышать не перестала.

Зевак позади ощутимо прибавилось. Всегда приятно участвовать в добром деле, когда им уже вплотную занялся другой.

— Вы поосторожнее, молодой человек! Укусит еще...

— Что ж она, совсем дура? — не согласился кто-то.

Собака немыслимым образом извернулась и лизнула Гусева в щеку.

— Спокойно, малыш, спокойно... — пробормотал Гусев. — Та-ак, серьезных повреждений не вижу...

— А вы что, ветеринар? — спросили из толпы. Сейчас это уже была настоящая толпа.

— Вроде того, — отозвался Гусев, доставая швейцарский нож и выдвигая кусачки. — Ну, барышня, прощайся с красотой! — И принялся стричь.

«Барышня» все порывалась благодарно лизаться, что здорово тормозило ход операции.

— Молодой человек! — позвали начальственным голосом.

— А? — Гусев вынырнул из-под хвоста.

— Вы что там делаете? — Над Гусевым нависла дежурная по эскалатору, дородная тетка с ужасными ножницами для резки металла в руках.

— У вас инструмент неподходящий. — Гусев вернулся к своему увлекательному занятию.

— Что за самодеятельность! — возмутилась дежурная. — На минуту нельзя отойти...

— Да это ветеринар! — объяснили ей.

— Вы правда ветеринар, молодой человек?

Гусеву осталось состричь всего чуть-чуть. Собака, чуя приближение свободы, начала дергаться, и он крепко прижал основание хвоста к полу, чтобы глыбушка себе не навредила.

— К сожалению, — пропыхтел Гусев, — я уже не молодой. И никакой я не ветеринар.

— Черт знает что такое! — возмутилась дежурная. — Ну ладно, режьте там.

— Вот спасибо... А собака что, местная?

— Да так... Ездит иногда.

— А билет она покупает? — хохотнули в толпе. —

Или у нее пенсионная книжка?

— Теперь все равно льгота по инвалидности будет... — миролюбиво сообщила дежурная, чем вызвала дружное веселье собравшихся. — Умная собачка. Всегда аккуратно эскалатором пользовалась, не то что некоторые. А сегодня замешкалась — и бац! Хорошо, я за ней обычно слежу. Едва успела «стоп» нажать. Вот учитесь, граждане.

— На сходе с эскалатора поднимайте хвост...

— И хвост поднимайте, у кого есть! Сумки повыше держите. А особенно — длинные полы одежды.

Гусев слушал разговоры, посмеивался и работал кусачками. Наконец он выстриг последний запутавшийся клок, осторожно подвигал хвост из стороны в сторону, понял, что все получилось, отпустил собаку и поспешил встал, пока его не облизали с ног до головы.

Толпа во главе с дежурной разразилась аплодисментами. Собака прыгала вокруг и радостно тявкала. Преисполненный благодарности ко всем свидетелям его подвига, Гусев смущенно кивнул, спрятал ножик и расправил плечи. От этого движения у него из-под куртки предательски сверкнул значок. Наверное, Гусев с похмелья небрежно его прицепил. Самый уголок выглянулся, но оказалось достаточно.

Половину толпы как ветром сдуло.

Дежурная залилась краской и чуть не уронила ножницы.

— Никаких проблем, успокойтесь, — поспешил сказал Гусев.

— Подменить некому было, — пробормотала дежурная. — У нас все на инструктаже по технике безопасности...

— Вот именно, что безопасности, — кровожадно поддакнул один из зевак.

— Это кто там возникает? — спросил Гусев. — Фамилия?!

Толпа, словно по команде, уполовинилась еще. Гусев, криво усмехнувшись, проводил взглядом беглецов и заметил, что к эскалаторам спешит еще одна женщина в форме работника метрополитена.

— А вот и сменщик, — обрадовался Гусев. — Теперь вы можете с чистой совестью проводить меня туда, где здесь моют руки.

— Конечно... — выдавила дежурная.

— Дамы и господа, оставьте нас, пожалуйста, — мягко попросил Гусев немногих оставшихся. Люди неохотно разошлись, озираясь. Только какой-то могучий дед с офицерской выпряткой подошел к Гусеву вплотную и заглянул ему в лицо.

— Чем могу? — учтиво спросил Гусев.

— Вы благородный человек, — неторопливо произнес дед мощным голосом отставного командира. Большого командира, судя по интонациям.

— Есть немножко, — признался Гусев. — Только не подумайте, что я — какое-то исключение. Отнюдь нет.

— У меня к вам вопрос. Скажите, это правда, что АСБ скоро расформируют?

— Насколько скоро, не знаю. Но, по-моему, это вопрос решенный. Нельзя же без конца терроризировать население.

— Терроризировать? — удивился дед. — Кто это вам сказал? Да пол-России на вас буквально молится! Вы делаете очень нужную работу.

— Мы ее уже сделали. Почти всю.

— Странно такое слышать от уполномоченного АСБ. Впрочем... Честь имею. — Дед по-военному четко откланялся и ушел.

Гусев, жуя губу, смотрел в его широкую спину. Его подмывало догнать старика и расспросить, дослужился ли тот до генерала. Позади дежурная шепталаась со сменщицей.

— Так вы меня проводите? — обернулся к ней Гусев.

— Да, пойдемте!

Собака увязалась следом, и Гусев подумал, что вот еще проблема — избавиться от этой спасенной, желательно ненасильственным образом. По другую ру-

ку от выбраковщика мучительно переживала свою будущность дежурная, преступно оставившая пост. Десяток-другой шагов они прошли молча, и Гусев почувствовал, что собака-то как-нибудь сама отстанет, а вот терпеть под боком присутствие трясущейся от страха женщины надоело.

— Простите, что я вас напугал, — сказал он. — Поверьте, я ничего против вас не имею.

— Вы меня правда не накажете? — встрепенулась женщина.

— За что? — улыбнулся Гусев. — За то, что вы нарушили служебный долг и оставили пост в зоне повышенной опасности, потому что не могли видеть страдания живого существа? Бросьте. Вам просто стало очень жаль собаку. Если у нас даже женщины не будут поддаваться элементарной жалости, в гробу я видел такую нацию. Расслабьтесь, все бывает.

— Начальник приехал, устроил внеплановый инструктаж, — пожаловалась дежурная. — Я помочь вызвала, гляжу — никто не идет. Понятно, не человек ведь, собака, потерпит. Да и пассажиров мало сейчас, две машины исправно работают... Пять минут жду, десять... Ну, сорвалась и бегом... Так бы я никогда...

— А почему инструктаж в рабочее время? Я думал, на метрополитене порядки очень жесткие.

— Для кого-то жесткие, для кого-то нет.

Гусев посмотрел на часы:

— Жалко, на работу опаздываю. А то подзадержаться здесь, устроить разнос кому следует? Нет, у вас же первой будут неприятности.

— Да уж! — усмехнулась дежурная. — Съедят.

— Видите, — сказал Гусев. — Мне тоже приходится выбирать между жалостью и долгом. Постоянно. Каждый день.

Посреди станции околачивались двое милиционе-

ров. Гусев вспомнил участкового Мурашкина и подумал, что тот, наверное, почуял бы застрявшую на эскалаторе собаку за километр. «Все-таки самые лучшие защитники и спасатели — это малость сумасшедшие люди. И пока им есть кого защищать и спасать, будет порядок. А когда они перезащищают и переспасают всех-всех-всех... Что тогда?»

Исторические аналогии подсказывали Гусеву, что в таких случаях герои-богатыри сами учиняют дикий бардак. Чтобы было чем заняться.

Конечно, если вовремя не приходят другие богатыри и не ликвидируют первых.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Определенно можно сказать только одно: людская молва и время не преувеличили его жестокость. Иногда он совершал героические поступки, но все же был не героем, а психопатом.

Центральное отделение занимало два подъезда в идущей под снос монументальной развалюхе 1903 года постройки. Наверное, сто лет назад домик был ничего себе, но потом явились большевики. Выполняя историческое предназначение запихнуть в господские апартаменты побольше барабанной швали, они выкопали под домом глубокий подвал и надстроили два этажа. Здание постояло-постояло, а затем перестало и начало расползаться по швам. В каком-нибудь отдаленном районе на это дело плевали бы до тех пор, покуда через трещины в стенах не начали бы просачиваться бродячие животные. Но дом все-таки стоял в полукилометре от Кремля, поэтому его

по-быстрому просверлили, а сквозь дырки пустили толстенные стяжки. Жильцы к трубам с резьбой цепляли бечеву для сушки белья. Гусев угодил в самую первую волну сотрудников АСБ, заселявших офис Центрального, и лично обрывал это замасленное прошисшее мочало, на которое смотреть-то было страшно. Невольно в голову лезла картинка: сталкер с мешком хабара ползет по грязище, а над головой у него тихонько шевелятся на ветру такие вот бородатые веревки...

«Да, мы с развеселым гоготом крушили перегородки и таскали мебель, а я все оглядывался на ребят и думал: чистой воды сталкеры. Лезут куда-то с наркотическим упорством, добывают то, непонятно что, гибнут ради этого непонятно чего. Неужели и я такой же? Нет, только не я. А внутренний голос твердил — голубчик, разуй глаза! Конечно, и ты тоже. Никто ведь тебя не просил идти на линию огня, сам полез. Как это — никто не просил? Я сам и просил. На коленях почти что ползал. Аргументированно умолял. Требовательно упрашивал».

Гусев взялся за ручку подъездной двери и с усилием потянул. Дверь жалобно скрипнула, отошла сантиметров на тридцать, застряла, но все-таки уступила и отодвинулась еще немного. Гусев не без труда затолкал себя в открывшуюся щель и сразу же наткнулся на спускающуюся по лестнице дневную смену. Выражения лиц «дневного» ему не понравились.

С ним хмуро здоровались, кое-кто даже за руку, но больше приветственно хмыкали и прятали глаза. Никому больше здесь не было дела до Пэ Гусева, суперагента с лицензией на убийство. Он спекся и восторженному поклонению более не подлежал. «Или это я себя накручиваю? — подумал Гусев. — Ну, ус-

тал народ, вымотался. Да еще опять, наверное, кого-нибудь из наших шлепнули».

На площадке третьего этажа курила, ожесточенно жестикулировала и ругалась матом патрульная группа Данилова. Четыре тройки намертво закупорили проход, и Гусев волей-неволей принялся расчищать себе дорогу. Настроение сразу поднялось — несмотря на общее перевозбуждение, его заметили, принялись хлопать по плечу и совать руки. То ли Гусев еще не окончательно спекся, то ли не все это мнение разделяли, то ли он на самом деле попусту накручивал себя.

Данилов как раз выкрикивал в дверь офиса порцию нечленораздельных оскорблений, когда Гусев осторожно взял его за локоть.

— Пэ! — заорал Данилов прямо Гусеву в ухо. — Ну хоть ты скажи этим негодяям! Почему опять мы?! В прошлом месяце Данила, в позапрошлом Данила, в этом снова Данила! Что я тут, главный зоофил?! Я в отставку подам! Я уйду в рядовые! Хватит делать из меня этого... Как его...

— Начальника очистки, — подсказали с лестницы. — Полиграф Полиграфович, не переживайте так.

Выбраковщики заржали. Делать им больше ничего не оставалось, только потешаться над собой. Гусев окончательно воспрял духом. Разумеется, вот откуда хмурые лица. «Дневное» снова погнали на отстрел бродячих животных. И как всегда, старший — Данилов. Бр-р-р... Это называется: любишь расстреливать — люби и могилки копать.

«Именно так — самому копать. А то слишком много романтики вокруг работы палача. Но бродячие собаки, конечно, перебор. Собака — это вам не обдолбанный бандит с автоматом. Хорошо еще, когда псина издали чувствует твои эмоции и старается убе-

жать. А когда просто стоит и вглядывается в твои глаза... Нет, кончается выбраковка. Года три назад послали бы мы их с этими собаками далеко и надолго. Подумаешь — заказ Моссовета... Да я сам без малого половину этого Моссовета взял за плечико и отвел в «труповозку». Сейчас, что ли, там браковать некого? Да запросто. Одно слово — взяточники. Но год назад по всему Союзу отменили ежеквартальные проверки чиновников на детекторе лжи. Слишком круто, видите ли. Унизительно. Хорошо, мы и без детектора можем, нам хватит малейшего намека. Даже видео не нужно — один микрофончик, одна кассетка. И привет горячий. Здрасьте, господа коррумпированные чиновники, разрешите представиться, старший уполномоченный Агентства социальной безопасности Пэ Гусев. Имеете право оказать сопротивление. Имеете право не называть себя. Имеете право не отвечать на вопросы... Пожалуйте, гражданин, на психотропный допрос. А там уж вы сами все расскажете.... М-да. Только вот оперативных данных по Моссовету нам больше не дадут. Все, отрезали».

— Пэ! — требовал Данилов, тряся Гусева за плечо. — Очнись! Ну скажи ты шефу, ты же можешь, я знаю...

— Ничего я уже не могу, — пробормотал Гусев. — Я бы тебе предложил местами поменяться, но ты ведь не захочешь...

На площадке внезапно стало очень тихо.

— ...Да и это тоже не в наших силах, — заключил Гусев.

Данилов отпустил его плечо и сник.

— Разве что... — Гусев оглядел сгрудившуюся на лестнице группу. — Хочешь, я завтра пойду с вами?

— Пэ! Это ты? — раздался из офиса голос шефа. — Никуда ты с ним не пойдешь. Ну-ка сюда давай!

Сокрушенный Данилов выразительно сплюнул через порог, ободряюще ткнул Гусева кулаком в живот и угромыхал вниз по лестнице, увлекая за собой группу. Некоторые из его людей на Гусева с интересом озирались. Все прекрасно знали, что он уже почти месяц околачивается в резерве. Неужели ему нашли-таки ведомых? Это при нынешнем тотальном некомплекте...

Примерно то же думал и Гусев, шагая внутрь офиса и растирая ногой по коврику даниловский плевок.

— Ничего, господа! — ободряюще гудел Данилов на лестнице. — Это ничего. Бывает...

Шеф стоял в коридоре, засунув руки в карманы и раскачиваясь с пятки на носок.

— Пришел? — зачем-то спросил он. — А ну поближе.

Гусев подошел к начальству вплотную, набрал в легкие воздуха и мощно дыхнул.

— Ф-фу! — отмахнулся шеф. — Сколько ты куришь, Пэ? Две пачки? Три?

— Ну, две. А какая разница? Все равно помру.

— Смерть тоже разная бывает. По мне уж лучше схлопотать пулю, чем выхаркивать легкие.

— Что, приходилось? — осведомился Гусев с выражением неподдельного интереса на лице.

Шеф тяжело вздохнул.

— За мной... чудовище, — распорядился он.

Чудовище в ответ вздохнуло еще глубже и очень жалостно, но за шефом последовало.

— Что там произошло у тебя сегодня днем? — бросил шеф через плечо. — С каких это пор ты записался в юные друзья милиции?

— Там нестандартный случай, босс.

— И?..

— Наш случай. Просто милиционер выполнил нашу работу.

— ...и при этом сошел с катушек, — заключил шеф, сворачивая за угол.

Гусев счел за лучшее промолчать.

— Третий нестандартный случай на нашей территории, — сообщил шеф, открывая дверь тактического класса. — Чего встал, заходи.

— За сегодня? — ужаснулся Гусев.

— Да нет, за неделю. Все равно очень много.

Гусев вошел в класс и присел на край парты.

— Убивают преступников на месте? — спросил он. — Да?

— Ну, не всяких, конечно. Тех, кто по идеи в нашей компетенции. И если с поличным. В понедельник ночью сняли насильника прямо с какой-то девицы и тут же его... Забраковали. А делать-то грамотно не умеют, не обучены. Так напугали бедняжку, что она теперь из больницы не скоро выйдет.

— Я себе представляю, — кивнул Гусев. — Народные мстители... Забили ногами. Били долго, обливаясь потом и сладострастно хрюкая.

— Циник ты, Гусев.

— Я выбраковщик, шеф. Откуда у меня эмоции? У меня все подавлено к чертовой матери. Взял за ушко, отвел за уголок, посадил в машинку. Был урод — не стало урода. И главное — его жертва не чувствует себя виноватой в том, что урод из-за нее отправляется в брак. Это ведь очень важно — уберечь жертву от комплекса вины.

— Правильно, — кивнул шеф. — Это ты хорошо придумал.

— Да, — сказал Гусев очень ровным голосом, чтобы в нем, не дай бог, не послышался вызов. — Это я придумал.

— А кто спорит? — улыбнулся шеф. — Надеюсь, ты еще не разучился преподавать свою науку молодым.

Гусев коротко мотнул головой.

— Угу, — подбодрил его шеф.

— А я уж думал... — Гусев вдруг сгорбился и спрятал лицо в ладонях.

— Пока даю одного. Серьезных заказов не жди, так — патруль, мелочевка всякая. Но все равно сможете полноценно работать.

— Да хотя бы патруль! — воскликнул Гусев, разгибаясь. Глаза его слегка поблескивали — он с трудом удержал слезы.

— Потерпи немножко, Пэ, — мягко попросил шеф. — Если верить слухам, объявлен набор стажеров. Я-то думал, о нас совсем забыли. Но теперь есть основания надеяться... Строго между нами, Пэ, — в город возвращается разная мразь, которая пока отсиживалась на периферии. Тихой сапой начинают тут разведку.

— Чуют нашу слабину? Разным слухам поверили?

— Да похоже. Но мы их возьмем раньше, чем они успеют развернуться. У Мышкина на днях будет спецоперация, Даниле тоже есть заказ. Я думаю, именно поэтому и молодых набирают. Так что будет тебе и тройка, будет и целая группа. Ты думаешь, я совсем тупой? Не-ет, дружище, я тебя очень внимательно слушал. Все это время, что ты молол языком, валял дурака и прочими методами старался предсказывать будущее. Но, кажется, ты ошибся.

— Я... Я должен сделать конкретные выводы? — осторожно спросил Гусев.

— Пока только один. Хватит болтать. Хватит нарываться. Не отвечивай, Пэ.

— Ну, если я действительно ошибся и нашу контору не прикроют...

— Держи нос пониже, но обязательно по ветру, — сказал шеф многозначительно. — Может, увидишь что-то такое, чего я не замечу. А пока что — готовь тех, кого получишь. Хорошо готовь. Если придет следующее поколение, это будут совсем новые для нас люди. Они ведь настоящего дела не видели и, надеюсь, не увидят никогда. Вот, например, твой будущий ведомый. Славный парнишка, но он даже не очень понимает, каким ветром его занесло в АСБ. И замечательно. Эти... — шеф махнул рукой в сторону лестницы, — слишком хорошо знали, для чего они здесь.

— И теперь их гоняют убивать собак, чтобы они поняли себе настоящую цену? — ввернул Гусев.

Шеф почесал в затылке.

— Черт его знает, — пробормотал он. — Я как-то не задумывался. Знаешь, собаки — это даже неплохо. В конце концов, нашим умникам давно пора слегка утихнуть. Сбавить обороты. Пусть хотя бы раз в жизни почувствуют к себе отвращение. Иначе их уже не наставить на путь истинный.

Гусев коротко глянул на шефа исподлобья.

— Благородные разбойники отстреливают дворняжек... — пробормотал он. — Глупость какая. Вы их только против Агентства настроите. Да еще против себя лично.

— Я, что ли, отстрел собак придумал? — обиделся шеф. — Я просто говорю, что всяким даниловым и прочим мышкиным это может оказаться полезно.

— Сомневаюсь. А насчет отвращения к себе — вообще бред. Выбраковщика, который отработал больше пяти лет, нужно самого браковать. Таков мой диагноз.

— Ну пойди тогда и застрелись, — надулся шеф.

— Со мной случай нестандартный, шеф. Кстати, так это вы меня сдали подполковнику Ларионову? То-то я смотрю, отчего он со мной такой ласковый...

Шеф замялся:

— Ближе никого не оказалось. Ты извини, Пэ.

— Тогда нечего подначивать — юный друг милиции и все такое... Да ладно, я на этом деле бутылку заработал. И покуражился вволю над одним ментом усатым. Знаете, как он меня обозвал? Вождь палачей!

— А ты что?

— А я попросил Ларионова дать его мне в сопровождающие. И этот усатый битый час ходил за мной хвостиком по месту происшествия и все ждал, когда же я ему скажу какую-нибудь гадость. А я взял и не сказал. Бедняга чуть не помер от натуги. В жизни его, наверное, так не презирали.

— Уф-ф... — Шеф помотал головой, что-то соображая. — Не простят они нам. Ох, чую я, не простят.

— Завидуете Железному Феликсу? — поддел его Гусев.

— Это почему? — насторожился шеф.

— Он весьма своевременно помер. Не стал дожидаться момента, когда к нему явится тяжело вооруженная делегация и начнет изо всех сил не прощать.

— Устал я от тебя, Пэ, — сообщил шеф. — Тебя послушать, так ты и этот момент тоже в свое время предусмотрел.

— Естественно. Я очень внимательно изучал историю карательных органов. Причем не только наших. Этот момент наступал всегда. Рано или поздно революционный террор признается исчерпавшим себя. А поскольку при любом терроре невинно убиенных накапливается выше крыши, то есть и отличный повод разобраться с теми, кто террор проводил в жизнь. Доказав их расстрелом свою чистоту. Это просто ро-

тация символов власти, шеф. Закон природы. Так что мне не нужно идти стреляться. Незачем. У меня есть отличный шанс принять смерть в открытом бою. Уж когда за нами-то придут, мы вдоволь повеселимся, верно?

Шеф внимательно оглядел Гусева с ног до головы.

— Хорош фрукт, — признал он. — И все ты врешь. Только что придумал.

— Ага, — кивнул Гусев с самым невинным видом.

— Изdevаешься?! — рыкнул шеф.

— Безусловно.

Шеф вытащил платок и утер потную шею. Невысокий, лысый, с намечающимся животом, он даже выглядел разительным противоречием быстрому в движениях, подтянутому и моложавому Гусеву. А уж насколько они были непохожи внутренне... Иногда Гусев поверить не мог, что вот этот человек — совершенно нормальный человек — начальник его отделения. И такой же ветеран.

Наверное, дело было в том, что шеф занимался кабинетной работой и, по слухам, никогда в жизни не ходил на маршрут. Как загнали его, отставного следователя, в вожди палачей, так он и просидел в кабинете все самые жуткие времена. И Гусев еще, когда был в силе, шпынял его постоянно. «Мало ли, что ты начальник — а у меня зато рукоятка так в ладонь сама и прыгает... И ты, дорогой начальник, прекрасно это знаешь».

— Ну и черт с тобой, — вздохнул шеф. — Потрепались, отдохнули... Называется, отдохнули. Расслабились, мать-перемать. Сиди жди, сейчас ведомого тебе приведу.

— Мне как с ним... не очень? — спросил Гусев. — В свете, так сказать, новых веяний?

— Почему не очень? Как обычно. Все, что понадо-

бится, то и вытворяй. Тебе же с ним на работуходить, не мне.

— А он иголку уже пробовал?

— Нет. Вот ты и угости. Только учти — судя по характеристике, парнишка резкий. Настоящий ганфайтер.

— Дали бы личное дело почитать.

— Не положено, — мстительно ухмыльнулся шеф.

Гусев поднял глаза к потолку.

— Ну-ну, — пробормотал он. — Интересно, где этого вашего э-э... парнишку натаскивали на пистолет. В спецназе каком-нибудь?

— Нет, в спецназе он с автоматом бегал, и недолго. Думаю, сам натренировался. Он по жизни оружие любит. До армии занимался биатлоном. А сейчас — член сборной Москвы по пейнтболу. И даже кандидат в мастера. Но понял, видимо, что мастера не вытянет, и решил пойти к нам.

Гусев почесал в затылке.

— То, что надо? — понимающе кивнул шеф.

Гусев неопределенно шевельнул подбородком. Современный пейнтбол, когда бои проводятся на очень близкой дистанции, в искусственно построенных декорациях и безо всякого камуфляжа, — это действительно было то, что надо. Да и пейнтбольный маркер по манере обращения с ним здорово походил на штатное оружие выбраковщиков. У «парнишки» действительно могли быть навыки, которые облегчат ему вживление в профессию. За одним маленьkim исключением...

— Неплохо. За маленьким исключением. Скорее всего, мой будущий напарник адреналиновый наркоман.

— По-твоему, это намного хуже, чем тихий алкоголик? — вкрадчиво поинтересовался шеф.

Гусев в ответ немедленно выпятил грудь, задрал нос и холодно сверкнул глазами.

— Ладно, ладно. — Шеф сунулся было похлопать Гусева по плечу, но тот от жеста примирения уклонился. — В общем, готовься, я сейчас.

— Зачем спортсмен поперся в выбраковку? — задал Гусев спине шефа риторический вопрос. — Что у него, в раннем детстве бандиты денежку отняли?

— Так он же адреналиновый наркоман! — без тени сарказма напомнил шеф и прикрыл за собой дверь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

*

Постоянная готовность к самообороне была в те времена главным и необходимым условием выживания. Тот, кто пытался уклониться от борьбы, неминуемо погибал.

Будущий напарник оказался выше Гусева почти на голову и значительно шире плечами. На лице неофита застыла вежливая полуулыбка. Судя по всему, он нервничал. Хотя, как отметил гусевский наметанный глаз, куда меньше, чем мог бы. То ли парень действительно очень хотел стать выбраковщиком и получить от этой работы максимум удовольствия, то ли, наоборот, в свободное от стрельбы время страдал легким добродушием. Ни та, ни другая ситуация Гусева в принципе не устраивала, но лицо молодого человека ему понравилось.

— Итак, — сказал шеф. — Это стажер-уполномоченный Алексей Валюшок. А это старший уполномоченный Павел Гусев. Любить не обязательно, но жаловать — приказываю.

— Леха, — представился Валюшок, протягивая руку.

— Гусев, — лениво бросил Гусев, небрежно сжимая длинные сильные пальцы. Ручка у «парнишки» оказалась тоже дай бог каждому. Хоть сейчас на лесоповал. — Пэ Гусев, суперагент с лицензией на убийство.

— Вижу, — кротко признал Валюшок.

Гусев испытующе оглядел Валюшка с ног до головы и отметил, что задатки у парня что надо. Валюшок совершенно не был похож на выбраковщика. Так, умеренно модный, умеренно интеллектуальный, довольно воспитанный нормальный парень лет двадцати пяти. Все у него оказалось на вид длинное — нос, подбородок, руки, ноги. Длинные волосы, отброшенные назад, лежали на плечах, недельная щетина очень хорошо гармонировала с прической. Этакий мушкетер, скорее всего — Арамис. Уж больно взгляд хитрющий, и опять эта улыбочка. Слегка расхлябаные движения только подчеркивали общую картину, смысл которой сводился к одной фразе: «Я не опасен, даже наоборот». Блестяще. Это может, во-первых, не раз спасти парня от членовредительства, а во-вторых, не отпугнет его будущих жертв. Тех, кого в выбраковке называли емким словом «клиент».

— Ну-ка пройдись слегка, — попросил Гусев. — Вон туда.

Валюшок, похоже, ждал подвоха. Легким качком головы он наметил взгляд через плечо в сторону шефа, но на полпути одумался и пошел куда просили. Довольно скованным шагом и немного ссгутившись. «Растерялся, — понял Гусев. — То-то же. А то уж больно ты в себе уверен, спортсмен».

Шеф неслышно смеялся к двери, уходя с предполагаемой линии стрельбы.

— Кру-гом, — негромко скомандовал Гусев, когда Валюшок, пройдя весь класс, уперся в стену носом. — Стой, раз-два.

Валюшок четко выполнил поворот и встал, снова улыбаясь. Не хотел он быть серьезным. Не чувствовал патетику момента.

Гусев достал сигарету, прикурил, выпустил дым и, не оборачиваясь, бросил шефу:

— А действительно ничего.

— И я говорю — ничего, — согласился шеф.

— Валюшок, — сообщил Гусев, — это такой пельмень.

Шеф хрюкнул, Валюшок прищурился. Не агрессивно, типа «давай-давай».

— Даже не пельмень, — развел тему Гусев. — Вареник. Их же обкатывают в муке?

— А я не знаю, — сказал шеф.

— Да и неважно. В общем, валюшок — это такой пельмень, который уже скручен и обвалин, ждет своей очереди в кастрюлю. Симпатичный такой несваренный пельмешек. Эй, Валюшок! Оружие получил?

— Угу, — отозвался Валюшок, на вид совершенно уже обескураженный.

— При тебе?

Валюшок откинулся на куртку, под которой обнаружился пластиковый ложемент с игольником. Висел пистолет удобно, хотя Гусев его немного передвинул бы. Но у Валюшка и руки длиннее.

— Комбидресс нацепил?

Валюшок ударил себя кулаком в грудь, из-под водолазки раздался глухой стук. Парень явно избегал открывать рот, не желая нарваться на следующую поднечку.

— Не жмет? Удобно?

— Привыкаю...

Гусев понимающе кивнул. Валюшок должен был к сегодняшнему дню закончить месячный курс тренировок со штатной амуницией. Но, конечно, легкий бронекомплект, на жаргоне сотрудников АСБ — комбидресс, еще не стал его второй кожей. Настоящий-то выбраковщик даже в булочную не пойдет без брони. Московская улица — это вам не пейнтбольный зал. Мало ли, когда и где честным людям может понадобиться вооруженная защита...

— И как он стреляет? — повернулся Гусев к шефу.

— Я же сказал — ганфайтер, — объяснил шеф, еще немного сдвигаясь к двери. «Подыгрывает ему, — догадался Гусев. — Дает сигнал, что пахнет жареным. Понял уже, что парень мне нравится, и хочет теперь подбросить ему лишний шанс произвести впечатление».

— Хм-м... Эй, Валюшок! Кто такой ганфайтер, знаешь?

— Стрелок, — очень емко, дальше некуда, ответил Валюшок, который сигнал шефа принял близко к сердцу и теперь щетинился невидимыми иглами, как готовый к драке еж. Хотя класть руку на оружие или даже упирать ее в бок не спешил, что Гусев также записал ему в плюс.

«Десять шагов — отличная дистанция. Чаще всего именно на десяти шагах противник нас вычисляет. Ну, посмотрим, насколько хорош стрелок Валюшок. Ты, дружище, сейчас ждешь развлечения и намерен получить от него свой кайф — это заметно. Но и на счет добродушия я не ошибся — как-то в тебе одно с другим уживается. Что ж, хорошо. Развлечение я тебе обеспечу. Запомнишь на всю жизнь. Правда, ты

еще не понял, как это окажется больно и унизительно. А мог бы догадаться, ведь у тебя в стволе такая же иголка, как и у меня. Вот поэтому никакой ты еще не ганфайтер, так, просто «ган», один из множества обычных парней, которые любят баловаться с оружием. Ну-с, приступим к обучению».

— Молодец, — похвалил Гусев. — В терминах разбираешься. Значит, так, стрелок. Я тебе сейчас прочитаю короткую нотацию. Что такое нотация, ты не в курсе. Объясняю: нотация — это речь назидательного характера, никак не подкрепленная доказательно. Нотацию обычно читает старший младшему или, как в нашем случае, ведущий — ведомому. А поскольку старший, то есть ведущий, уверен, что его авторитет непререкаем, то место доказательной части занимают голые эмоции. «Ты должен», — говорит старший. И не более того. Поэтому нотации обычно малопродуктивны. Но тем не менее их почему-то все читают младшим и ведомым. Понял?

Валюшок слегка улыбнулся — мол, чего тут понимать-то? И так все ясно.

— Если мы сработаемся, — продолжал Гусев, — то в ближайшее время ты услышишь от меня кучу нотаций. Я буду делиться с тобой опытом, никак его не подтверждая на практике. Ну... Во всяком случае, гарантирую, что мы не будем с тобой специально нарываться. Потому что мне очень хочется, чтобы наша практика расходилась с тем, что я заучил на своей многострадальной шкуре. Но если однажды настанет такой случай, когда моя нотация придется к месту... Ага. Вижу, что понял. Умница. Правильно, у тебя не будет времени что-то вспоминать. Тебе придется мгновенно действовать. Поэтому все мои нотации, будь любезен, проигрывай внутри себя. Представляй ви-

зуально, как это было. Пробуй вообразить ситуацию, и внутри ее — себя. Поверь мне на слово — от того, насколько тщательно ты осознаешь смысл каждой моей нотации, будет зависеть твое выживание на работе. И если я скажу: «Так нельзя, здесь не стой, туда не суйся», — твоя задача — не вякать, а подчиняться мне безоговорочно. Да?

Валюшок кивнул.

— Отлично. Тогда слушай нотацию твоего ведущего Пэ Гусева номер раз. Хороший выбраковщик — это живой выбраковщик. А лучший выбраковщик — это долгожитель. Чтобы стать долгожителем, ты обязан всех и вся опасаться. Не бояться, но опасаться. Постоянно ждать, что первый встречный захочет причинить тебе вред. И заранее ненавидеть его за это. Страх за свою жизнь и ненависть к окружающему миру — вот движущая сила выбраковщика. Каждый вор, убийца, вымогатель, насильник на московских улицах — это, конечно, враг народа. Но в первую очередь он твой личный враг. Он угрожает именно твоей жизни. Хочет растоптать именно твои ценности. Он хочет сделать тебе больно. Знаешь, как больно он может тебе сделать? А вот как...

После такой затянувшейся прелюдии Валюшок уже просто обязан был прыгнуть и упасть за парту. И он прыгнул-таки, одновременно вырывая из кобуры пистолет. Но Гусев его переиграл. На протяжении всей «нотации» он размеренно жестикулировал левой рукой с зажатой в ней сигаретой. И Валюшок попался. Нет, конечно, не на простейший гипноз, а на сам факт гипнотического воздействия. Он начал размышлять, как именно его пытаются сбить с толку. Напрасно. Этого-то противник и хотел.

Рассевшийся на столе выбраковщик был в невы-

годной позиции, но пока Валюшок падал и выбрасывал перед собой руку с пистолетом, Гусев от бедра дал короткую очередь по ногам. Валюшок грохнулся об пол с таким звуком, будто задался целью проломиться на этаж ниже. После этого монументального падения негромкий стук вывалившегося из руки оружия прозвучал чуть ли не музикально.

— Надеюсь, башку не расшиб, — заметил шеф. — А видал, как он?..

— Подыгрывать не надо было, — сварливо ответил Гусев, засовывая игольник на место.

— Это кто подыгрывал? — возмутился шеф. — Ты сам и подыгрывал! Да он заждался уже, когда ты наконец соизволишь поиграть с ним в Клинта Иствуда!

— Заждался и перегорел, — заметил Гусев, слезая с парты и доставая чехол с аптечкой.

— Слушай, Пэ, — задумался шеф. — Ты на работе тоже клиентуре лекции закатываешь?

— Интересное кино! А что такое «птичка», по-вашему? Ее же читать секунд тридцать! Одно спасение — игольник уже у клиента в ухе. Как правило...

Они пересекли класс и остановились над лежащим в углу бездыханным телом. Голову Валюшок себе не расшиб, но вид у парня оказался неважнецкий. Парализатор мгновенного действия не мешал ему дышать, и глаза жертвы тоже слегка шевелились. Боли в этих глазах оказалось столько, что шеф поспешил отойти подальше.

Гусев присел на корточки, отыскал на бедре у Валюшка желтое пятнышко хвостовика-стабилизатора, осторожно потянул за него и вытащил иглу.

— Одна из трех, — сказал он. — Надо было ниже брать. Парта дурацкая помешала. Ничего, Леша, потерпи. Так надо, сам понимаешь.

Валюшок страдальчески всхлипнул. За месяц тренировок ему, как положено, рассказали про выбраковку все, что можно. Но фирменный гусевский приемчик в стандартный набор не входил. Более того, никто о нем и не знал, кроме шефа и тех, кто вместе с Гусевым работал. Случись Гусеву или его ведомым преболтаться, Агентство устроило бы своему эксцентричному ветерану настоящий ostrакизм. Скорее всего другие ведущие и командиры групп не без основания сочли бы Гусева законченным подонком. Не говоря уже о том, что никакой педагогикой здесь и не пахло, а вот психопатия цвела махровым цветом. Учить ведомого жизни, стреляя в него, значит навсегда поселить в душе человека ту самую боязнь пополам с ненавистью, о которой Гусев только что распинался. Правда, направлена была бы эта сильная эмоция не против окружающего мира, а против самого ведущего.

Но Гусев считал иначе.

— Вот теперь, — сказал он, доставая шприц с антидотом, — ты знаешь, коллега, что тебе предстоит делать с людьми. Со всяким отребьем, с нравственными уродами, с врагами общества и лично твоими врагами. Но все-таки с людьми, способными кое-что чувствовать. Ты будешь направо и налево раздавать боль. Жуткую боль. Невыносимую.

Он ввел парализованному лекарство и широко улыбнулся.

— Сейчас отпустит, — пообещал он. — И если ты к этому моменту не передумашь, то милости просим в наше скромное Агентство социальной безопасности. Знаешь, как меня на днях один милиционер обозвал? «Вождь палачей», вот как. А я, дурак, все думал, что последний из могикан.

*

Стокер действительно погрешил против истины: Влад не питался кровью своих подданных, предпочитая менее экзотические блюда. Однако свое прозвище он носил более чем заслуженно.

Патруль им достался самый «урожайный» — с восемнадцати до двух ночи, это Гусев нарочно попросил. Валюшок явился на инструктаж в положенное время, был тих, скромен и по сторонам лишний раз не оглядывался. Хотя посмотреть было на что — сегодня по центру города заступала группа Мышкина и еще четыре тройки, одна другой колоритнее. И все сидящие в классе, разумеется, нет-нет да бросали взгляд на новичка. Без комментариев вслух, но с откровенной тоской. Внешность и манеры новоиспеченного выбраковщика для ветеранов свидетельствовали об одном — АСБ вырождается. Сегодня в классе собрались матерые волки, этакие шерифы без страха и упрека, привыкшие к тому, что они — персонифицированный Закон. Люди, безоговорочно уверенные в том, что, если бы не их желание до последнего вздоха служить обществу, мир бы точно рухнул.

Валюшок, по их понятиям, даже на помощника шерифа не тянулся. Не было у него в глазах безоговорочной готовности по первому зову бросаться на выручку добрым гражданам. Вот хоть ты тресни — не было. Так, еще один молодой дурак, решивший, что ему на работе позволено будет вволю покуряжиться. Ну и, разумеется, ощущать себя более защищенным от всяческих неожиданностей в обычной жизни.

Гусев, который эту повисшую в воздухе легкую

неприязнь отлично чувствовал, на всякий случай поймал взгляд сидевшего неподалеку Мышкина и ему подмигнул. Но Мышкин только неопределенно двинул гигантской нижней челюстью и отвернулся.

«Тем лучше, — подумал Гусев. — Значит, у парня будет меньше шансов сдружиться с нашими бравыми паладинами и нахвататься от них всяких глупостей. Вон тот же Мышкин на днях нес какую-то околосицу насчет господствующей расы и ее великого предназначения. Наверное, это лозунг «У нерусских не покупаем» так на него подействовал. Жутко внушенный этот Мышкин. Прочтет какую-нибудь шизоидную книжку и тут же заделывается апологетом новой веры. Сначала он был убежденный йог, потом жуткий антисемит, в прошлом году из церквей не вылезал, а теперь, по-моему, в нацисты метит. А у него ведь, извини-подвинься, почти тридцать человек, и всем им он постоянно мозги компостирует... Может, подарить ему что-нибудь про экстрасенсорику? Действительно, пусть откроет в себе волшебный дар ясновидения и общается с Космосом. Хотя нет, опасно — вдруг ему прямо из недр мироздания какая-нибудь чушь послышится...»

— ...и обязаны немедленно прибыть в указанную точку, — привычно бубнил шеф. — Также прошу обратить внимание на особую корректность в общении с сотрудниками МВД. Не далее как вчера один из бойцов группы... неважно, какой группы, позволил себе грубость и нетактичное поведение. С этим надо кончать. Хотя по статусу Агентство и находится в равных условиях с МВД, тем не менее одна из наших основных задач — всемерная и неукоснительная поддержка...

— Пусть тогда сами дворняг отстреливают, — прогудел Мышкин. — Если, значит, в равных условиях. А то, короче, совсем обнаглели, взяли моду языки рас-

пускать. Мне все Данила рассказал, не извольте сомневаться.

Шеф смерил Мышкина оценивающим взглядом.

— Чтобы это — в последний раз! — процедил он.

— Я больше не буду, — пообещал Мышкин вызывающим тоном. В классе одобрительно захихикали.

— А ты что, тоже в милиционеров камнями бросаешься? — удивился шеф. — И еще забраковать обещаешь?

— А-а... Никак нет, товарищ начальник. Я по поводу, так сказать, выкриков с мест. Но если, значит, какого мента надо забраковать — милости просим. Как говорится, перед законом все равны.

— Но некоторые равнее других, — негромко ввернулся Гусев.

Все головы в классе словно по команде обернулись к нему.

— Вы на что намекаете, товарищ Гусев? — пропшипел начальник отделения.

— Я ни на что не намекаю, шеф. Я просто говорю, что АСБ в принципе стоит над законом. Но из этого вовсе не следует, что мы должны стрелять в бродячих собак. Дворнягами обязаны заниматься органы сан-эпиднадзора. Их что, упразднили? Или в городе ни одной двуногой сволочи не осталось? Мы что, получается, всех гадов уже поубивали? Может, я тогда домой пойду?

— Гусев, — сказал шеф подчеркнуто ровным голосом, что предвещало мощную истерику. — У тебя не язык, а помело. Но это еще не значит, что ты самый умный. Хочешь на мое место? Ах, не хочешь...

— На место каждой убитой нами московской дворняги тут же приходит от трех до пяти собак из-за городской черты, — сказал Гусев. — Я вчера позвонил своему приятелю-зоологу, и он мне все очень хорошо объяснил. Думаю, наверху это тоже знают. А еще в

головном офисе знают, что стрелять по невинным существам выбраковщики не приспособлены, для них это шок. А в особенности — когда мимо идут наши славные чистенькие незамаранные менты и отпускают ехидные комментарии.

— Мол-чать! — рявкнул шеф. — И после инструктажа — ко мне в кабинет. Оба! И ты, Калинин, тоже!

— Я просто зевнул, — сообщил Калинин.

— Мол-чать! Значит, так. Приказ. С этого дня. Кто поднимет руку на милиционера — в патруль навечно. Пожизненно! Никаких больше специальных операций, никаких премиальных, ни-че-го! Все. Разойтись! Мышкин и Гусев, ко мне!

— А я? — поинтересовался Калинин, демонстративно зевая.

— А ты пошел на маршрут!

— Yes, Sir!

— Что?!

— Будет исполнено, ваше благородие!!!

— Вон отсюда!!! — заорал шеф. — Все! Бегом! Негодяи! Разгильдяи! Всех на мясо! К бандитам в рудники! На лесоповал!

Выбраковщики дружно повскакали с мест и ринулись к выходу из класса.

— Не уходи, — сказал Гусев на ухо Валюшку. — Посиди здесь. В уголок вон отойди и сядь. Я быстро.

Валюшок кивнул и растворился в бурлящей у двери хохочущей толпе. Кричащего и визжащего начальства здесь не боялись. Здесь боялись начальства спокойного и хладнокровного, готового тебя забраковать.

В кабинете шеф несколько минут топал ногами и плевался, а потом устал, рухнул в кресло, утер лысину грязноватым платком и неожиданно спокойным тоном спросил:

— Гусев, это что, правда?

— Насчет чего? — не понял Гусев.

— Насчет собак.

— А-а, разумеется. Город не может прокормить больше определенного числа животных. А если даже вывалить всю еду на помойки, так у каждой стаи все равно есть четко очерченный ареал. Ну, зона обитания. Поэтому число собак в Москве — более или менее постоянная величина. Просто иногда стаи наглеют и слишком часто попадаются на глаза. Тогда их начинают отлавливать, чтобы пейзаж не портили. Но стоит выбить одну собаку, как тут же освобождается ниша. Занять которую мечтает несколько псов, ошивающихся за Кольцевой. Они бросаются в город и начинают бороться за эту нишу. Ослабленная потерей бойца стая не может им эффективно противостоять, и в конце концов в нишу втискивается минимум двое... И так далее. Короче говоря, проще всех сук переловать и спиралам поставить. Лет на пять никаких проблем...

— Спирали?!

— Ну, я не знаю, как это у собак делается, я образно.

Шеф задумчиво поскреб лысину.

— В городе денег сейчас завались, — поддержал Гусева Мышкин. — Так сказать, девать некуда. Могли бы давно наладить такую программу. И короче, Пэ совершенно прав — куда девалась санэпидстанция?

— Вы на все готовы, лишь бы не перетрудиться, — съязвило начальство. — Даже собачьими гинекологами заделаться.

Мышкин и Гусев переглянулись. Видимо, перспектива ловить дворовых сук и делать им операции как-то не приходила им в голову.

— А хоть и гинекологами, — заявил Мышкин. — Лишь бы, так сказать, не убийцами.

Шеф посмотрел на Мышкина косо, но промолчал.

— Напишите запрос, — предложил Гусев. — В Комитет по экологии Верховного Совета. То есть не вы лично, конечно, а пусть главный по Москве напишет. Подбросьте ему идею.

Шеф подергал носом и сдался.

— Попробую, — сказал он нехотя.

— Это же, так сказать, нарочно делается, — понизив бас до шепота, сообщил Мышкин. — Короче, сегодня дворняжки, а завтра что? Каждому по метле?

— Метел не дадут, — авторитетно заявил Гусев. — Ты забыл, в городе уже по четыре дворника на подъезд. Скоро тротуары с мылом будут мыть, как в каком-нибудь, блин, Антверпене. Когда ты в последний раз видел под ногами окурок?

Мышкин глубоко задумался. Шеф, сопя, открыл ящик письменного стола и достал сигареты. Наверное, действовало напоминание об окурках.

— Между прочим, коллеги, — сказал Гусев. — Меня только что осенило. Я ведь, кажется, догадался, почему санэпиднадзор так распустил дворняг, что их пора ставить на место.

— Я тоже, — хмыкнул шеф. — Ладно, свободны. Но впредь! Чтоб никаких. Ясно?

— Есть! — в один голос отрапортовали выбраковщики.

— И не сметь перебивать старшего по должности!

— Так точно!

— Несите службу.

— Разрешите идти?

— Брысь.

За дверью Мышкин тяжело хлопнул Гусева по плечу, чуть не вкотив его этой лаской в пол по колено.

— Молодец, Пэ, — сказал он. — Спасибо за поддержку. Вижу, значит, не заржал. А то разное про тебя... Да! Короче, так что там насчет санэпидстанции?

— Мы же всех сумасшедших забраковали, — потирая ушибленное плечо, объяснил Гусев. — И очень жестко. А ты представь себе, что за типы работали собаколовами! Они сейчас либо в земле, либо в клиниках. И тех, кто подлечится, уже на живодерку не потянет.

— Получается, мы себе на задницу, так сказать, проблему создали?

— Да нет. Тут одно из двух. Либо ты прав, и это нарочно делается, чтобы Агентство расшатать...

— Нерусских очень много во власть пролезло, — пожаловался Мышкин. — На кого ни глянь — то, значит, почти еврей, то настоящий еврей, то вообще, так сказать, жидяра пархатый. Вот бы их самих в живодеры! А еще лучше — в брак!

— ...либо о нас просто слегка подзабыли, — закончил мысль Гусев. — Забыли, что мы из себя представляем. Не знают, куда приткнуть. Агентство страну подчистило — дай бог. Работы почти не осталось, да и клиентура измельчала. Если сейчас кто-то снова голову поднимет, это все равно капля в море. Менты и без нас справляются. И встает интересный вопрос — а что с нами делать?

Он не стал объяснять, насколько многогранно его видение проблемы и как укладываются в эту концепцию участившиеся случаи милицейского произвола и многое, многое другое. С Мышкиным нужно было изъясняться коротко и четко, иначе громила переставал слушать и уходил в себя.

— Короче, разгонят нас, — вздохнул Мышкин. — Или... Ты чего так смотришь, Пэ?

— Да нас попросту забракуют, — сказал Гусев.

— Типун тебе на язык! А на фига тогда Агентству молодых набирать?

— А вот они нами и займутся! — ляпнул Гусев и сам задохнулся от нахлынувшего вдруг ужаса. «Черт побери! Это называется — осенило».

— Как вот дам по шее! — рявкнул Мышкин.

— Не надо. Пока не за что.

— Тьфу! — Мышкин угрожающе потряс лапой над затылком Гусева. — Короче, ты меня так больше не пугай. Я теперь неделю спать не смогу. Я, так сказать, мнительный ужасно. Зар-раза... Ладно. Ты сегодня без места?

— Да, я в свободный полет, мне ведомого обмимать надо.

— А хотя бы приблизительно?

— Треугольничком возле офиса. Новый Арбат, Смоленская, Арбат, по Бульварам слегка.

— Значит, так сказать, пешком. Хорошо. Значит, Пэ... Короче, в ноль часов жду тебя на стоянке у памятника Маяковскому. Уже чтоб был на машине. Приезжай, ладно?

— Интересное кино, — пробормотал Гусев. — С чего бы это вдруг?

— Значит, нужен, — коротко ответил Мышкин.

— А куда я ведомого дену?

— С собой бери. Это ничего. Заодно, так сказать, и обомнется, хе-хе...

— Ладно... — протянул Гусев задумчиво. — Считай, договорились. Хотя, если честно, не ожидал. Думал, меня уже все, в пенсионеры записали.

— Тебя не забыли, — сказал Мышкин твердо. — Ну, пока. Живи!

— Живи, — отозвался Гусев старым, почти забытым прощанием выбраковщиков, уходящих на работу.

— Да, вот еще! — Мышкин что-то вспомнил и обернулся. — Меня тут те, которые поможе, донимали, так сказать, почему нашу формулу называют, значит, «птичкой». Я не стал говорить, правильно? Незачем. Ага?

— Правильно, — кивнул Гусев. — Похоже, ты действительно ничего не забыл.

Мышкин подмигнул, махнул рукой и пошел к выходу, откуда доносились голоса его подчиненных. Гусев свернул в тактический класс.

В углу Валюшок, закинув ногу на ногу, листал какую-то брошюру.

— Это что у тебя? — спросил Гусев. — Устав внутренней службы?

— Да нет. — Валюшок поспешно убрал брошюру в карман и встал. — Это памятка.

— Забудь, — усмехнулся Гусев. — Будет тебе сегодня памятка, мало не покажется. Идемте, агент Леха Валюшок. Поздравляю вас с первым выходом на маршрут.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

★

Надо отдать Тепешу должное — в своем палацеском усердии он не давал поблажки никому, независимо от национальности или общественного положения.

— Мы разве без машины? — удивился Валюшок, когда Гусев, выйдя из подъезда, сунул руки в карманы и, пыхтя сигаретой, бодро направился в сторону Арбатской площади.

— Подумай, — бросил Гусев через плечо, не останавливаясь.

Валюшок догнал ведущего и пристроился рядом. От дальнейших расспросов он воздержался — то ли решил сойти за умного, то ли попросту опасался лезть, что тоже свидетельствовало о присутствии некоторого интеллекта.

Гусев докурил, небрежно выплюнул окурок в подвернувшуюся урну, промазал и, раздраженно кряхтя, отправился подбирать бычок с асфальта и водворять его куда положено.

— Здесь пешком везде два шага, — снизошел он до объяснения. — А на машине сплошная пробка. Ничего, ближе к ночи покатаемся.

На автостоянке, примостившейся по-над стеной тоннеля, уходящего под Новый Арбат, двое мусорщиков со своим «полотером» усердно вылизывали асфальт, и какая-то смурная небритая личность с сизой физиономией ковырялась в парковочном счетчике. Гусев свистнул. Его проигнорировали. Выбраковщик перешел дорогу и легонько ткнул небритого пальцем в бок.

Небритый чуть ли не со скрипом повернулся к Гусеву, обнаружив при этом на груди форменный жетон, а на молодом еще пропитом лице — выражение полнейшей отрешенности.

— Привет, — сказал Гусев. — Ты в порядке?

— А-а... — пробормотал небритый. — Здорово. Да какой, бля, порядок. Гибель. Похмелиться-то нельзя, выгонят. А я вчера именины отметил. Как нае... В общем, как начал, так и кончил. А что делать, если у меня тормозов нету? Спасибо, не буйный.

— Ну и ну! — восхитился Гусев. — Интересно, что с тобой бывает после дня рождения...

— На день рождения теща заходит, она меня придерживает слегка.

— А жена, значит, тоже без тормозов...

— Накрылась у меня жена, — вздохнул небритый. — Два года уже как. За наркоту.

— Хм-м, соболезную, — протянул Гусев без тени сочувствия в голосе. — Чего ж ты на ней женился? Знал же, чем кончится.

— Думал, справимся как-нибудь.

— С этим не справляются, это лечат. Но мало кому помогает. Ладно. Как я вижу, ты мне ничего интересного рассказать не хочешь.

— А у нас с того раза все тихо. Форменный коммунизм, не на кого стукнуть.

— Но ты посматривай все-таки.

— Будь уверен, начальник. Как только, так сразу.

— Про жену твою узнать? Может, вернется еще. Небритый перекосился в ухмылке.

— Не смеши, начальник, — попросил он. — Что ж я, не понимаю...

— Как раз не понимаешь. Всякое бывает.

— Даже если и так — шла бы она...

— Тебе виднее. Ну, пока.

— Бывай.

Мимо проехал, тихо жужжа, «полотер». Один из мусорщиков сидел за рычагами, второй шел следом, придирчиво оценивая результат. Асфальт за машиной разительно менял цвет. Его будто бы только что положили. Видно было, что моющие средства эта пара не экономит.

— Вы чего так стараетесь? — спросил Гусев. — Начальство ждете?

— Да не, — сказал пеший. — Просто хочется, чтоб было красиво.

— Скоро чихнуть на улице нельзя будет, — пробормотал Гусев себе под нос. — Сразу прибегут двое с лопатами и один с ведром. Где их только набирают, этих маньяков...

— А мне нравится, — сказал Валюшок.

— Мне тоже, — согласился Гусев. — Я просто на самом деле боюсь однажды выволочку схлопотать за то, что жвачку мимо урны выплюнул.

Они снова пересекли дорогу.

— Слушай, — вспомнил неожиданно Валюшок. — А что ты говорил, будто наркомания лечится? Ее же больше не лечат у нас. Или все-таки...

— Опытный психотерапевт может вылечить наркомана. Разумеется, не всякого. И потом, это очень кропотливая и долгая работа. Но в некоторых случаях наркомания поддается лечению. Причем медикаменты здесь не главное. Быстрая детоксикация занимает, по-моему, часов десять или двенадцать. А психологическая зависимость все равно остается. Важно устраниТЬ причины, по которым наркоман хочет уйти из реальности. Садится на иглу только тот, кому положено на нее сесть. Кому очень нужно.

— А кому не нужно? — тут же спросил Валюшок.

— Тот и не садится.

— А кому э-э... не очень нужно? — не унимался Валюшок.

— Того после диагностики оставляют в живых и гонят в рабочий лагерь. Поэтому я и сказал, что некоторые в принципе смогут вернуться. Лагерь — не каторга, выжить можно... Несчастными забитыми животными с навеки потухшим взглядом, но они вернутся. И им уже ничего не понадобится, в том числе и наркотиков. Расслабься, Леха. От наркоты только одно верное средство, которое помогает всем, — пуля в голову.

У табачного киоска возле «Праги» Гусев притормозил и заглянул в окошко.

— Как дела? — спросил он.

— Вашими заботами, — сообщили ему из-за витрины.

— Больше не приходили?

Валюшок ответа не рассыпал. Гусев довольно хмыкнул.

— Если что — тут же звони, — сказал он продавцу. — И не в милицию, а сразу к нам. С тебя «Кэптэн Блэк». Нет, не эти. Мне темные, с ароматизатором.

На прилавок легли сигареты. Одну сторону пачки целиком закрывала белая наклейка с крупной надписью «ТАБАК УБИВАЕТ».

— Ого, — пробормотал Гусев. — Началось. Как ты там сидишь, бедняга, к тебе же все пачки на витрине этой стороной повернуты...

— Ужас, — согласился продавец. — До костей пробирает. Брошу курить на фиг. Хорошо еще на водке не догадались какую-нибудь пакость написать.

Гусев сочувственно кивнул, расплатился, положил сигареты в карман и обернулся к Валюшке. Выражение лица у Гусева оказалось неожиданно злое.

— Не озирайся так по сторонам, ты, рейнджер недоделанный... — прошипел он. — Витрина не хуже зеркала, все отлично видно.

— Виноват, — пробормотал Валюшок.

— Запомни на будущее. Тебя из-за этого мотания головой могут принять за моего охранника, причем за хорошего охранника, потому что ты на телохранителя совершенно не похож. А нам это надо? Я еще пожить хочу, да и тебе советую. Ты не осматривай пространство хозяйственным глазом, а живи в нем. Ну, если очень хочется озираться — делай это небрежно и беззаботно. Мы не патрулируем территорию, мы просто идем сквозь нее по своим делам.

— Понял.

— Молодец. Пошли.

Чисто выскобленные ступеньки вели под Новый Арбат, на ту сторону. Под землей, у стеклянных дверей перехода, стоял небольшой столик, заваленный разнокалиберными плюшками и напитками. Возле столика двое милиционеров, добродушно посмеиваясь, копались в товаре. Продавец широко улыбался.

У противоположной стены очень кстати обнаружилась урна. Гусев тут же к ней пристроился и начал распечатывать сигареты. Пачка ему досталась строптивая, и обертка улетела в мусор не раньше, чем на грузившиеся провиантом милиционеры отошли от столика. Гусев отловил их уже на ступеньках.

— Сдается мне, сержант, что этот продавец тебя подставить решил, — ласково сказал он на ухо одному из них.

Сержант оглянулся, подпрыгнул и уронил себе под ноги ватрушку. Его напарник тоже ощутимо переменился в лице. Потому что Гусев слегка распахнул куртку, и на груди его ярко переливался всеми цветами радуги голограммический значок АСБ.

— А в чем дело? — поинтересовался сержант.

— А в том дело, сынок, что этот тип меня отлично знает. И он видел, что я рядом. Но все-таки позволил тебе уйти, не заплатив.

— Да я платил! — возмутился сержант, рассовывая по карманам банки с водой. — У меня свидетели есть. Какого черта! За кого ты меня принимаешь?!

— Я тебя принимаю за молокососа, который здесь ходит не больше недели. Иначе бы я тебя помнил. Кстати, вымогатели доморошенные, ну-ка удостоверения мне предъявите. Леха, продавец удрать пытается. Останови.

Валюшок сбежал по ступенькам вниз и ухватил исчезающего в подсобке лоточника за воротник.

Милиционеры, наливаясь кровью, вытащили документы.

— Та-ак... Сержант Логинов. Младший сержант Козырев. — Гусев снял с пояса трансивер¹. — Центральное! Это Гусев. Ну-ка проверь мне двух юных блюстителей закона... — Он продиктовал фамилии, звания и номера. — Жду. Та-ак... Ну, их счастье. — Он спрятал рацию, вернул милиционерам документы, вытащил блокнот и что-то записал. — Ну так как, молодые люди, простить вас на первый раз или будете права качать?

Сержант затравленно посмотрел на лоточника, которого Валюшок развернул лицом к событиям. Лоточник нагло ухмылялся.

Напарник сержанта вдруг переместился на шаг, заслоняя Гусева от прохожих. Гусев с неподдельным интересом огляделся по сторонам. Валюшок, напротив, встревоженно сунул руку за пазуху.

— Неудобно, — объяснил милиционер. — Люди смотрят.

— А денежки не платить — удобно?

— У нас с собой не было денег, — выдавил сержант. — Мы собирались заплатить позже.

— Значит, так, молодые люди. Или платите деньги, или возвращаете товар. За это, — Гусев ткнул носком ботинка ватрушку под ногами, — с вас тоже причитается. И учтите — вы уже в картотеке. Официальное предупреждение за вымогательство.

Сержант опять посмотрел на лоточника. Тот опустил глаза.

— Как же вам не стыдно, а, ребята? — спросил Гусев. — Это же надо — с какого позорного эпизода

¹ Трансивер — мобильная приемопередающая многодиапазонная радиостанция (полное описание см.: «Комментарии»).

службу начинаете! А люди, вот эти простые добрые люди, перед которыми вам неудобно, они же надеются на вас. Думают, вы их защищать будете, помогать им... А вы их вместо этого обираете.

— Да он сам нам это в руки сунул! — прошептал сержант. — Он познакомиться хотел, решил сделать подарок...

— А вот этой версии я вообще не слышал, — отрезал Гусев. — Потому что она еще страшнее.

— Да ты спроси его!

— Нет проблем. — Гусев спустился к лоточнику. Милиционеры пошли следом, в их глазах читалось откровенное желание дать выбраковщику по голове и нарисовать потом в отчете самооборону. Они действительно были совсем молодые и еще очень неопытные. От ошибочных действий их удерживала только рука у Валюшка за пазухой и его прицеливающийся взгляд.

— Здорово, провокатор, — сказал Гусев лоточнику.

— Здорово, гестаповец, — весело ответил тот.

— Ну, рассказывай, как дело было.

— Да как всегда бывает. Подошли типа познакомиться. Ну, туда-сюда, потом говорят — мы возьмем? Я говорю — берите. Вот и все.

— Скотина! — беспомощно взывал сержант. — Да я тебя... Врет он все, гнида мелкая! У меня свидетель есть!

— Леха, отпусти человека, — скомандовал Гусев. — Пусть торгует. Ну вот что, детишки. Либо вы делаете, как я сказал, и остаетесь дальше служить с первым и последним официальным предупреждением. Из центра вас, конечно, погонят, будете какое-нибудь Ново-Ебенёво окучивать. Но это все-таки лучше, чем к уголовникам в рудники. Либо вы пытаетесь что-то

мне доказать. Тогда я вам прямо сейчас зачитываю «птичку», вызываю «труповозку», и дальше беседовать вам придется уже не с добрым выбраковщиком, а с очень свирепым дознавателем. Пять минут психотропного допроса, и вся правда налицо. Так что же?

На ступенях раздался слоновий топот, и между Гусевым и приунывшими милиционерами вклинился еще один сержант, только пожилой, усатый и грузный.

— А-а! — обрадовался Гусев. — Так это твои гаврики?

Пожилой одним взглядом охватил место происшествия и поставил диагноз.

—! — сказал он. — На минуту оставить нельзя! Посрать отойти невозможно! Сразу же!

— Безусловно, — поддержал его Гусев. — Редкостные идиоты. Тут, понимаешь, одно из двух. Либо взятка, либо рэкет. Я, конечно, рэкет нарисовал. Задиксовано предупреждение. А они ломаются и ходят к дознавателю на растерзание.

— ...! — сообщил молодым пожилой.

— В общем, ты их забираешь и учишь жизни. А я иду своей дорогой. Так?

— Я их так научу!.. — вполголоса заорал пожилой. — Да вы же меня, уроды, просто!

Судя по виду пожилого, расстроен он был донельзя. Не столько взбешен, сколько именно расстроен. Действительно, ситуация дичайшая — он ненадолго оставил подчиненных, и за это время они его макнули в дерьмо по самую кокарду.

— Ерунда, ты-то отмажешься, — утешил его Гусев.

— Как бы не так! — отмахнулся пожилой. — Мне теперь... У-у, ...!

— Ну, мы пошли, — сказал Гусев. — Всего наилучшего.

Валюшок прощаться не стал, только руку из-за пазухи вытащил.

Лоточнику Гусев сунул под нос кулак.

— А что я неправильно сделал? — возмутился тот.

— Это так, для профилактики. Я же не слышал, о чем у вас был разговор. Может, ты их сам подтолкнул.

Лоточник закатил глаза, воздел руки к небу и длинно выматерился, не хуже пожилого сержанта. Из тирады следовало, что он еще не окончательно сошел с ума и скорее готов согласиться на опасный для жизни нетрадиционный секс, нежели дать взятку официальному лицу — как в процессе отправления указанным лицом должностных обязанностей, так и при иных обстоятельствах.

— И все-таки следи за собой, будь осторожен, — напомнил ему Гусев, удаляясь в переход.

Лоточник проводил его неприличным жестом.

Милиционеры уже скрылись, так и не вернув на грабленное. Вместо них на ступенях появилась дородная некрасивая мусорщица в оранжевой куртке. Она подняла оброненную молодым сержантом ватрушку и задумчиво оглядела ее со всех сторон.

— Да выбрось! — крикнул ей лоточник. — Иди сюда, я тебе пирожок дам... Так уж и быть, с мясом.

— А почему рэкет — не так страшно, как взятка? — спросил Валюшок, когда они с Гусевым поднялись на другую сторону Нового Арбата и неспешным шагом двинулись вдоль зеркальных стен почтамта.

— Взяточничество предполагает сговор двух сторон. И если одна из сторон немедленно не стукнула в милицию или АСБ, потом дело можно очень сильно

раздуть. Сегодня они у него плюшками баловались, завтра он их попросит своего хозяина припугнуть. Ну и так далее. А вот если к тебе подходят, забирают товар и не платят — это одностороннее нарушение, к тому же без перспектив развития — теоретически. Ничего, Леха, разберешься. Нам специально оставили несколько таких «вилок», на первый взгляд дурацких. Чтобы можно было с людьми эффективнее работать.

Валюшок согласно кивнул.

— Как-то они по-детски совсем...

— Дураки. Ты что думаешь, этот старый прожженный мент их не учил? Еще как учил. В первый же день объяснил — упаси вас господи, ребята, хоть одну конфетку у кого-нибудь взять. Потом всю жизнь не отмоетесь. Ребята сказали «да». Но, оставшись без присмотра, все-таки решили хотя бы разок попробовать, так ли сладка халава, как ее малют. Им же, щенятам, позарез нужно самоутвердиться, почувствовать себя большими и страшными. А подтверждение твоей величины может быть самым разным. Для большинства людей хватит и бесплатной плюшки. Кстати, ты не голодный?

— Они даже не пытались толком оправдаться... — переживал Валюшок. — И психологического сопротивления тоже никакого. За спиной только у тебя, когда ты повернулся...

— Да, я по твоим глазам понял. На какой-то миг ребятам очень захотелось треснуть кое-кого дубиной по затылку. И ты все правильно сделал. Хвалю. А насчет оправдания... Гипноз ситуации. Слышал?

— Угу.

— Сам не испытывал? На себе? А некоторые из наших испытали и очень потом ругались. Мы ведь этих двоих почти что взяли с поличным. Считай, за

руку схватили. Тут нужно быть законченным подлецом, чтобы мгновенно перестроиться. Мошенники профессиональные это умеют. У них переключение за доли секунды происходит. Был у меня случай...

Гусев закурил. Лицо его вдруг неприязненно скривилось — наверное, случай был печальный. Валюшок с интересом ждал продолжения.

— В общем, брали мы на живца парочку негодяев. Они тонко работали, гады. Один идет и как бы невзначай роняет человеку под ноги пачку денег. «Куклу», разумеется. Если человек ее не берет, тут же рядом оказывается второй, подбирает ее, заглядывает жертве в глаза и спрашивает шепотом — что делать-то? И дальше у жертвы выхода нет. Даже если она кричит: «Эй, мужик, ты деньги потерял, а этот поднял», все равно не уйдет. Там был десяток вариантов, как выставить человека виноватым и подвергнуть обыску. Если что — подбегали тут же остальные члены банды, становились вокруг, кричали — мы свидетели, он твои бабки взял... Сам понимаешь, бросали «куклу» человеку, у которого в кармане много денег. Вычисляли в обменных пунктах, когда те еще были, потом стали по магазинам в бумажники заглядывать. И представь себе, запасными вариантами банда пользовалась очень редко. Потому что двое из трех потерпевших обычно соглашались с провокатором добычу поделить. Жадные мы все до ужаса. Наш парень, который наживкой работал, говорил потом — ничего не бойтесь, люди, а бойтесь вот этого пакостного желания хапнуть чужих деньжат. Когда тебе мерзавец в глаза заглядывает и предлагает разделить ответственность на двоих, ты ведь не становишься от этого мерзавцем. Ты думаешь, что тебе просто очень повезло. Может человеку раз в жизни повезти? Считается, что может. Должно.

Гусев умолк.

— И что дальше? — подтолкнул его Валюшок.

— Да все, что угодно. Если жертва доставала свои деньги, их тут же пересчитывали и возвращали с извинениями. Разумеется, незаметно уполовинив пачку. Хотя могли бы и просто ограбить. Но сам понимаешь, разбой и мошенничество очень разные статьи, а такое ловкое мошенничество к тому же сложно доказать. Против него обычный закон бессилен, только АСБ справится. Ну, менты и дали наколку Центральному. Так вот, мы когда взяли этих ублюдков, они нам целый спектакль закатили... Не Москва, конечно, но областной какой-нибудь драмтеатр за таких актеров дорого дал бы. А я смотрю на того, который с деньгами работал, и думаю — черт побери, ведь из тебя, идиота, вышел бы отличный фокусник. Выступал бы на сцене, народ бы тобой восхищался... А ты — вот как. Обидно до невозможности. Такая меня злоба разбрала тогда на род человеческий... А эти двое кричат, руками машут, святую невинность изображают. При том, что поняли уже — взяты на живца. Все равно не сдаются. Им наводчика ведут под белы рученьки, еще двоих, которые обычно свидетелей изображали, — нет, кричат, мы их в глаза не видели и вообще не местные, через полчаса самолет. У наживки просто челюсть отпадает, я думал, мужик расплачется сейчас. Он, кстати, потом все равно не удержался. Одно дело — свидетельские показания, а совсем другое на собственной шкуре пережить, что это такое, когда ты человеку в глаза плюешь, а он тебе говорит — божья роса. Невыносимо. Просто невыносимо. Самое мерзкое в нашей работе — лицом к лицу с гнусностью людской встречаться. Вот такие, брат, дела.

— И что им было? — спросил Валюшок.

— А я убил их на фиг, — небрежно махнул рукой Гусев.

Валюшок коротко хохотнул, потом осекся.

— Ты не представляешь, как это было мерзко, — объяснил Гусев. — Мне просто делать ничего не оставалось, у меня ощущение было, что я сейчас утону в этом океане лжи. И, главное, «живца» очень жалко, это ведь мой ведомый был. Ну, я взял и застрелил двоих прямо на месте. Оказалось — угадал, потому что ребята мне аплодировали.

Валюшок шмыгнул носом и полез за сигаретами.

— Наводчик только расстроился, — вспомнил Гусев. — Обкакался бедный. Но тут же признался во всем. А еще один из банды в обморок упал. Они всегда так — как запахнет жареным, становятся очень сентиментальными. За что отдельно воров ненавижу. Леш, не закуривай пока. Мы сейчас на секунду вот в этот магазин заглянем. Или хочешь, постой снаружи. Ничего особенного, я просто хочу посмотреть, нет ли какого-нибудь нового приличного видео.

— Я тоже хочу, — сказал Валюшок и открыл Гусеву дверь.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Кол оказался также весьма эффективным регулятором экономической деятельности: когда несколько семиградских купцов, обвиненных в торговле с турками, испустили дух на рыночной площади в Шесбурге, сотрудничеству с врагами веры Христовой пришел конец.

В магазинчике играла музыка, красивая, но страшноватая. Кто-то жутким голосом ревел на гитарном фоне нечленораздельное. Гусев прислушался и опознал Кинчева. Песня была ему незнакома и не

особенно понравилась. Чересчур уж выворачивала душу.

В стеклянный прилавок уперся толстым животом покупатель — маленький азербайджанец в дорогом спортивном костюме. Представитель обреченной на вымирание породы — недавно вброшенный в массы лозунг «У нерусских не покупаем» людям понравился, и могущество чернявых диаспор таяло на глазах. Но пока что они еще хорошились. Как этот, например. Даже со спины чувствовалось — вот настоящий хозяин жизни, из тех, что с московской пропиской и тридцатью тремя зубами девяносто шестой пробы.

— Так ты, нах, сделаешь? — спрашивал он у продавца, молодого парня, бросившего на Гусева подозрительный взгляд.

— Я же сказал — на будущей неделе сделаю.

— Но ты, бля, обязательно, нах, понял?

От интонаций азербайджанца Гусева покоробило еще больше, чем от непрекращающихся завываний в динамиках. Кроме того, хозяин жизни не обратил внимания на важный момент: продавец снова покосился на Гусева. Хозяину жизни было совершенно наплевать, кто там сзади вошел в дверь. Что Гусева окончательно взбеленило.

Валюшок уткнулся носом в угловую витрину, набитую компакт-дисками. Гусев встал рядом с азербайджанцем, осмотрелся, понял, что интересного ничего здесь нет, прослушал еще серию «бля» и «nah», слегка приглушенными вокальными упражнениями Кинчева, и почувствовал, что тоже очень хочет на кого-нибудь наорать.

— Ну ты, бля, понял, я, нах, зайду. А это что за х...ня воет?

— «Алиса», — объяснила девушка, сидящая за кассой.

— Какая, нах, Алиса? Девочка?

— Группа! — усмехнулась кассирша. — Кинчев.

— Никогда не слышал. Ну и х...ня! — возмутился азербайджанец. — Я и то, бля, лучше спою. Ладно, нах, пока.

Он повернулся, чудом не задев Гусева животом, и вышел. Кинчев, будто по команде, немедленно стих. Продавец и кассирша переглянулись, оба с легкой усмешкой.

— Ну, что у вас новенького? — спросил Гусев

— А что вас интересует? — Вид у продавца был немного смущенный.

— Свежее что-нибудь.

— Вот этот не смотрели? Милицейский боевик.

Завязалась оживленная беседа, точнее, оживился продавец, а Гусев удовлетворенно хмыкал и кивал. По-степенно на прилавке выросла стопка кассет из пяти-шести. Валюшок заинтересовался, подошел к Гусеву и посмотрел. Судя по подбору фильмов, какой-либо вкус у Гусева отсутствовал в принципе. Некоторые из кассет оказались совершенным позорищем, Валюшок такое не стал бы просматривать даже за деньги. Реши сейчас Гусев расплатиться и забрать фильмы, он бы здорово упал в глазах ведомого.

Но Гусев платить не стал. Вместо этого он упер руки в бока, раздвинув полы куртки так, что видны стали кобура на поясе и значок на груди.

У продавца отвалилась челюсть.

— Леша, дверку прикрой, — сказал Гусев ласково.

Валюшок метнулся к двери, набросил стопор и перевернул табличку с надписью «Открыто»—«Закрыто». Ему было уже не стыдно за Гусева, хотя он совершенно не понимал, что ведущий затевает.

— Значит, так, молодые люди, — произнес Гусев еще более ласково. — У вас в магазине стоит какое-то

чмо, матерится, как извозчик, наглеет и чего-то требует. Заказывал он, наверное, порнуху. На это мне наплевать, порнография у нас, кажется, запрещена, но вещь на самом деле полезная, так что бог с ней. А вот остальное...

Продавец стоял с каменным лицом и часто-часто моргал. Кассирша съежилась, наверное, она хотела спрятаться под свой аппарат, но размеры не позволяли.

— Мои знакомые азеры таких, как этот торгаш, считают позором своей нации, и я их понимаю. — Гусев не повысил голоса, напротив, заговорил еще тише, и в интонациях его прорезалась тоска. Впрочем, откровенно циничная. — Но вот из-за таких, как ты, — Гусев ткнул пальцем, отчего продавец тоже съежился, — всяческие уроды чувствуют себя в нашем городе чересчур вольготно. Покупатель всегда прав, но это не покупатель, это распоясавшийся хам. Поэтому слушай приказ. Если в следующий раз этот урод сюда явится, гони его в шею. Если погнать кишку тонка, хотя бы не заискивай перед ним, веди себя достойно. А чтобы у тебя, сынок, не отшибло память...

— Он с хозяином знаком... — выдавил продавец.

— Значит, и хозяину твоему внушение не повредит. Вы меня поняли, детишки? Или что-то ускользнуло? Вы думали, наверное, что раз есть выбраковка, значит, уже не нужно быть гражданами — злые кровожадные дяди и так все сделают за вас? Перестреляют всех уродов и начнется золотой век? Фигушки! Каждый должен что-то заплатить за свободу и безопасность, понимаете, каждый! Мало перестать мусорить на улице, нужно еще и человеческий мусор кидать туда, где ему место. А хозяин будет спрашивать, что здесь произошло, — объясните. Так и скажите — выбраковщик заходил. Старший уполномоченный Центрального отделения Агентства социальной безо-

пасности Павел Гусев. Очень злой выбраковщик и очень расстроенный тем, что вы потакаете хамью. А это вам, дорогие мои москвичи, в назидание и на долгую память.

Гусев шевельнулся, и Валюшок обомлел. В руке старшего появилось оружие. Но совсем не пневматический игольник, а очень красивая огнестрельная пушка, в которой даже полный чайник опознал бы по характерному дизайну итальянскую «беретту».

Продавец и кассирша, хором взывив не хуже давешнего Кинчева, метнулись в угол и затихли там. А Гусев аккуратно подровнял стопку кассет, лежащую на стеклянном прилавке, упер в нее ствол, поставив оружие вертикально, и нажал на спуск.

Пистолет глухо жахнул, кассеты с хрустом осели, внутри прилавка что-то разлетелось в клочья... и медленно, как в рапидной съемке, пошло трещинами и начало рушиться фронтальное стекло. Верхнее стекло, долю секунды подумав, тоже растрескалось и обвалилось вниз.

— Стекло дрянное, — объяснил Гусев в наступившей тишине. Он попрыгал, чтобы отряхнуть с себя осколки, и убрал пистолет за пазуху. — Я думал, красиво получится. Но так даже еще поучительнее. Счастливо, молодые люди. Подумайте о том, что я сказал. Выбраковка много всякой сволочи поставила на место, но на нашем горбу вы в рай не въедете. Извольте уж потрудиться хоть чуть-чуть. Пока!

На улице Гусев достал сигареты. Вид у него был вполне довольный. Валюшок протянул ему зажигалку.

— Спасибо, — отмахнулся Гусев. — Ветер. Я лучше сам. Вот так мы иногда читаем нотации, агент Валюшок.

«Круто читаете, — подумал Валюшок. — Ничего не скажешь, круто».

Но внутри себя он не чувствовал особого протesta. Ему, кажется, стало понятно, чего выбраковщик Гусев хочет добиться от людей. Возможно, Гусев и переигрывал. Но сказать, что его позиция в корне неверна или как-то расходится с общепринятой моралью, Валюшок не смог бы.

Скорее даже наоборот — Гусев требовал слишком много.

«Интересно, — мелькнуло у Валюшка в голове, — а сам-то ты, Гусев, давно таким замечательным стал? И почему, каким образом?»

Впрочем, ответ на этот вопрос он рассчитывал вскоре найти.

На подъезде к Дому книги сворачивались аварийки Мосводоканала — усталый народ в касках тянул какие-то шланги и с грохотом закрывал канализационные люки. Вокруг, жужжа, сновал целый табун «полотеров». Один из уборочных комбайнов чуть было не переехал слегка зазевавшегося Валюшка.

— Эй! Полегче, ты, Шумахер! — рявкнул тот, отскакивая в сторону.

— Закрой помойку, — хмуро посоветовали ему. — Для тебя же стараемся, тормоз.

— Слушай, а действительно, чего они суровые такие? — спросил Валюшок Гусева, опасливо поглядывая на армию мусорщиков, полирующих тротуар.

— Вполне естественная реакция. Мы гадим, они убирают. За что им нас любить?

Возле палатки, где торговали хот-догами, закусывали целая компания — трое выбраковщиков из группы Мышкина и громадная рыжая дворняга.

— Комплекс вины? — осведомился Гусев у старшего тройки, кивая на собаку.

— Да иди ты... — огрызнулся ведущий. — Пришла, села, попросила — угостили. Не хватало мне еще перед собаками грехи замаливать. Проще тогда зарезаться. Сегодня угостил, завтра пристрелил — это что, по-твоему, комплекс вины? Хотя да... Нас уже месяц на собак не посылали. Да я их вообще терпеть не могу... Слушай, Гусев, ну тебя в баню! Надоел со своими подковырками.

Ведущий бросил собаке остаток хот-дога и с тоской посмотрел, как жадно та ест — аж за ушами трещит.

— А вот я так уже не могу, — пожаловался он. — Никакого аппетита. Жую, потому что надо. Пью, когда наливают. Е..усь чисто из принципа. Гусев, ты же умный, скажи — когда все это кончится?

— А ты застрелись, — посоветовал Гусев.

Ведущий пренебрежительно фыркнул:

— Сто раз пробовал. Взвожу курок, гляжу в дуло и понимаю — ничто меня не удерживает. Могу нажать, понимаешь? Запросто. И такая скука разбирает... А потом вспоминаю: мне же на работу завтра. Вдруг случится что-нибудь забавное? Так и живу.

— А ты из игольника — в ногу. Поваляешься часок под наркозом, сразу жизнь медом покажется.

— Больно же! — вытаращился в ответ ведущий.

Валюшок у Гусева за спиной выразительно шмыгнул носом.

— Вот я и говорю — тут же проснется интерес к жизни, — сказал Гусев.

— Ненормальный, — помотал головой ведущий. — Эй, деятели! Вы доели? Пошли на маршрут.

— Можно еще по мусорщикам пострелять, — не унимался Гусев. — От души. Немотивированно. Гляди, сколько их тут. Достаешь что-нибудь большое и

огнестрельное — и давай колошматить. Сразу тонус повысится, гарантирую.

Ведущий зевнул, поманил своих подчиненных и, никак не комментируя добрый совет, ушел. Один из ведомых украдкой показал Гусеву большой палец. Видимо, начальник здорово достал его своими излияниями.

Гусев взял два хот-дога и воды, одну порцию отдал Валюшку и принялся жевать. У него с аппетитом, кажется, было все в порядке. Собака подвинулась ближе.

— И много в Агентстве таких? — спросил Валюшок, кивая в направлении удаляющейся тройки.

— Вагон, — промычал Гусев, жуя. — Но этот — явный кандидат на выбраковку.

— То есть?

— Ротация кадров. Самоочистка. Однажды ты собираешься на работу, а к тебе в дверь стучатся твои собственные ведомые. И говорят: «Извини, стариk. Ты имеешь право оказать сопротивление. Имеешь право не называть себя. Не отвечать на вопросы...» Ну и так далее.

Валюшок покачал головой и бросил собаке остаток хлеба. Гусев свой хот-дог доел без остатка.

— А с тобой так случалось? — поинтересовался Валюшок.

— Нет, ко мне еще не приходили.

— Это видно, — заметил Валюшок. — Нет, я...

— Что видно? — неожиданно зло огрызнулся Гусев.

— Все, извини.

— Леша, — Гусев резко сбавил тон, — сегодня у тебя первый выход на работу. Потерпи немножко, хотя бы месяц. Уверяю — тебе все станет ясно. У вы-

браковки есть побочные эффекты, которые никакими словами не опишешь, их нужно прочувствовать.

— Извини, — повторил Валюшок. — Просто очень много вопросов. Нам почему-то на подготовительном ничего не объясняли про порядки внутри Агентства. Действительно — почему?

— Вот и еще один вопрос. Не знаю, Леш. Я понятия не имею, как сейчас организуется подготовка. Кстати, вас много было?

— Человек двести.

— Ско-олько? — не поверил Гусев.

— На моем потоке две сотни.

— На потоке... Ого!

— Да, было три потока. Это что, много?

Гусев крепко взял напарника за отворот куртки.

— Никому. Больше. Здесь. Об этом. Не говори, — выдохнул он. — Понял?!

— Ага. Почему?

— Жить хочешь? Долго и счастливо? — спросил Гусев. — Хотя нет, счастливо уже не получится. Но хотя бы долго?

— Ничего не понимаю, — медленно произнес Валюшок.

— Вот и отлично. Никому здесь, в Центральном, не говори, сколько вас было. Кстати, а остальные куда подевались?

— Да черт их знает. Меня сразу после выпуска в Центральное направили, и я...

— Ладно, подождем. — Гусев отпустил ведомого и достал сигареты. — Скоро все прояснится. Как раз за месячишко. И ты подрастешь за это время, и я уже буду готов что-то тебе объяснить. Договорились?

— Хорошо. — Валюшок тоже закурил. — Еще вопрос можно? Не беспокойся, он по другой теме.

У Гусева под курткой запищала рация. Он жестом

попросил Валюшку обождать, достал маленькую черную коробочку и нажал кнопку. Держал он трансивер возле самого уха, как мобильный телефон.

— Гусев, прием, — сказал он в микрофон.

— Диспетчер. Где вы находитесь?

— У Дома книги, ближний к центру угол.

— Ждите.

Гусев скорчил рожу.

— Сейчас припашут, — шепотом сообщил он Валюшку.

Диспетчер не заставил себя долго ждать:

— Вызов на Поварскую...

— Мы пешком.

— Я в курсе. Вам идти пять минут. Фургон выехал.

Приготовьтесь, возможно противодействие службы безопасности...

— Та-ак, это то большое офисное здание, да?

— Нет, другое...

Гусев швырнул недопитую банку воды в урну и, махнув Валюшку, сорвался с места. Быстрым шагом они углубились во дворы. Гусев на ходу слушал, что ему говорит диспетчер, и постепенно лицо его приобретало брезгливое и утомленное выражение.

— Все, понял, ждите доклада, — сказал он наконец, убрал трансивер на пояс и вытащил очередную сигарету.

— Трудный случай? — спросил Валюшок, заранее напрягаясь и расправляя плечи, и без того широкие.

— Да нет. — Гусев закурил и прибавил ходу. — Случай несложный, но противный. Идем обезглавливать независимый пенсионный фонд. У президента уже есть два предупреждения за насильственные действия. А теперь он секретарше морду разбил при попытке изнасилования. Прямо маньяк какой-то. Ничего, в каменоломнях ему будет куда руки приложить.

— Да уж...

— Не перебивай. Теперь объясняю, что тут противного и опасного для нас. Приказано клиента изъять с рабочего места немедленно и втихую. Никакие документы еще не готовы, милицейского прикрытия нет, потому что было только устное заявление потерпевшей. Она находится сейчас в офисе, и ей было сказано, что, если пикнет, вообще убьют. Она напугана, я ее понимаю. А главное — этот тип неуправляем и с минуты на минуту ситуация может обостриться. Так что наша задача проникнуть в офис, на месте разобраться и действовать. Неплохо для первого дня, а, суперагент Валюшок?

Суперагент Валюшок в ответ что-то промычал и напрягся еще больше.

— Можно, конечно, прямо на входе назвать себя и избежать лишних сложностей, — заметил Гусев. — Чего бы очень хотелось. Но пока будем добираться до кабинета, снизу могут шефа предупредить, что идет АСБ. Бывали уже прецеденты. Если этот козел девчонку в окно выбросит, чтобы лишнего не болтала, нас с тобой по головке не погладят.

— Ты серьезно? — не поверил Валюшок. — Так вот прямо возьмет и в окно?..

— Разумеется. Это происходит сплошь и рядом. А оставлять тебя одного стеречь охрану я тоже не имею права. Вот такая, блин, катавасия. Понял теперь, почему выбраковка ходит по трое?

Валюшок утвердительно хмыкнул.

— В крайнем случае всех поубиваем, — утешил его Гусев.

На Поварской выбраковщиков обогнала машина «Скорой помощи», проскочила вперед метров на сто и ловко причалила к тротуару.

— А вот и наша, «труповозка», — показал на «Скорую» Гусев. — Как часы работает. Значит, так, госпо-

дин Валюшок. В здании действовать строго по схеме номер два. А именно?..

— Свою принадлежность к АСБ не обнаруживать, поперед батьки не лезть, держать тебе спину, — отрапортовал Валюшок.

— Всячески оберегать ведущего, для чего активно вертеть головой и злобно таращить глаза, — заключил Гусев с усмешкой. — Так, снимаем значки, прячем в карман. И застегнись. Нет, постой. Ну-ка кру-гом!

Гусев придилично оглядел Валюшка — не выпирает ли из-под куртки оружие. Похлопал себя по бокам. Нет, здесь понадобится чертовски опытный взгляд. Как хорошо, что комбидресс слегка гнется и не сковывает движений... И вдвойне хорошо, что Валюшка, как стажера, еще не успели навьючить тяжеленной сбруей, положенной ведомому: сверхплоский ноутбук, мобильный ретранслятор, сканер отпечатков и прочая техника.

«Кажется, проблемся».

— Пошли! — скомандовал Гусев.

ГЛАВА
ВОСЬМАЯ

Суд в его времена был простым и скорым: бродягу или вора, независимо от того, что он украл, ждал костер или плаха. Та же участь была уготована всем цыганам как заведомым конокрадам и вообще людям праздным и ненадежным.

«Скорая» пристроилась за небольшим грузовиком и в поле зрения охранной системы офиса не попадала. Гусев и водитель «труповозки» обменялись издали многозначительными взглядами. Валюшок своему

ведущему от души позавидовал. Выбраковщики отличали друг друга на улице, пользуясь сложным комплексом условных знаков. Но Гусеву такие методы идентификации были ни к чему — его, похоже, все знали в лицо. «Интересно, а бандитам он тоже всем известен? — подумал Валюшок. — Вряд ли. Те, кто его видел, недолго оставались на свободе, а на каторге гусевский словесный портрет ни к чему, все равно оттуда никто не возвращается... Удивительно — сколько ни пытался, не могу представить себя на каторге. Мне туда просто не попасть. И это, черт побери, здорово. Неужели я такой хороший человек? Получается — хороший. А Гусев? А те выбраковщики, которым он сам зачитывал «птичку»? Наверное, они тоже поначалу были отличные парни, но потом работали их сломала. Ничего, я-то не сломаюсь. Я для этого слишком хорошо знаю, что такое хорошо, а что такое плохо».

У двери офиса Гусев на секунду замялся, что-то то ли соображая, то ли вспоминая, а затем решительно нажал кнопку звонка.

— Да! — отозвался встроенный в стену динамик.

— К господину Юрину посетители, — сообщил Гусев.

— Вам назначено?

— Разумеется! — бросил Гусев:

Дверь щелкнула замком, и они вошли.

Охраны на проходной оказалось немного — трое, но каждый по отдельности мог бы скрутить обоих выбраковщиков в барабан рог. Особенno Гусеву не понравился самый щуплый и пожилой из секьюрити — явно начальник смены. Этот был помельче Гусева, да еще и за стойкой расселся, но в нем чувствовался опытный боец, возможно, бывший оперативник, привыкший врага брать хитростью и реакцией. «Ох, рас-

колет он нас, — мелькнуло в голове. — Не вижу металлодетектора, но все равно мы рискуем. Может, все-таки представиться?»

Размещался пост бестолково, но иначе не позволяла конфигурация вестибюля. Здесь было узко и тесно. Стойку с компьютером и мониторами слежения развернули единственным возможным образом. Скученность охраны давала Гусеву преимущество при внезапной атаке, но сильного облегчения от этой мысли он почему-то не испытал. Гусев терпеть не мог честный бой на равных. Пояса охранников украшали массивные газовые револьверы, но под стойкой, за которой сидел их старший, наверняка пряталось нечто крупнокалиберное и полуавтоматическое. «Нет, учитывая тесноту и опасность зацепить своих — нарезной карабин. И может быть, даже с патроном в стволе. А чего я так нервничаю? Давно не работал, вот отчего».

— К господину Юрину, — повторил Гусев. — Фамилии — Купченко и Бунин.

— Документы, пожалуйста.

Выбраковщики достали удостоверения личности. Гусев по документам выходил неким Купченко, вице-президентом по общим вопросам торговой компании с названием блеклым и незапоминающимся. Валюшку по молодости лет досталась расплывчатая характеристика «менеджер по маркетингу».

Начальник охраны бросил взгляд на монитор компьютера, согласно кивнул и отдал гостям их карточки.

— Пятый этаж. Лифт вон там, по коридору.

— Спасибо.

Коридор оказался длиннющий, метров тридцать. Чувствуя спиной неприятный оценивающий взгляд,

Гусев пошел куда сказали. Позади гулко топал Валюшок.

— Кто нам приглашение устроил? — негромко спросил он в лифте.

— Потерпевшая. Обычно так и бывает. Люди помогают нам весьма охотно. Только вот их мотивы... — Гусев скривил лицо и чуть не сплюнул под ноги, но передумал.

— Этот Юрин сам нарвался.

— Ну, она тоже штучка. Дала бы ему в хрюсло, и все дела. Не исключено, что он бы ее резко зауважал.

— Есть огромное число людей, которые не способны дать обидчику сдачи. И, по-моему, это естественно, — заметил Валюшок.

— Спасибо, просветил. А то я не знаю? Сам такой.

Валюшок склонил голову на плечо и смерил Гусева взглядом, полным сомнения.

— Для таких и работаем, — заключил Гусев, выходя из лифта. — Только вот обида — день ото дня бедные овечки становятся все поднее. Бр-р... Так. А куда это нас занесло?

Лифтовый холл открывался в небольшой зальчик с кучей дверей. В центре зала красовалась мощная конструкция — рабочее место как минимум трех секретарш. Из-за стойки виднелась аккуратная женская прическа. Сухо потрескивали клавиши.

— Привет, — сказал Гусев, перегибаясь через стойку.

— Здравствуйте, — ответила совсем молоденькая девушка, отрывая глаза от клавиатуры. Взгляд у нее был напряженный, и где-то в глубине его прятался испуг. — Чем могу?..

«А господин Юрин охоч до свежатинки, — усмехнулся про себя Гусев. — И жаден, судя по всему. Печатать девица толком не умеет, едва-едва школу

окончила, согласна на любой оклад... А на что еще ты согласна, бедная девочка? И сколько вас таких по всему миру, несмышеных и остро нуждающихся в защите? Что с вами будет, когда меня пристрелят?»

— Вы к кому? — спросила девушка, возвращая Гусева к реальности.

— Господин Юрин у себя?

— Вам назначено?

Гусев достал из кармана значок, коротко сверкнул им и прицепил на место — за лацкан. Испуг из глаз девушки переместился на все лицо.

— Ты в курсе, зачем мы здесь? — спросил Гусев мягким полу值得一ем. — Вижу, что да.

Девушка еле заметно кивнула.

— Президент у себя. Один, — прошептала она, указывая глазами направление. Гусев посмотрел на дверь, за которой скрывался господин Юрин, не подозревая еще, наверное, что его ждет.

— А Марина где?

— Вон там, в комнате отдыха...

— Спасибо. Господин Бунин, постойте здесь, развлеките барышню, заодно последите, чтобы клиент никуда не делся. Мне понадобится минуты три-четыре.

— Слушаюсь, господин Купченко, — не упустил возможности съязвить Валюшок.

Пострадавшая сидела с ногами на диване, прижимала к щеке пакет со льдом и роняла тихие слезы в чашку кофе. Даже сейчас, в растрепанном виде и, похоже, не менее растрепанных чувствах, выглядела она стопроцентной шлюшкой. Из тех, которых положено без лишних прелюдий хватать и валить в койку, а за неимением постели — раскладывать на офисной мебели. Крайне неудачная конституция — мощный сексуальный призыв в сочетании с дешевой внешностью. «Не повезло тебе, Марина».

— Сексопатолога вызывали? — осведомился Гусев, присаживаясь напротив и демонстрируя значок. — Все, лапуля, успокойся, с этого момента ты под защищенной АСБ. Ну-ка щечку покажи.

Марина подарила Гусеву злобный, хотя и несколько одноглазый взгляд и на секунду отняла лед от щеки. Гусев цыкнул зубом — удар обернулся не только синяком и отеком, Юрин капитально рассек девушке скулу. Если бы не благоприобретенная (или врожденная) стервозность, Марина давно уже сидела бы в травмпункте. Но ей хотелось отомстить, и Гусев ее понимал.

— Спасибо, что организовала пропуск, — сказал он. — И спасибо, что дождалась. Хорошо, что я это увидел воочию. Легче будет прострелить твоему шефу башку. Считай, ты ему подписала смертный приговор.

Это Гусев врал — если Юрин не будет особо артиться при задержании, он еще поживет. Но Гусева интересовала реакция девушки.

— Он тут вытворяет такое... — Марина всхлипнула. — Его убить мало. Вы других наших девчонок распросите... Они просто боятся.

— Расспросим обязательно. Значит, так... Внизу стоит машина «Скорой помощи». Это наша. Уедешь на ней. Тебя сразу зашьют, потом сделают пластику, мордашка будет лучше прежней. Не беспокойся, все операции за счет АСБ. Плюс тебе капнет неплохая сумма за моральный и физический ущерб. Теперь слушай меня очень внимательно. Я старший уполномоченный Центрального отделения Агентства социальной безопасности Павел Гусев. Ты обвиняешь президента фонда господина Юрина в сексуальных домогательствах и физическом насилии. Сейчас у тебя есть возможность отказаться от этого обвинения. Подумай и скажи — обвиняешь ты его или нет.

— А что ему будет? — спросила Марина. Видимо, гусевский намек на прострел башки ее не убедил.

— Юрин — закоренелый враг общества. Его уже дважды предупреждали о неподобающем поведении. Так что будет ему выбраковка. Он исчезнет. Навсегда.

— Вы его убьете? — с надеждой спросила Марина.

— Честно? Вряд ли. Сначала ему придется заплатить болью за боль. Искупить свою вину на каторжных работах. И в один прекрасный день он там умрет. Кстати, бежать с каторги нереально. Я видел, я знаю. Итак, ты обвиняешь его?

— Да! — выдохнула Марина. — Я обвиняю его.

— Договорились. Тогда сиди здесь, — приказал Гусев, вставая. — Минут через пять твоя напарница постучит в дверь. После этого выходи из офиса и садись в «Скорую». Понятно? Ну-ка, повтори.

— Когда Машка постучит... Он ведь и ее чуть не изнасиловал, скотина-а!..

— Что ты сделаешь, когда Маша постучит?

— Выйду на улицу, сяду в «Скорую»... У-у-у...

— Умница, — похвалил Гусев и вышел за дверь.

Валюшок о чем-то вполголоса беседовал с Машей.

— Ну и обстановочка тут, — сообщил он Гусеву. —

Прямо хоть через одного расстреливай.

— Дознаватель разберется, — отмахнулся Гусев. — Все тихо?

— К Юрину зашел какой-то тип, я не стал его задерживать.

— Черт! — напрягся Гусев. — Он на тебя не отреагировал?

— Машенька выручила.

— Я сказала, что это курьер, — улыбнулась Маша. — А зашел к шефу первый вице-президент. Но он на минуту, ему сейчас уезжать.

Легок на помине, из юринского кабинета вышел дорого одетый мужчина. На выбраковщиков он даже не посмотрел, с головой углубившись в какие-то бумаги, и скрылся за углом.

Гусев оттер Валюшку плечом и заглянул Маше в глаза.

— Ты чудо, — сказал он. — Медаль не обещаю, но признательность гарантирую. Теперь блокируй связь, пожалуйста. Не хочу, чтобы нас беспокоили. Если сунется в кабинет мелкая сошка — у Юрина важные гости. Если кто-то из менеджеров высшего звена — черт с ними, пускай. Может, с собой прихватим. Ты же понимаешь, у нас план. На этой неделе приказано расстрелять десять президентов и двадцать вице. А также спасти не меньше сотни закодированных принцесс, вот наподобие тебя.

Польщенная Маша залилась краской.

— Не такие уж вы и страшные, господа секретные агенты, — пробормотала девушка, отводя взгляд.

— Приятно слышать, — улыбнулся Гусев. — Когда мы с Юриным войдем в лифт, постучи в дверь, за которой сидит Марина, пусть тоже спускается. Ага? Заранее благодарен. Леха, за мной.

В кабинет они вошли без стука. Клиент играл на компьютере. Он оказался раскормленным дядькой лет пятидесяти, с короткой стрижкой и маленьенькими глазками. «Ох, порезвятся тут наши дознаватели, — подумал Гусев. — Ставлю десять против одного, что этот «президент» на самом деле зицпредседатель, свадебный генерал. От скуки лапает секретарш, чтобы хоть как-то время с толком провести. Вопрос — зачем он тут нужен такой? Однако кранты пенсионному фонду».

— Ну? — буркнул, не оборачиваясь, увлеченный игрой Юрин.

— Господин Юрин? — сладким голосом осведомился Гусев.

Юрин все-таки соблаговолил посмотреть в сторону выбраковщиков.

— Да, а в чем дело? — спросил он лениво. — Пройдите, садитесь.

— Благодарю вас. Я старший уполномоченный Центрального отделения Агентства социальной безопасности Павел Гусев...

Юрин перестал шевелить «мышкой» и уставился на гостей уже более осмысленным взглядом.

— Это уполномоченный Алексей Валюшок, — продолжал Гусев. — Господин Юрин, вы обвиняетесь в сексуальных домогательствах и физическом насилии, повлекшем за собой...

— Су-у-ка!!! — проревел Юрин и так кулаком врезал по клавиатуре, что она чуть не разломилась, а компьютер протестующе заверещал. Гусев привычным движением откинулся на кресло. Глаза Юрина уткнулись в рукоятку игольника да так на ней и зафиксировались. Он медленно поднимался из-за стола, и Гусев подумал, что дело плохо. В ярости этот тип себя не контролировал совершенно.

— Вы имеете право оказать сопротивление! — голос Гусева предупреждающе зазвенел. — Имеете право не называть себя! Имеете право не отвечать на вопросы! Согласно Кодексу законов о социальной безопасности с этого момента вы поступаете в наше распоряжение. В случае неповиновения вы будете обездвижены или убиты. Предупреждаю — любое ваше движение может быть истолковано как агрессия. Приказываю оставаться на месте. Руки на стол!

Юрин с видимым трудом овладел собой и замер. Глаза его оторвались наконец-то от рукоятки игольника и переместились на гусевский значок.

— Обыскать, — распорядился Гусев.

Валюшок не спеша, чтобы не испугать клиента, приблизился к Юрину и довольно ловко его ощупал.

— Чист, — доложил он.

— Понял. Юрин, вы меня слышите? Вы признаете себя виновным?

— Нет... — выдавил Юрин. — Нет! Да нет же!

— Хорошо. Юрин, мы с вами сейчас выходим из офиса на улицу. Выходим не спеша, без резких движений. Хотите жить — подчиняйтесь. Малейшая провокация — стреляю. Вы идете первым, мы за вами. Ясно?

— Ребята... — умоляюще протянул Юрин. — Да она же сука... б... поганая... Она меня шантажировала...

— Этим займется следствие, — пообещал Гусев. — Если вас действительно подставили, все будет хорошо. Вы получите компенсацию за моральный ущерб. Не исключено, что с вас даже снимут одно предупреждение. Лица, виновные в оговоре, будут жестоко наказаны. А пока что — делайте что вам говорят. Мы уезжаем.

Юрин едва заметно кивнул. Похоже было, что он мучительно рассуждает — кинуться на обидчиков с кулаками или заплакать.

— Выполнять, — сказал Гусев. — Двигайтесь, Юрин. Выходим.

Любой нормальный человек на месте Гусева посоветовал бы Юрину не искать защиты у охранников — мало ли что задержанному в голову взбредет, лучше уж предупредить. Но Гусев осознанно промолчал. Во-первых, Юрин склонен к насилию и запросто может спровоцировать бойню на выходе — просто из спортивного интереса. Во-вторых, Гусев недаром сказал «лица, виновные в оговоре», употребил множественное число. Если Юрин виноват, то намек, что

обвинила его не только одна-единственная «б... поганая», должен клиента окончательно вывести из равновесия. И нечего ему лишний раз напоминать, что можно натравить охрану на выбраковщиков, а самому под шумок удариться в бега. И так догадается, если очень захочет. Гусев поймал себя на том, что хочет стычки. Теперь, увидев изуродованную девчонку, — хочет. Он вернулся на работу, он вошел, кажется, во вкус.

«Стрелять в нехороших парней — неужели я всю жизнь к этому стремился? Разве я больше ни на что не годен? Да, но кто тогда будет стрелять, если я такой возвышенно-брэзгливый? Кто-то другой, кого я не смогу контролировать. И не факт, что однажды этот «кто-то» не постучится в мою дверь. Если ты взял на себя право решать, кто хороший, а кто плохой, — будь готов, что тебя могут забраковать тоже. А значит, нужно становиться выбраковщиком самому. И это самый разумный выбор».

Юрин вышел из кабинета тяжелым волочащимся шагом приговоренного и сразу направился к лифту. Гусев махнул на прощание Маше, а сам мысленно отрепетировал, как рвет из расстегнутой кобуры игольник. Драки в вестибюле было уже не избежать. Разумеется, ведь Гусев забыл очень важный момент — не выяснил, предупреждают ли охрану, что выходит шеф. Ему ведь должны подготовить машину! «Непростительная ошибка, но уже поздно сворачивать назад. Я не хочу, чтобы этот урод поедал злобным взглядом убийцы Машу, которая будет звонить вниз и отдавать фальшивые распоряжения. Ей потом с этим взглядом жить и жить. Я слишком хорошо знаю, как это бывает, — на тебя один раз посмотрели, а ты через пять лет просыпаешься в холодном поту. Ничего, справимся. Хорошо, что наручники клиенту не надели — уж

больно поза скованная была бы... Или застегнуть его? А чего я так нервничаю, собственно? На проходной охранникам покажу значок — и никаких проблем».

И снова Гусев поймал себя на том, что почти бессознательно хочет драки, хочет кого-нибудь подстрелить. «Окончательно с ума схожу, что ли?»

В лифте они спускались под шумное сопение Юрина.

Как и следовало предполагать, охрана заметила шефа издали, от самого лифта, и на его появление отреагировала вставанием с мест и напряжением тел. Юрин пока вел себя разумно, надвигаясь на пост по центру коридора. Гусев и Валюшок шли следом, держась уступом, Гусев впереди и левее. Частично Юрин его закрывал, а самое защищенное место досталось Валюшку. Выбраковщики часто занимают безрассудные на первый взгляд позиции, заслоняя друг друга собственными телами. При этом ухудшается обзор, сектора обстрела значительно сужены. Но, во-первых, такое построение сплошь и рядом сбивает противника с толку, он принимает тебя за идиота — а зря. Во-вторых, у людей из АСБ все просчитано заранее, они будут стрелять, а не отстреливаться. А в-третьих, если случится нештатная ситуация, кто-то обязательно должен остаться боеспособным и завершить огневой контакт в пользу Агентства.

Сейчас все было бы ничего, вот только старый опытный боец держал в руке то, чего Гусев так опасался — карабин «сайга». Держал пока что стволом вниз. Старый и опытный почувствовал неладное, но опасался перебдеть и огrestи хорошую нахлобучку. Видимо, охране здесь платили неплохо, и начальник поста держался за свое место.

«Переломает мне все ребра, — подумал Гусев. — А то и проникающих наделает. Фигушки, ребята, я

вам не мишень. Самое время обогнать Юрина и предъявить нагрудный знак».

Он прибавил шагу, но опоздал. Когда до поста оставалось шагов десять, у Юрина сдали нервы.

С воплем «Мочи их!!!» клиент бросился в подвернувшуюся справа приоткрытую дверь.

Точнее, попытался это сделать.

Приблизительно на букве «и», когда юринская туша полностью закрыла от охранников Валюшку, Гусев уже вырвал из кобуры игольник и нажал на спуск. При этом он прыгнул влево, отчаянным маневром оттягивая внимание противника от ведомого.

Пистолет затрещал, и с полдюжины игл украсило темную форму начальника поста желтыми точечками стабилизаторов. Начальник успел развернуться к Гусеву и выбросить в сторону опасности руку с карабином. Грязнул выстрел, пуля ушла в потолок.

Оставшиеся двое охранников почти достали свои револьверы, но Гусев успел срезать обоих длинной очередью. Автоматически он нажал кнопку выброса магазина и стремительным движением перезарядил оружие.

Юрин наконец-то завершил падение и с грохотом рухнул на четвереньки в дверном проеме.

Охрана сползала по стенам на пол.

Валюшок, не успевший сделать ни единого выстрела, шумно выдохнул, убрал пистолет в кобуру и от души пнул Юрина под копчик. Получив ускорение, тот исчез за дверью, где мгновенно вскочил. Дверь захлопнулась, щелкнул замок.

— По-мо-ги-и-те! — раздалось из-за двери. — У-би-ва-а-ют!!!

— Что ж ты его упустил? — спросил Гусев укоризненно. Он спрятал игольник, нагнулся и подобрал опустевший магазин.

Валюшок помотал головой и развел руками.

— Обалдел, — сказал он. — Виноват.

— На по-о-мощь!!! — надрывался Юрин. — Ка-ра-ул!!!

Гусев подергал дверную ручку и убедился, что пе-ред ним возникла преграда.

— Эй, задержанный! — прогремел он так, что пе-рекрыл крики Юрина. — Две секунды на открытие двери!

Юрин в ответ длинно выматерился.

— Беги на улицу, зови наших, — сказал Гусев Ва-люшку. — Обязательно с носилками.

Валюшок перепрыгнул через тела поверженных охранников и исчез за дверью. Гусев почесал в затылке и вытащил сразу оба своих пистолета.

— Все, ты меня достал! — сообщил он в сторону двери. — Сейчас будет экзекуция. Сам напросился. Ох, я тебя...

Дальше развивать тему он не стал, а просто трижды выстрелил из «беретты» в область замка. Дверь разворотило так, что даже пинать ее не пришлось — отлетела сама. Гусев шагнул в комнату, оказавшуюся маленьkim складом, битком набитым какой-то бумажной продукцией, наткнулся на осталбеневшего Юрина и смаочно врезал ему рукояткой «беретты» промеж глаз. Юрин охнул и сел на задницу. Гусев дал ему несколько секунд посидеть, чтобы клиент как следует прочувствовал, насколько же хорошо ему вломили, а затем почти не целясь пустил Юрину иголку в ногу. Виновник безобразия тихонько всхлипнул и упал на-взничь.

— Вот так-то, — сказал Гусев. Он снял пистолеты с боевого взвода, убрал их на место, закурил и с на-слаждением затянулся.

В дверь ворвался экипаж «труповозки» — трое

мордоворотов, изображающих бригаду «Скорой помощи». За их спинами маячил Валюшок.

С другой стороны коридора пошел лифт. Наверное, спускалась Марина. Любому другому на ее месте Гусев бы не позавидовал, а эта девчонка и так за сегодня насмотрелась на всякое. Вряд ли ее особенно расстроит творящийся у выхода бардак.

— Где клиент? — спросили у Гусева деловито и требовательно.

— Вон, — махнул рукой Гусев, отходя к посту, сядясь на место начальника и закидывая ногу на ногу. — И потерпевшая сейчас подойдет.

— Пусть тогда поторопится.

— Леша, будь другом, сбегай, приведи ее. А-а, вот и она.

Гусев достал рацию и вызвал Центральное.

— Это Гусев, — сказал он. — Клиент пытался бежать, обездвижен, сейчас грузим...

— Не «грузим», а «грузят», — поправили его «мединики». В данный момент двое из них, отдуваясь, проталкивали носилки с Юриным через узкую проходную, а третий, с фонендоскопом на шее, осуществлял руководство.

— ...служба безопасности была спровоцирована клиентом и оказала сопротивление. Есть три незапланированных обездвижки. Немедленно сюда группу поддержки, милицейское прикрытие и обязательно нашего дознавателя, чем скорее, тем лучше. Похоже, здесь есть чем заняться. Я остаюсь на месте, буду встречать. Только поскорее, ладно? Все, жду.

У проходной остановилась потерпевшая, щеку она теперь зажимала платком.

— Круто, — сказала Марина, оглядев лежащие на полу тела.

— Ну-ка, девушка, что это у нас такое? — подско-

чил к ней «врач». — Та-ак, посмотрим. Ну что же, ничего страшного. Пойдемте, пойдемте...

— Счастливо, — бросил Марине Гусев.

— Пока, — вздохнула она. — Спасибо.

Валюшок подошел к бездыханному телу начальника поста, нагнулся и осторожно защелкнул предохранитель лежащего на полу карабина.

— Лихо ты их, — признал он. — Только в следующий раз меня не береги так, ладно?

— Тебя клиент перекрыл, — буркнул Гусев.

Валюшок поднял глаза на дырку в потолке и ничего больше не сказал.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Смерть Влада вызвала среди современников оживленную дискуссию: куда направилась его душа — на небеса или прямиком в пекло? Сторонники обеих точек зрения приводили свои аргументы, но со временем возобладал третий вариант, который и лег в основу легенды.

«Группа поддержки» объявила минут через пятнадцать — без малого десяток выбраковщиков во главе с дознавателем АСБ. Выглядел дознаватель как форменный душегуб — нечто среднее между ожившей смертью и Дракулой из очень дешевой кинострашилки. Приданный группе милицейский представитель что-то ему рассказывал, а монстр заразительно смеялся и хлопал в ладоши.

— Ты не слышал эту хохму, Пэ? — спросил дознаватель у поднявшегося ему навстречу из кресла Гусева. — Парня спрашивают — чего это у тебя ухо в кро-

вище? Да вот, говорит, пытался с собой покончить, ухо размочалил. Промазал, короче. Как же это можно — сам себе в голову стрелял и промазал? А ты по-пробуй, говорит, попади в таких условиях — я же на бегу стрелял...

Гусев одобрительно фыркнул:

— По-моему, я этот анекдот читал когда-то. Здравствуйте, господа.

— Ну, ты и наколбасил тут! — заметил милицейский капитан, озирая поле боя.

— Завидно? — спросил Гусев, хитро прищурившись.

— Подумаешь! Трое с газушниками, ты стрелял первым, разумеется...

— Вон туда посмотри. — Гусев ткнул пальцем вверх.

Милиционер поднял голову, увидел пулевое отверстие и впал в глубокое раздумье.

Под ногами принялись надрывно стоануть — это первому охраннику вкатили антидот. Валюшка передернуло — он уже испытал на себе, как бывает плохо, когда действие препарата обрывается искусственным путем.

— Отойдем, — посоветовал дознаватель, косясь на пострадавшего. — А то мало ли что. Обувь потом не отчистишь, вонять будет неделю. Ну, Пэ, докладывай. Мы слушаем.

Гусев начал рассказ — очень сжато, но ничего не упуская. Валюшок отметил — первым делом его ведущий объяснил, что охрана ни в чем не виновата, поскольку не знала, с кем имеет дело. Все-таки было в этом странном человеке нечто от средневекового рыцаря. Возможно, он понимал справедливость и порядок в несколько утрированном виде, но вот элементарной честности ему было не занимать.

Тем временем группа поддержки разделилась — двое выбраковщиков остались у двери, еще двое блокировали лестницу наверх, пятеро набились в тесный

лифт и уехали, как сказал один из них, «закрывать этажи». Дознаватель и милиционер делали пометки в блокнотах. Очухавшийся начальник охраны уполз под стойку, и там его мучительно рвало. Остальные двое лежали пластом и хрипло дышали. На бедняг вообще не обращали внимания — помочь им сейчас было нечего, а опасности они не представляли.

«Хорошо, что меня не тошило, — подумал Валюшок. — Нет, Гусев, я тебя за ту выходку со стрельбой по мне не простишь. Но, кажется, я уже понимаю, зачем это было сделано. В первую очередь ты хотел, чтобы я не издевался попусту над людьми, посыпая иголки направо и налево. Интересно, каждого новичка в АСБ встречают такой церемонией?»

На пульте звякнуло.

— Эй, молодой! — крикнули от двери. — Посмотри, кого нелегкая принесла.

Валюшок за пульт охраны зайти не рискнул — там было грязновато и лежало слабо шевелящееся тело. Он просто лег на стойку боком. Система здесь была стандартная, уроки в подготовительной группе не прошли даром — он мгновенно увидел нужные кнопки, а заодно разглядел и посетителя.

— Ничего особенного, — сказал он. — Мужик как мужик.

— А ствол... Ствол он в какой руке держит? — тревожно спросил один из выбраковщиков, сужа руку за пазуху. Это было до того натурально сыграно, что Валюшку понадобилась целая секунда, чтобы понять — над ним издеваются.

— У него на плече гранатомет, — парировал он и нажал на кнопку. — Да!

— Что, заснул? Открывай давай! — рявкнул динамик.

Дознаватель с радушной улыбкой на этот голос обернулся и сделал Валюшку знак — открывай. От

двери махнули рукой. Валюшок послушно разблокировал замок. Визитер шагнул на порог, окинул помещение хозяйственным взглядом и побледнел.

— Здравствуйте! — обрадовали его. — Здесь Агентство социальной безопасности. Предъявите удостоверение личности, будьте любезны.

— Я председатель собрания акционеров, — хмуро представился вошедший.

— Замечательно! — воскликнул дознаватель. — Где же вы были? Идите скорее к нам!

Вошедший перестал бледнеть и начал заливаться краской.

— Ну, мы пошли отчеты писать? — спросил дознавателя Гусев.

— Давай. Эй, юноша! С боевым крещением вас.

— Спасибо, — пробормотал Валюшок.

— Живи! — напутствовали его.

Они быстро дошли до офиса, причем Гусев всю дорогу молчал. Только на вопрос, разве не положено отчеты писать по окончании дежурства, он соблаговолил ответить загадочной фразой, после чего снова умолк.

— Следующее приключение назначено на полночь, — сказал он. — А пока что хватит. Мне нельзя помногу, у меня синдром детренированности, понял?

Валюшок кивнул и остаток пути размышлял, что именно у Гусева могло детренироваться.

В офисе Центрального они поднялись на второй этаж и прошли в «рабочую», которую Валюшок до этого видел лишь мельком, — огромную комнату, занятую рабочими столами командиров групп и ведущих. На столах громоздились кучи бумаг, стояли канцелярские наборы и всяческие финтифлюшки. Особенно Валюшка поразила чья-то здоровенная кружка с надписью «Это я убил Джона Леннона».

— Данилов выдрючивается, — бросил через плечо Гусев, когда пораженный Валюшок уставился на сие произведение искусства. — Данила всем направо и налево объясняет, что «Битлз» — розовые сопли. А вот хэви-метал — это да! Кстати, а твое мнение?

— Ну, в принципе «Битлз» действительно не «Металлика», — пробормотал Валюшок. — Только не до такой же степени...

— Вот именно, что не до такой.

Гусевский стол оказался совершенно гол и покрыт толстым слоем пыли. Вокруг стола притулились три стула, явно знавших лучшие времена.

— Кресла поперли, разумеется, — вздохнул Гусев. — Даже мое. Совсем обнагели. Ладно, садись. Или вот что, иди-ка за соседний. Хозяин в отпуске, не обидится.

Валюшок послушно сел, включил компьютер и вывел на монитор стандартную форму отчета.

— Что писать? — спросил он.

— Да все, что в голову взбредет. Как было, так и пиши. Тебе легко.

— А тебе?

— Мне сейчас целый трактат рожать придется. О том, что в следующий раз я спасать подозреваемых от несуществующей опасности не намерен. Либо пусть дают третьего, чтобы наши задницы прикрывал, либо на фиг такие выкрутасы. Я еще разберусь, какого черта на это задание послали двоих. Он же еще, сука, передо мной извинялся! Мол, простите, я все понимаю, но больше никого рядом...

Гусев открыл ящик, порылся в нем, достал тряпку и принялся обтираять пыльную столешницу.

— Кто извинялся?

— Начальник смены, кто еще... Не диспетчер же, ему до лампочки.

— А кто сегодня начальник смены?

Гусев повернулся к Валюшку и внимательно его оглядел с ног до головы.

— Утихни, — посоветовал он. — Никто нас подставлять не собирался. А начальник смены — Корнеев.

— Я просто тоже хотел бы отметить...

— Сказано же — утихни. Тебе не положено. Знаешь выражение: «по сроку службы не положено»?

— И здесь дедовщина, — вздохнул Валюшок, принимаясь тыкать пальцами в клавиши.

— Везде дедовщина. Каждый раз, меняя работу, ты проходишь заново путь от «черепа» до «деда». Везде, где собирается больше одного человека, «дедовщина» присутствует в том или ином виде. А уж у нас-то, в Воинстве Христовом — сам бог велел. Хотя некоторые считают, что АСБ — армия Тьмы. Но таких мы почти всех поубивали. И чего ты сюда подался, Валюшок?

— В архангела захотелось, — отрезал Валюшок. — Кстати, а ты-то сам как считаешь, что такое АСБ?

— Необходимое зло, — мгновенно ответил Гусев. Видно было, что ответ у него заготовлен давно.

ГЛАВА
ДЕСЯТАЯ

Он сражался за независимость своей родины, оставаясь тираном и человекоубийцей.

Когда отчеты были закончены, Гусев согнал их в архив, а свою докладную записку не только куда-то отправил, но еще и распечатал. Буркнул Валюшку: «Сиди, кури, играй», забрал бумажки и ушел. Валю-

шок перебрался за гусевский стол и с огромным интересом полез в компьютер ведущего. Эта машина сразу показалась ему куда быстрее соседней и вообще гораздо круче, чем необходимо для простенького офисного рабочего места. Припомнив немудреную команду, Валюшок ознакомился с конфигурацией и аж присвистнул. Здесь стоял мощный видеоакселератор, а оперативной памяти было просто немерено. Заинтригованный Валюшок сунулся под стол и обнаружил, что пломба на корпусе сорвана. Похоже, Гусеву никакие правила были не писаны. А еще он, судя по всему, проводил на работе куда больше времени, чем полагалось. «Ну, сейчас порезвимся!» — обрадовался Валюшок, резонно полагая, что игровой раздел на диске битком набит хорошими трехмерными «стремлялками» — беготня, пальба, кровища. Однако Гусев и тут своего ведомого удивил. Игрушек действительно оказалось вагон, но все они были стратегические или ролевые, причем нелокализованные, на английском, и очень сложные. Валюшок было затосковал, но потом нашел один-единственный автомобильный симулятор и принялся гонять.

Гусев отсутствовал почти час. В «рабочей» стояла абсолютная тишина, разве что Валюшок иногда скрипел резиной на поворотах. Центральное отделение трудилось на улицах города, и, судя по отсутствию тревожных сигналов, никого покамест не убило. Развешанные там и сям большие мониторы были мертвые, динамики оповещения хранили молчание. Ничего похожего на деловитую суету прежних лет, о которой с ностальгическими вздохами рассказывали инструкторы подготовительных курсов. Похоже, город исчерпал свои криминальные возможности. Как и вся страна в целом. Драконовские законы и невероятно четкое их исполнение сбили температуру почти до

нуля — преступления совершались в основном на бытовой почве, — и уполномоченным АСБ предстояло рано или поздно раствориться в армии милиционеров и налоговиков. Об этом инструкторы тоже предупреждали — мол, кончается халява, повоюете немного, а потом станете как все. То есть без огромной страховки, высоченной зарплаты с роскошными премиальными, а главное — без прав, которые вы, салаги, гордо зовете «лицензией на убийство».

И гуляя по улицам, в это несложно было поверить. Валюшок еще помнил неприятное ощущение, когда в московском воздухе тяжелым удущивым смогом висела ненависть. Висела долго, лет десять, всю его юность, а потом вдруг исчезла.

Потому, наверное, что когда-то на одного выбраковщика приходилось сто уголовников, а теперь, даже при сокращенном штате АСБ, десяток уполномоченных с трудом откопают себе одного-единственного клиента. Кстати, но ведь штат собираются опять расширить... Странно — зачем?

«А действительно, — подумал Валюшок, — на фига нас так много понадобилось? То-то Гусев удивился, когда я ему рассказал, сколько народу было на подготовительных. У него аж глаза на лоб вылезли...»

Выбраковка давно уже не работала с полной отдачей. Раньше Центральное каждый день проводило специальные операции, но с тех пор уцелевшие бандиты попрятались, уличная преступность сошла на нет, а освободившиеся из мест заключения рецидивисты активно овладевали гражданскими специальностями и боялись лишний раз вздохнуть. Знаменитый «Указ сто два», согласно которому третье по счету преступление влечет за собой пожизненную каторгу, за неполных шесть лет все поставил в стране на положенные места. Упрощенная система дознания сделала правосудие молниеносным, а наказание поистине не-

отвратимым. И Агентство социальной безопасности — аналог ленинской ЧК, только ориентированный на борьбу с преступлениями против личности, — потихоньку отмирало, какrudимент крутых времен. Рабским трудом многомиллионной армии вымогателей, мошенников, насильников и убийц потихоньку выковалось местное экономическое чудо, и правительственные менеджеры уже готовили экономику к переходу на более цивилизованные рельсы, потому что ряды каторжников таяли, а новых врагов народа просто неоткуда было взять. «Какой разумный термин — «враг народа», — думал Валюшок, выводя свой виртуальный автомобиль на прямую и давая полный газ. — Ведь действительно, любой, кто нарушает права личности, — это именно враг народа, всего народа в целом. Неважно, кража или грабеж, в любом случае это насилие, посягательство на территорию человека и его внутренний мир. И тот, кто сознательно решается на преступление... Его обязательно кто-то научил, что такое возможно. Какой-то ублюдок. Какой-то мерзавец. Верное было решение — давить уродов, давить, чтобы не могли они больше размножаться и плодить себе подобных. Интересно, кто это придумал. Считается, что и «Указ сто два», и «Указ сто шесть» — плоды коллективной воли. Но ведь был некто, подавший идею первым. Хотел бы я посмотреть на этого человека. Ежику ясно — у него должна быть очень большая голова. Но идею он подбросил блестящую».

— Очнись, гонщик, — сказал Гусев. — А то за настоящий руль не пущу. Ужинать пошли?

В столовой их прилично накормили, разумеется, бесплатно. Валюшок рассчитывал, что сейчас они вернутся на маршрут, но Гусев снова пошел в «рабочую». Вытащил из ящика стола какие-то тряпки,

фляжки, комплект инструмента, милостиво кивнул Валюшку на свой компьютер, а сам уселся рядом и принялся возиться с «береттой». Движения у Гусева были небрежные и быстрые, как у человека, который проделывает сборку-разборку и чистку ежедневно в течение многих лет. Особенно Валюшок поразился, когда на столе появилась специальная оправка и Гусев тщательно прокалибровал все патроны, даже те, что в запасных обоймах.

«Ты бы их еще в пескоструйную машину засунул», — подумал Валюшок.

Гусев взял один патрон и близко поднес его к глазам.

— В пескоструеечку бы тебя, грязнуля... — пробормотал он.

Валюшок от неожиданности чуть не поперхнулся и зашелся в кашле. Гусев коротко на него глянул, ничего не сказал и принялся заряжать обоймы.

— А мне такую дадут когда-нибудь? — спросил Валюшок, показывая глазами на «беретту».

— Не дадут, — отрезал Гусев, сделав ударение на слове «дадут», и у Валюшка как-то вдруг пропала охота задавать еще вопросы.

На первом этаже Гусев молча сунул руку в окно дежурки.

— Что вам? — спросил помощник дежурного, молодой парень, ровесник Валюшка, сидевший за пультом.

— Угадай с трех раз, — предложил Гусев.

Молодой надулся было, но его вдруг заслонил выбраковщик постарше и вложил в раскрытую ладонь Гусева ключи.

— Запиши, — сказал он молодому. — «Пятнадцатую» взял Гусев.

Гусев против ожидания руку не убрал.

— Бери что дают, — сказали ему строго.
— А еще страшнее нету? — сморщился Гусев.
— Только страшнее и есть.
— Даже мне?
— Тебе — особенно. Пэ, не заедайся, ты же в резерве.

— Да в каком я, мать-перемать, резерве?!
— А разве нет?
— В чем, собственно, дело? — подал голос молодой.
— «Группу поддержки» ты высыпал на Поварскую?

— Ну я...

— Знаешь, кто оттуда поддержку вызывал? Кто там пулю чуть было головой не поймал, на этой сраной улице Воровского?!

— Стоп, стоп, стоп... Тайм-аут. — Дежурный отодвинул помощника, заслоняя его от гусевского праведного гнева, и принял листать растрепанный журнал, лежащий на пульте. — Спокойно, Пэ. В расписании тебя нет. Во всяком случае — нам не доводили...

— ДО НАС НЕ ДОВОДИЛИ! — рявкнул Гусев.
— Точно, — согласился дежурный. — Правильно говорится — «до нас не доводили»... Так, а это что еще?! Ты почему разнарядку не сверил, бестолочь? Вот же дополнительный список!

— Да я... — начал помощник, но больше сказать ничего в свое оправдание не успел, потому что Гусев очень метко и больно швырнул ему ключами в глаз. Помощник взвыл и схватился за лицо.

— Первое внутреннее предупреждение тебе, — сообщил Гусев. — Дежурному просьба сделать отметку в журнале.

— За что-о?!!! — заорал помощник, вскакивая на ноги.

— Сейчас будет второе, — пообещал Гусев.

Дежурный взял помощника за шиворот и одним движением утрамбовал обратно в кресло.

— Извини, Пэ, — сказал он. — Недосмотрел.

— Из-за такого недосмотра люди пролетают мимо платежной ведомости! — фыркнул Гусев.

— Да что ты! Хочешь, я прослежу лично?! — замахал руками дежурный.

— Допустим, хочу.

— Обязательно. Честное слово. Ключи возьми, Паша. От «двадцать седьмой».

— Ну...

— От сердца отрываю.

Гусев помялся, но ключи взял.

— Салафе твоему предупреждение — не забудь, — бросил он на прощание.

Дежурный в ответ только вздохнул.

Во внутреннем дворе Гусев окинул взглядом ряды машин и уверенно направился к «двадцать седьмой», которую неким внутренним чутьем вычислил.

— Ты бы еще мордой об пульт этого беднягу... — пробормотал Валюшок в спину ведущему.

Гусев на ходу запнулся. Оказалось — для того, чтобы со всей силы лягнуть ведомого в живот. Не обворачиваясь, на слух.

Валюшок от неожиданности упал.

— Ты идиот? — спросил он, лежа на асфальте и глядя в сумеречное небо.

Гусев не ответил, только впереди хлопнула дверца. Валюшок с глубоким вздохом поднялся. Машинистично он отряхнул куртку, оставшуюся совершенно чистой даже в том месте, куда впаялся гусевский башмак. Мысленно поблагодарил мусорщиков за чистоту, а создателей легкого бронекомплекта — за то, что жив-здоров, и пошел вслед за ведущим.

— Наша служба и опасна, и трудна, — пробормотал он тихо себе под нос. — То ли еще будет, ой-ей-ей...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Мы уже никогда не узнаем, каким был наш ужасный герой в личной жизни. Шутил ли он хоть когда-нибудь, озаряла ли улыбка лицо этого изверга-патриота?

«Двадцать седьмая» машина с виду была «жигули» как «жигули», примитивная старая хреновина — дешевый автомобиль для битья. В городском потоке от таких старались держаться подальше. Но даже сидя пассажиром, Валюшок сразу почувствовал: что-то с «двадцать седьмой» не так. Аппарат доводили до ума, у него оказалась по-спортивному жесткая подвеска и двигатель куда мощнее обычного. Стрелка тахометра едва-едва шевельнулась, а полбульвара уже было позади.

— Подшипник гудит, — сказал Гусев. — Или это не подшипник? Леха, послушай.

Валюшок демонстративно отвернулся.

— Нет, не подшипник, — резюмировал Гусев. — Вот что, Алексей. Я, конечно, зря на тебя замахнулся. Но и ты меня пойми.

— Если это называется «замахнулся»...

— Ну извини, пожалуйста. Очень уж ты неудачно под горячую руку...

— Руку?!

— Я больше не буду. Честное слово.

— Так я тебе и поверил, — фыркнул Валюшок. Понятно было, что Гусев не собирался причинять ему

физический вред — да и не смог бы, даже при большом желании. Ведущий просто хотел заткнуть молодого бойца, не ко времени раскрывшего пасть. А поскольку руки у Гусева были в карманах и вынимать их ему оказалось лень... Получилось весьма унизительно, одна надежда, что из окон никто в этот момент не таращился.

— Вообще-то в любом конфликте тебе положено занимать мою сторону, — заметил Гусев, сворачивая на Остоженку. — По штату положено. Не рассуждая и, тем более, не вякая. Живее будешь.

— Даже в конфликте внутри АСБ?

— Особенно внутри, дорогой ты мой! Особенно... Я понимаю — твое желание оградить ребят помоложе от произвола старших вполне естественно. Но ты уж, будь другом, постарайся это желание как-нибудь подавить. Ты ведь не шныряешь по отделению, не бегаешь с разными дурацкими бумажками, не сидишь на пульте. Тебя сразу поставили работать. А значит, друг мой Лешка, держись оперативников, и в особенности — стариков. На маршруте никто тобой помыкать не будет, наоборот, всему научат и даже поначалу защитят, если что. Здесь тебе не армия, у нас дедовщина только в офисах процветает. На поле боя молодых берегут. Иначе откуда новых выбраковщиков брать?

— Ладно, — кивнул Валюшок. — Извинения принимаются. Хотя...

— Это все нервы, Леха. — Гусев цыкнул зубом и достал сигареты. — Это все гребаный пенсионный фонд.

— Он бы в тебя все равно не попал, — вспомнил охранника с карабином Валюшок.

— Еще бы он попал! — усмехнулся Гусев. — Нет,

конечно. Но вот я... Я-то в него попал, Леха. И очень больно ему сделал. Такие вот дела.

— Ты в выбраковке уже лет пять... — медленно произнес Валюшок.

— Шесть.

— ...и тебя до сих пор беспокоит то, что ты людям причиняешь боль?!

— «Не злодей я и не грабил лесом, не расстреливал несчастных по темницам», — процитировал Гусев. — Кстати, упреждаю твой следующий вопрос — действительно не расстреливал. Убивал — было, не скрою. И даже много убивал. Человек, наверное, тридцать. Но они меня тоже бы убили, дай им волю. А вот насчет расстрелов — фигушки. Я знаю, про первые годы выбраковки очень много слухов ходит, якобы у нас в подвалах кровища было по колено. Вранье это все. Это наш отдел внешних связей население пугал. Мол, у чекиста должны быть длинные руки, кожаная куртка... И что-то еще — забыл что.

— А кто тогда расстреливал?

— У нас смертной казни нет, — напомнил Гусев.

— Ну, это понятно, что ее у нас нет...

— На самом деле нет, — отрезал Гусев. Машина стояла на светофоре, из соседнего «БМВ» на убогую таратайку выбраковщиков презрительно косилась расфуфыренная барышня.

— Некрасивая и стервозная, — пробормотал Гусев. — Несчастный человек. И жалко мне тебя от души, и случай упускать не хочется... Ох как смотрит! Думает, я про нее гадости всякие говорю...

«БМВ» всхрапнул мотором и слегка продвинулася вперед.

— Эй, Валюшок! — позвал Гусев. — Держись за шляпу. Нас только что с ног до головы уделали пре-

ступным высокомерием. Предлагаю мелко и подло отомстить. Готов?

Вспыхнул зеленый. Как истинный джентльмен, Гусев позволил dame начать гонку. Он даже чересчур увлекся — иномарка уже пересекла стоп-линию, когда «двадцать седьмая» присела на все четыре колеса и выстрелила.

Неизвестно, что подумала хозяйка «БМВ», когда мимо нее пронеслось этакое пушечное ядро, но Валюшку пришлось туго. Опытный и умелый водитель, он невольно воспринимал все эволюции машины так, будто сам был сейчас за рулем. Короткий отрезок пути до Садового кольца Гусев пронесся настолько безопасно, насколько это было возможно при таком сумасшедшем темпе. Пришлось обогнать несколько машин, казалось, застывших на месте, и ни одной аварийной ситуации Гусев не создал. Но все равно, сколько «Жигули» не дорабатывай, в «Феррари» они от этого не превратятся. Так что когда Гусев осадил «двадцать седьмую» у поворота с явным намерением дальше ехать спокойно, Валюшок облегченно перевел дух.

«БМВ» в зеркале отсутствовал. Выбраковщики, не веря своим глазам, синхронно оглянулись.

— А-а... Ползет. — Гусев вырулил на Садовое, и машина неспешно покатилась в сторону Нового Арбата. — Знай наших. Покойник Федя Яковлев на такой же тачке «Субару-Импреза» загнал. Простую, конечно, не турбированную. Но все-таки! В городе, да на сухом асфальте, от нас спасения нет. Дешево и сердито.

— И как же он ее загнал? — поинтересовался Валюшок.

— Натурально. Измором взял. А буквально на следующий день переходил улицу на красный свет и

попал под машину. Вот ты бы поперся на красный? Чтобы тебя насмерть задавили, и ты же еще оказался бы виноват... Так вот, Леха, мы с тобой насчет расстрелов не договорили. Заруби себе на носу, выбраковка не расстреливает никого. Все, что ты слышал на подготовительных курсах, — чистой воды правда. Мы вообще не имеем отношения к исполнению приговоров. Наша задача — изъять из общества его врагов, обеспечить доказательную базу для суда — и все. Дальше работают уже судейские и ГУЛАК. А если мы кого-нибудь в процессе задержания убьем — значит, он воспользовался своим правом оказаться сопротивление. Исключений не бывает. Каждый занят своим делом. Милиция — розыском и профилактикой, мы — санацией, прокуроры э-э... прокурорят, а ГУЛАК уже непосредственно истребляет всякую мразь. Путем создания ей невыносимых условий жизни. Между прочим, только строго между нами, пару раз имели место запланированные побеги с каторжных работ.

— Запланированные? А-а... — Валюшок поклонился.

— Кто-то ведь должен был рассказать братве, какой это ужас.

— Слушай, это на самом деле так... Так страшно?

— Просто гибель, — кивнул Гусев. — Я ездил в командировки. Дознавателей сопровождал ко всяким узникам на допросы по вновь раскрытым делам. И кое-что смог увидеть. Они вкалывают как безумные. Там ведь можно пробиться в десятники, в бригадиры, устроиться на придурочную должность и этим немного облегчить свою участь. Читал Солженицына? Ничего похожего. А вот на фашистские концлагеря смахивает весьма. Малейшее неповиновение — тебя хватают под белы рученъки и уводят. Только не в газовую камеру, а на парочку уколов. И возвраща-

ешься ты потом в тот же барак — остальным в назидание. Тихий и смирный возвращаешься. Их бы всех психотропными средствами обрабатывали, только уж очень дорого это.

— Каторга должна быть прибыльной, — согласился Валюшок понимающее.

— Забудь! — усмехнулся Гусев. — В наши дни каторга по определению не может быть прибыльной. В сталинские времена — наверное, но сейчас рабы больше съедают, чем производят. Это ты пропаганды нанюхался. Все нынешние успехи Союза, дорогуша, зиждятся на трех китах. Повальная честность налогоплательщика — раз. Отсутствие теневой экономики — два. И принцип «У нерусских не покупаем» — три. Конечно, не в том смысле, что мы кока-колу больше не пьем, а в том, что у нас турки Кремль не ремонтируют и чурки дачи не строят. А каторжники — это просто было подспорье в самом начале...

Мимо проехал, обгоняя выбраковщиков, давешний «БМВ» и круто спикировал к подъезду дорогого ночного клуба. Валюшок невольно засмотрелся на яркую вывеску. Он здесь не бывал, да и вообще давно уже перестал тянуться к навороченным кабакам. У него имелся свой любимый пивнячок в двух шагах от дома. С бильярдом, дартсом и теплой спокойной обстановкой. Как у любого нормального человека в этом городе. В неоправданно дорогих безвкусных заведениях наподобие того, куда направилась дамочка из «БМВ», тусовались, как правило, не совсем нормальные. Скучные пустые люди, измученные вечным ощущением, что им чего-то недодали в жизни. Валюшок понимал, от чего так бывает. Он и сам когда-то не знал, чем заполнить щемящую пустоту внутри, которая никак не хотела проходить, хоть ты ее пейнтбо-

лом, хоть горными лыжами, хоть книгами хорошими. Бесился, на стенку лез в поисках новых ощущений... А потом все улеглось. Оказалось, нужно просто найти свою любовь и дело по душе. «Просто?.. Черта с два это так просто. Многим до самого конца так и не удается. Интересно — Гусеву удалось?»

Гусев в это время крутил барабанку и разглагольствовал. Валюшок не без труда вернулся к действительности и прислушался.

— ...конечно, наши порядки не очень-то согласуются с Декларацией прав человека, — вещал Гусев. — Но зато в Союзе можно по-человечески жить. Совершенно без страха. Думаешь, почему наш режим так люто ненавидят все правительства мира, кроме совсем уж тоталитарных, а мы с ними по-прежнему выгодно торгуем, науку вместе делаем, экспедицию на Марс готовимся запускать? Да потому что любой, кого хоть раз ограбили на улице, кому хоть раз ни за что ни про что дали по физиономии... В этот момент, сжимая кулаки или утирая слезы, он мечтал переселиться в Союз, где такого не бывает в принципе. Нас давно бы стерли в порошок, даже ценой ядерной войны. Но общественное мнение не позволяет. Сколько ты его телевизором ни потчуй, сколько ни капай на мозги — люди хотят, чтобы Союз был. Хотя бы как недосыпаемая мечта, как символ. Мы фактически реализовали утопию, Леха. Мы почти уже построили безопасное общество. Мы! Мы это сделали, понимаешь?

— Ну, я-то пока ничего не сделал, — потупился Валюшок.

— Уже начал. Да и успеешь еще, — пообещал Гусев. — Я же говорил — очередной подвиг назначен на полночь. Так что жди. Будет тебе чем заняться.

**ГЛАВА
ДВЕНАДЦАТАЯ**

*

Как уже говорилось, князь опирался на поддержку беднейших слоев населения страны. Но, конечно, антифеодальная политика Влада вдохновлялась совсем не любовью к простому люду и не состраданием — это чувство было ему неведомо, а стремлением к укреплению государства и собственной единоличной власти.

На стоянке у памятника Маяковскому Гусев пристроил машину рядом с несколькими такими же неприметными автомобилями, в каждом из которых лениво покуривало по три человека.

— Уж полночь близится, а Мышкина все нет, — сказал он, оглядевшись. — Непорядок. А-а, легок на помине...

От Садового поднимался огромный «дальнобойщик». Машины на стоянке дружно завелись. Фура свернула на Брестскую, и за ней тут же выстроилась целая кавалькада.

В тесном переулке грузовик притерся к обочине. Группа Мышкина кое-как запарковалась вокруг и полезла в трейлер, задняя дверь которого наполовину распахнулась, вывалив наружу короткую лесенку.

— Мобильный штаб, — объяснил Гусев. — Он же летающая крепость. Пошли, чего сидишь?

Внутри трейлер оказался больше всего похож на конференц-зал пополам с сельским клубом: проекционный экран, несколько столиков с компьютерами, ряды простецких деревянных скамеек человек на тридцать. Дополняли обстановку зарешеченные боксы для клиентов в ближнем ко входу торце и пара кондовых несгораемых шкафов. Вот это уж было яв-

но не клубное оборудование. Валюшок заинтересованно вертел головой, Гусев его подталкивал.

Выбраковщики расселись, мягко захлопнулась дверь. В президиуме обнаружилась необъятная туша Мышкина, рядом с которой совсем потерялся мелкий неприметный человечек. При всем желании Валюшок не смог бы описать его внешность — просто некто в галстуке. Да и галстук этот тип повязал скорее всего, чтобы акцентировать на нем внимание и стать от этого окончательным невидимкой.

— Восемнадцать, — прогудел Мышкин. — Все живы, все на месте. Так сказать, более чем достаточно. Внимание, господа. Это, так сказать, наш старый знакомый, коллега, так сказать, из... Короче, неважно откуда.

— С Петровки коллега, — подал реплику кто-то в передних рядах. — Как его... Капитан Петров, вот.

— Майор Сидоров, — представился «коллега». Голос у него оказался слабый и такой же бесцветный, как и он сам. «Хороший, наверное, специалист, — подумал Валюшок. — С такой внешностью — хоть в разведку иди, сам бог велел. И не дурак. Готов поспорить, на самом деле он полковник Иванов».

— Тамбовский волк ему коллега, — неожиданно в полный голос сказал Гусев. Все головы в «конференц-зале» тут же повернулись в его сторону. Мышкин предупредительно заворчал. — Расскажи, майор, как ты у меня Шацкого отнял. Этому подонку самое место было на урановых рудниках. А он вместо того, чтобы кровавыми слезами плакать и руки-ноги веревочками подвязывать, третий год тебе стучит. А на АСБ плюет при каждом удобном случае. И денег у гада не мерено. Сколько ты ему платишь, майор?

— У вас еще что-нибудь по этому вопросу, товарищ Гусев? — учтиво спросил майор.

— У меня по этому вопросу имеется для Шацкого

именной патрон. Так на нем и написано: «Убийце-садисту Шацкому с приветом от Центрального».

— Никого он не убивал, — начал потихоньку заводиться майор. — А вот сколько мы всякой дряни изобличили с его помощью...

— Дай мне Шацкого, я его в пять минут изобличу. Он у меня сначала чистосердчное напишет, а потом еще и добровольно удавится, — пообещал Гусев.

— У тебя, Гусев, чистосердчное написал бы даже, так сказать, Дзержинский, — сообщил Мышкин.

— Жалко, не дожил, — вздохнул Гусев.

Группа Мышина одобрительно захихикала.

— Короче, Пэ, заткнись, пожалуйста, — попросил Мышкин.

— Виноват, командир. Разрешите вопрос к товарищу майору?

— Не дождешься! — почти выкрикнул майор, отвечая на еще не заданный вопрос. Голос майора наконец-то приобрел окраску — ехидную и мстительную.

— Да хрен с ним, с Шацким, все равно на пулю нарвется рано или поздно, — сменил тему Гусев. — Меня куда больше интересует, как продвигается дело Бобика.

Майор демонстративно посмотрел на часы.

— А действительно! — оживились на первых рядах. — Куда Бобика заныкал, начальник?

— Он где-то в Америке залег, — нехотя ответил майор. — Ищем. Вместе с ФБР ищем.

— Точнее, ФБР ищет, а вы к ним в гости катаетесь, — заметил кто-то. — Виски со льдом, клубника со сливками, зеленые бумажки с портретами...

Майора основательно перекосило. Теперь Валюшок смог бы его описать — «крепко обиженный человек в галстуке».

— Сами же упустили, — пробормотал майор. — А мы за вас отдувайся.

Группа в один голос угрожающе зашипела. Валюшок присмотрелся — здесь не было его ровесников, в основном люди глубоко за тридцать, а то и за сорок. Ветераны Агентства. И чем-то пресловутый Бобик их всех здорово взял за живое.

— Хватит! — Мышкин хлопнул ладонью по столу. — Короче! Время. Отвели душу, и будет с вас. Так сказать, хлебом не корми — дай обидеть человека. А он, между прочим, нам халтурку подбросил. Короче, майор, рисуйте задачу.

— Опять за ментов говно разгребать, — буркнул плечистый дядька, сидевший от Валюшка слева. Валюшок его узнал — это был Калинин, один из мышkinских ведущих. Он еще зевал на планерке в отделении, чем навлек на себя гнев начальства. А может, и не зевал вовсе, просто не успел гадость сказать.

Майор вместо того, чтобы обидеться, вдруг улыбнулся. Мол, именно это и разгребать. Каждому свое. Кому-то тонкая работа, а некоторым, которые полагают себя круче всех, — лопату в руки и вперед. Для этого, собственно, и организовывали АСБ.

— Итак, вот что у нашего ведомства есть для вас, — сказал майор. — Семь лет назад суд присяжных оправдал пятерых. Это была устойчивая преступная группа, за ними числится как минимум одно убийство, множество фактов вымогательства, разбои, грабежи. Мы их ломали как могли, а на суде все равно дело рассыпалось. Лидеру дали пятнадцать лет строгого, а остальных — за недоказанностью. Разумеется, после «Указа сто два» они легли на дно. Мы их долго искали — и вот, нашли. Снова лазают по городу. Похоже, ищут, чем бы поживиться. Сейчас эта компания вышла из «качалки» и отмокает в сауне, отсюда пара кварталов. Пробудет там... Минимум еще часа два. Вряд ли они вооружены, но может быть всякое. И у охраны, понятное дело, какая-нибудь пукалка да най-

дется. «Качалка» в прошлом бандитская, да и сейчас там народ собирается довольно поганый. В общем, можно не церемониться. Гребите всех. И побольше шухера. Чтобы те, кого потом отпустят, надолго запомнили и другим рассказали. А основные лица мы вам сейчас покажем...

Мышкин утвердительно кивнул и повернулся к видеопроектору.

— Вот так всегда, — заявил Калинин. — Как из уголовника признание выбить, так вы и лапки кверху. А честных людей запугивать...

— Закон суров, но это закон, — развел руками майор. — Всего лишь буквы. И мы этим буквам обязаны следовать. Не то что некоторые.

— Интересно, что ты будешь делать, майор, когда нас всех поубивают? — спросил Гусев. — Кому ты будешь это говорить — побольше шума, ребята, побольше страха на гадов нагоните... Омоновцам своим, которые под тем же законом ходят? И так же, как ты, зубами скрипят, когда адвокаты убийц отмазывают? Чего стоит твой закон без АСБ, а, майор?

— Если честно, Павел, я с самого начала был против «Указа сто два», — сказал майор. — Я и сейчас против. Двухступенчатого правосудия не может быть в принципе. Где это видано...

— А где видано, чтобы ты ночью прошел сквозь огромный город и навстречу тебе попадались сплошь улыбающиеся лица? — парировал Гусев. — Где видано, чтобы на каждой скамеечке влюбленные сидели, и ни одна сволочь, ни одна... — Он задохнулся и умолк.

— И чтобы простой работяга за год мог на машину накопить, — ввернул Калинин. — А бутылка трешник стоила?

— Кто о чем, а вшивый о бане, — откомментировали с передних рядов. — А действительно, майор, где еще так живут?

— В Европе, — скромно ответил майор.

— Хватил! — фыркнул Калинин. — И вообще, начальник, если ты такой принципиальный, какого черта к нам таскаешься?

— Ну, вообще-то я не сам пришел. У меня приказ взаимодействовать.

— Хорошо, а что руководство твое думает?

— Да не нужны вы уговоры! — взорвался майор. — На фиг не нужны! И без вас справимся. Ясно?! Мы просто ловим момент. Пока вы есть — пользуемся.

— Паранойя какая-то, — помотал головой Калинин. — Верно, Пэ?

— Угу, — согласился Гусев. — У тебя раздвоение личности, майор. Ты просто готовый клиент для одного нашего интересного департамента. Где двери без ручек и всем постоянно спать хочется.

— Короче, вы фотки будете смотреть? — поинтересовался Мышкин. — Пятнадцать минут до выхода. Большая «труповозка» уже на месте должна быть. И закрывайте, так сказать, дискуссию.

— Уже закрыли, — сказал Калинин. — Только вот... Ты это, майор. Ты правильно сказал — пока мы есть, надо ловить момент. Потому что скоро нас не станет. Ты-то, понятное дело, особенно переживать не будешь. Но вот народ... Люди нас еще вспомнят. Потому что вы эту дурацкую страну... Нет, не удержите. Попомни мое слово, не удержите вы ее. Здесь еще браковать и браковать. Каждого сотового выводить из строя и на Колыму. Вот так.

Майор что-то хотел сказать, но передумал и отвернулся.

— Короче, гасим свет, — подвел черту Мышкин. — Давайте, парни, запоминайте вражки рыла. Чтоб их всех...

Тренажерный зал и сауна занимали длинный полуподвал жилого дома. В прежние времена Мышкин обкладывал такие заведения со всех сторон и устраивал спектакль с громогласным ультиматумом через мегафон и прочими театральными выкрутасами. Чаще всего осажденные прятали кто куда оружие и другие компрометирующие предметы и понуро лезли в руки выбраковщиков, уповая на то, что пронесет нелегкая. Местное население торчало из окон и ловило кайф от того, как его берегут и защищают. Иногда выбраковку даже подбадривали радостными воплями — особенно сцены усмирения бандитов доставляли удовольствие пенсионерам из числа самых малограмотных.

Случались, конечно, эксцессы, когда захваченные врасплох подозреваемые оценивали свои шансы на жизнь объективно и упирались рогом. В таких случаях Мышкин произносил свое знаменитое: «Короче, если гад не сдается, его уничтожают», жителей просили убраться от окошек подальше, и начиналась пальба. Увы, даже самый лояльный гражданин отчего-то терпеть не может трупы и кровищу, пусть это все и бандитское. По телевизору он с великим удовольствием смотрит, как негодяев разделяют под орех, а от грубой реальности воротит нос. АСБ такие нюансы поначалу не учитывало. Но с определенного момента, когда оказалось, что рейтинг Агентства из-за явно видимой его кровожадности падает, упор был сделан на кошачью тактику скрадывания. Засады, скрытое проникновение, никаких битых стекол и поменьше насилия, которое мог бы заметить посторонний глаз. На бумаге все получалось отлично. По жизни — не очень. Тем не менее весь последний год выбраковщики работали, скованные рамками строжайшего приказа — минимум беспокойства для част-

ных лиц. Особенно вочные часы, когда налогоплательщик обязан реализовывать свое конституционное право на отдых.

Поэтому Мышкин вместо того, чтобы блокировать входы-выходы и предложить клиентам сдаваться по-хорошему, выбрал другой путь, куда более опасный для своих подчиненных, но зато относительно бесшумный.

Когда на экране появилась схема полуподвала, расстановку сил командир группы обозначил буквально двумя словами. Но непосредственно на объекте Валюшок поразился тому, насколько четко действовали его люди. Группа заняла позиции в считанные мгновения. И сам того не ожидая, Валюшок оказался в двух шагах от парадного входа в закрытый спортклуб, который сейчас ему предстояло штурмовать.

Тут же, за углом, ждала своего часа и большая «труповозка» — фургон с надписью «Хлеб» на борту. Только что из нее кого-то вывели, но Валюшок так и не рассмотрел, кого именно.

Рядом с Мышкиным встали четверо из шести его ведущих — остальные развели группу куда-то вдоль дома и на черный ход. Неподалеку околачивался майор. И еще здесь был Гусев. Который обернулся и бросил Валюшку:

— Останешься на входе, перестреляешь там всех, кого прикажут. Если что, позову.

Валюшок, надеявшийся на большее, разочарованно вздохнул и достал игольник. Да так и застыл со своей пневматической игрушкой в руке. Потому что Мышкин, Гусев и ведущие тоже достали оружие. Но какое!

У Мышкина оказалась «беретта», очень похожая на гусевскую, только раза в полтора больше. Такое Валюшок раньше видел только в кино — это был уже не пистолет, а целый пистолет-пулемет с удлиненной

обоймой и откидной рукояткой под стволом. А остальные... Здесь был «глок», здесь был армейский «колт», хотя тоже какой-то странный, явно доработанный, мелькнул роскошный «зиг-заузэр», и еще одна неприличных размеров пушка, в которой Валюшок заподозрил «магнум», хотя и не очень уверенно.

Затвор никто не передергивал. Значит, патроны уже в стволах.

«Господи, да что же они такое замышляют?» — поразился Валюшок.

— Начали! — выдохнул Мышкин.

Быстрым шагом выбраковщики обогнули угол и оказались у двери спортклуба. Перед самой дверью переминался с ноги на ногу какой-то субъект, а неподалеку прижимались к стене двое с игольниками. «Так вот кого привезла «труповозка», — догадался Валюшок. — Член клуба. Как я раньше не догадался, нам ведь нужно без шума войти...»

Тяжелая бронированная дверь начала открываться. Стоявший перед ней мужчина шагнул назад, и тут же на его месте оказался Мышкин.

Последующие несколько секунд в памяти Валюшка отпечатались как всеобщая непонятная возня — приглушенное сопение, команды вполголоса и задущенная ругань. Дважды тихо хрустнул игольник. Под ногами слабо шевелилось живое и постанывающее. Ничего героического, даже как-то скучновато.

Выбраковка, подмяв под себя охрану, пробилась сквозь тесный коридор и оказалась в небольшом помещении с барной стойкой и кучей дверей. Взвизгнула какая-то размалеванная девица, сильно поддатый широкоплечий парень вытаращил глаза. Бармен, видимо битый жизнью человек, моментально поднял руки.

— АСБ! — прогудел Мышкин. — Имеете право оказать сопротивление!

Валюшок оглянулся — позади валялись на полу двое в форме секьюрити и курил майор.

Ведущие пинками распахивали двери и исчезали за ними. Барахтанье, удивленные возгласы, и отовсюду — «Сидеть! АСБ!», «Стоять! АСБ!», «Тихо! АСБ!». И после этого действительно — тихо.

Негромкий свист. Валюшка сильно толкнули в плечо. Он обернулся — Гусев пихал его в ту сторону, откуда свистели. Валюшок нырнул за дверь. Это оказалась раздевалка, и один из ведущих держал на прицеле троих полураздетых молодых людей.

— Дай им одеться, — распорядился ведущий. — Не голых же тащить.

— Да, — кивнул Валюшок, поднимая ствол. Ведущий тут же потерял к своим жертвам интерес, приоткрыл дверь в тренажерный зал, на пару секунд за нее сунулся, потом вернулся и прошел в глубину раздевалки, где виднелась еще одна дверь, в душевую, откуда доносился плеск воды.

«Там, за душевой — сауна», — вспомнил Валюшок.

— Одеваться, быстро, — приказал он. Молодые люди, бросая на него затравленные взгляды, подчинились.

В холле разговаривали на повышенных тонах. Потом снова завизжала девица, но как-то сдавленно. Опять несколько раз выстрелили из игольника. И сразу за спиной раздались шаги. Мимо Валюшка прошел Мышкин, за ним — остальной его авангард.

— Сделай что положено и сразу назад, к выходу, — напомнил Валюшку Гусев.

Подопечные Валюшка трясущимися руками натягивали на себя одежду. Вода в душевой зашумела сильнее. Выбраковщики скрылись за дверью. Валюшок с грустью рассматривал парней, которых ему сейчас придется обездвижить. «Неужели это необходимо? —

думал он. — Ребята как ребята. Выглядят нормально. Испуганы, даже очень. Может, я их так выведу, без стрельбы? Ведь никакого смысла. Все равно наверху экипаж «труповозки» их встретит. Нет, не буду я стрелять. Глупо. Зачем? Это небось Гусев надо мной какой-нибудь эксперимент ставит в воспитательных целях. А вот фиг ему. В конце концов, имею я право...»

Додумать, на что он имеет право, Валюшок не успел. В сауне начали с жутким грохотом стрелять очередями. Машинально все в раздевалке вздрогнули и повернули головы к двери, в том числе и Валюшок. И тут же трое задержанных на него бросились.

Что бы ни думал себе Гусев, настоящим адреналиновым наркоманом Валюшок не был. То есть он любил раньше пощекотать себе нервы, но в пределах разумной достаточности. Поэтому и кандидата в мастера спорта заработал не скалолазанием или там экстремальным парашютизмом, а вполне безобидной игрой в войнушку под названием «пейнтбол». Что его на этот раз и спасло. Пошатываясь, он сделал шаг назад, не в силах оторвать глаз от распостертых на полу тел, срубленных одной длинной очередью. «Если бы этот попал мне ногой в голову... Я отклонился буквально на сантиметр. О боже! Если бы он попал мне в голову...»

«Он бы проломил тебе висок, мудила!» — услужливо подсказал внутренний голос.

Нетвердо ступая, Валюшок выбрался в холл. На полу без движения валялись давешние парень и девица. Бармен куда-то исчез. Майор сидел на высоком табурете и что-то потягивал из квадратного стакана с тяжелым дном. Рядом на стойке красовалась бутылка виски.

— Что, салага, тяжело пришлось? — спросил майор. — Сам виноват. Это публика такая...

— Какая? — пробормотал Валюшок, присаживаясь рядом и непослушными руками запихивая игольник в кобуру.

— Шакалистая, — объяснил майор. — Сразу чует слабину.

Валюшок помотал головой, отгоняя дурные мысли. Только что его впервые в жизни чуть не убили, и он это слишком отчетливо понимал для того, чтобы как-то реагировать на милицейские подначки.

— А вы давно Гусева знаете? — спросил он. Просто для того, чтобы себя чем-то занять.

— Подонок он, твой Гусев, — небрежно бросил майор.

И снова налил себе выпить.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Te, кто сражался под командованием Влада, чувствовали себя причастными к княжеской славе и хранили неизменную верность своему полководцу.

Битком набитая «труповозка» укатила к себе домой, на «подстанцию» — в следственный изолятор Агентства. Настоящих трупов на этот раз ей везти не пришлось, был только раненый — одному из клиентов отскочившая щепка попала в угол глаза, и он чудом не окривел. Впрочем, клиент сам нарвался, это именно из-за его неосторожного движения Мышкин открыл стрельбу поверх голов и щепок настрогал препядочно.

Валюшок сидел в машине и курил. Ему все еще было не по себе. Подошедший Гусев внимательно на

своего ведомого посмотрел и, вероятно, понял, что за руль его сейчас пускать не стоит.

— И какие же мы выводы сделаем из происшедшего, господин Валюшок? — спросил он, усаживаясь на водительское место и вставляя ключ в замок.

— Какие еще выводы? — огрызнулся Валюшок.

— Не-ет, дорогуша, это я должен спросить — какие?

Валюшок раздавил окурок в пепельнице и тут же потянулся за новой сигаретой. Он никак не мог понять — то ли Гусев им недоволен и собирается читать следующую заумную нотацию, то ли инцидент в раздевалке считается за естественную ошибку новичка и серьезному осуждению не подлежит.

— Я, кажется, понял, зачем нужно огнестрельное, — сказал он, надеясь отойти подальше от живо-трепещущей темы. — Опытный клиент игольника не боится. Верно?

— В принципе угадал, — согласился Гусев, трогаясь с места и пристраивая машину в хвост колонне группы Мышкина. — Увидев игольник, клиент начинает метаться, искать укрытие. А когда заходит компания с большими красивыми пистолетами, тут сразу все в оцепенение впадают. Ты бы видел, какая там немая сцена образовалась, когда Мышкин очередь выпустил! Один деятель чуть в бассейне не утонул.

— Тех самых пятерых взяли?

— Угу. На редкость сплоченный коллектив попался. У них даже на всех одна девица была. Но про эту-то братию можно теперь забыть, их, считай, нет больше. А вот те субчики, на которых ты напоролся, — весьма интересный случай. Прямо руки чешутся узнать, кто такие.

Валюшок провел ладонью по виску. Голова болела, причем именно с той стороны, куда чуть не попал вражий башмак.

— Я для себя выводы сделал, — сказал он. — Больше не повторится.

— Хотелось бы. Ничего, Леха, все самое интересное еще впереди. Как тебе первый рабочий день? Мало не показалось?

— Это уж точно. Часто так?

— Да что ты! Сегодня была просто весьма урожайная смена. Обычно куда скучнее. Оборванца какого-нибудь нищенствующего сгребешь, ментам передашь — и то праздник. Иногда до того тоскливо, что сам начинаешь на свою задницу приключений искать. Мы ведь действительно очень хорошо почистили Москву.

— А кто такой Бобик? — вспомнил препирательства в мобильном штабе Валюшок.

— Наемный убийца, бывший оперативник ГРУ. При задержании двоих наших застрелил, одного ранил. Его у нас менты выпросили, вот как моего приятеля Шацкого. Хотели на заказчиков выйти. Так этот Бобик прямо по дороге в СИЗО удрал, да еще и в Америку. Одна радость — не вернется.

— Почему не вернется?

— Потому что он для начала всех своих заказчиков нам сдал. Раскололся как миленький. И заказчики эти теперь его ждут не дождутся. Распростерли теплые объятия. Понял? Только смотри не сболтни. Информация закрытая.

— Как раз ничего не понял, — обескураженно пропоротал Валюшок. — А зачем тогда он Петровке нужен был?

— Я же говорю — на заказчиков выйти.

— А... Э-э...

— У АСБ тоже есть свои интересы в этом мире, — усмехнулся Гусев. — И иногда они диаметрально расходятся с интересами МВД. Бобик работал на таких

людей, которых нет смысла трогать. Их выбраковка повлекла бы за собой новый дележ власти. А народу что нужно? Покой и стабильность. Ну, мы ему этот покой и обеспечили. Сделали кое-кому внушение, получили четкие гарантии, что безобразие с заказными убийствами не повторится...

— ...и Бобика в Америку сплавили, — заключил Валюшок.

— Совершенно верно.

— Чего-о?

— Вот именно так, как ты и сказал.

— Ничего не понимаю, — в очередной раз признался Валюшок. — Слушай, Пэ, а ты-то откуда все это знаешь?

— От верблюда, — дружелюбно объяснил Гусев.

— А мне зачем рассказываешь?

— А я вообще трепло. Болтун я известный.

Валюшок обиделся и надолго замолчал. Машина катилась по бульварам. За окном Москва наслаждалась тихой летней ночью, и количество обнявшихся парочек на скамейках предвещало скорый демографический взрыв.

— Господи, до чего же я люблю этот город... — проговорил Гусев. — Иногда, знаешь, такое зло берет — ну почему, ну за что мне в нем не удалось вволю пожить, а?

— То есть? — хмуро буркнул Валюшок.

— Старый я уже, — вздохнул Гусев. — А когда был молодой, здесь и шагу нельзя было ступить, чтобы на какую-нибудь сволочь не наткнуться. Именно тогда, когда так хотелось всем улыбаться, всех любить, просто радоваться жизни... Теперь-то кругом одни улыбки, а мне это уже вроде бы и не надо.

«Еще как надо, — подумал Валюшок. Отвернулся, попробовал отвлечься — за окном действительно бы-

ло красиво, — но перед глазами так и маячил проклятый ботинок. На толстой кожаной подошве с мощным рантом. — Интересно, предыдущих своих ведомых Гусев так же по-дурацки потерял? У него ведь тройка была».

— Слушай, Пэ, — сказал Валюшок осторожно. — Заранее извини, если много на себя беру... Что случилось с твоими ведомыми? Ну, которые были до меня?

Гусев закусил губу.

— Прости. — Валюшок понял, что действительно рановато начал задавать такие вопросы. — Прости.

— Ерунда, — бросил Гусев. — Как сказал бы мой приятель Данила — «Расслабься, бывает...». Знаешь, Лешка, кажется, мне уже не больно это вспоминать. Хотя... Хотя ведь это я их угробил. Сам.

Он замолчал, и Валюшок не решился уточнить, что именно Гусев имеет в виду.

До того, как заняться вплотную отстрелом бездомных животных, группа Данилова решала вполне серьезные и даже в чем-то деликатные вопросы. Как-то само собой повелось, что именно Данилов со товарищи заняли в Центральном примерно то же место, что отдел нравов у милиции. Среди других старших Данила выделялся относительно гибкой психикой и хоть каким-то подобием воспитания. Ему не то чтобы ставили особенные задачи нарочно, скорее поначалу они сами его находили, а потом это уже закрепилось. Как и все нормальные группы, команда Данилова честно ходила на маршрут, но специальные операции ей подсовывали такие, куда не пошлешь, допустим, излишне прямолинейного Мышкина с его пулеметом и страстью к пальбе очередями. Данилов по-тихому ликвидировал подпольные дома свиданий и нелицен-

зированные абортарии, без ненужных издевательств прикрывал штаб-квартиры религиозных сект, аккуратными точечными наскоками выдергивал из богемной среды распоясавшихся наркоманов и даже выбраковывал проштрафившихся милиционеров, умудрившись при этом не нажить в ментовке смертельных врагов.

А то, что он зверски избивал сутенеров и однажды в припадке злобы поставил ведерную клизму шарлатану-целителю, считалось по меркам АСБ в порядке вещей.

Полное и безоговорочное исчезновение с центральных улиц города бомжей и попрошаек всех мастей и возрастов тоже было его заслугой. Конечно, группа Данилова в этой нудной, грязной и неблагодарной работе выполняла роль верхушки айсберга. Конкретное разбирательство с каждым отловленным проводили спецмеждисциплинарный центр АСБ — громадные структуры, призванные устанавливать, окончательно ли клиент потерял человеческий облик, и создавать тем, кто искренне хотел выкарабкаться из помойки, нормальные стартовые условия. Разумеется, если клиент соглашался на детоксикацию, психокоррекцию и как минимум пятилетний испытательный срок с проживанием в глухой провинции под милиционским присмотром. Это для взрослых — детей-то не спрашивали. Впрочем, беспризорники легко шли на помещение в интернат. С тех пор как воровство стало занятием смертельно опасным, а подавать нищим вся страна в едином порыве отказалась, выжить на улице стало непросто.

Но как бы много ни трудились на благо общества специализированные учреждения, ловил-то контингент именно Данилов.

Вот и в тот душный летний вечер он должен был вывести группу на спецоперацию в район северных

городских свалок. В прошлый раз у пьяного бомжа обнаружился самопальный пистолет, и тот сдуру в Данилова выстрелил. Поэтому старший группы попросил дать ему на усиление какую-нибудь тройку, у которой есть огнестрельные стволы. Так, на всякий случай.

Гусев в это время поджидал своих ведомых на станции «Кропотkinsкая». Был у них такой скромный церемониал — беззаботно пройтись по бульвару перед работой.

Наверху Костик сказал, что пойдет купить воды — пить очень хочется. Гусев и Женя закурили. Тут из метро вышла женщина средних лет, остановилась рядом с выбраковщиками и, глядя куда-то промеж них, в сторону огромного белокаменного храма, осенила себя размашистым крестом.

— Смотри. — Гусев толкнул Женя локтем. — На нас уже крестятся.

— Странно, что еще не молятся, — подыграл Женя.

Женщина бросила на выбраковщиков укоризненный взгляд. Гусев, собственно, для этого ее и поддел — хотелось заглянуть человеку в глаза. С одной стороны, он весьма уважительно относился к религии как некой философской системе. Но в то же время недолюбливал религиозных людей. Было в них что-то такое, чего Гусев не понимал. Добровольное подчинение загадочной высшей силе казалось ему выбором как минимум странным. У него не укладывалось в голове, почему нельзя соблюдать десять заповедей просто из элементарной порядочности. Без непременного погружения в мир церковных психотехник, когда на тебя постоянно исподволь давят — если не православными мантрами, так самой внутренней архитектурой храмов. Да еще и поесть вволю не дают.

— Как не стыдно, молодые люди, — сказала жен-

щина строго, но без агрессии. — Сами не веруете, тогда хоть не кощунствуйте.

Глаза у нее оказались именно такие, как Гусев и предполагал, — с легкой отрешенностью, почти незаметной, если не знать, что искать. Глаза человека, с которым Бог, и теперь ему море по колено.

В отличие от самого Гусева — беззащитного перед мирозданием, вечно сомневающегося, но зато свободного.

Женщина отошла было, но вдруг повернула назад.

— Скажите, — мягко спросила она, заглядывая Гусеву в лицо, будто тоже проводя свой эксперимент, пытаясь разгадать душу безбожника. — Неужели вам не страшно?

— Мне-то чего бояться? — удивился Гусев. — У меня перед ним, — он ткнул пальцем в небо, — никаких обязательств нет. Мы ни о чем не договаривались. Это вам, я так думаю, положено бояться, вы же ему душу продали...

Женщина вздохнула, покачала головой и ушла, мелко крестясь и что-то бормоча себе под нос. Наверное, прося у божества снисхождения к идиоту Гусеву.

— А еще кто-то заявлял, что мы — Воинство Христово... — сказал Женька.

— Догони и предъяви значок, — предложил Гусев. — Спорим, она тебе в рожу плюнет. Хотя да, нам ведь какой-то мракобес грехи отпустил. Только объявили «Указ сто два», как он сразу и выступил. Отпускаю, мол, выбраковке ее предстоящие грехи оптом и в розницу. Видел я его по телевизору — препротивнейший мужик. И глупый. Надеялся, что мы первым делом всех евреев забракуем, а во вторую очередь за сектантов примемся!

— Ну, по сектантам мы ведь хорошо прошлились...

— Да, было дело. Какие-то там неправильные церк-

ви Данила на самом деле разогнал. Страшненькие попадались, тоталитарные. Но он ведь потом двоих наших попов уконтрапутил. Одного за наркоту, другого за малолеток. Ну где этот Костик, чтоб его... Кстати, Женя, могу поделиться опытом. Если не хочешь нажить лишних врагов, никогда с малознакомыми людьми не говори о религии, политике и футболе. Константин! Сколько можно ждать?!

Подоспевший Костик на ходу жадно отхлебывал из бутылки. Гусев пригляделся и отметил: ведомый совершенно не в форме. Перебрал, наверное, вчера. Тройка снялась с места и пошла на работу. Не подозревая, что Бог на Гусева сильно обиделся и в самом ближайшем времени кинет ему подлянку. Не поразит молнией, не разверзнет под ногами асфальт, а просто слегка замутит разум. И сверхсторожный Гусев со всей своей хваленой тревожностью не заметит очевидного.

И случится большая неприятность.

Гусев как раз готовился идти на маршрут, когда ему сменили задачу. Он долго упирался — терпеть не мог бомжей, не выносил их запах и особенно мучился, когда приходилось трогать вонючек руками (бомжи любили, застигнутые облавой врасплох, падать и дожидаться, пока волоком не потащат). Да и ведомые его не отличались лояльностью к типам, которые намеренно выводят себя за грань. Особенно Костик — тот вообще уверял, что один только вид такого отщепенца вызывает у него страстное желание стрелять ему промеж глаз (и получать огромное удовольствие). Но тут позвонил сам Данилов, рассказал про дурака с пистолетом, и Гусев все-таки разнарядку подписал.

К гигантской свалке они вышли в сумерках, когда

все ее обитатели собирались вокруг костров. Здесь вла-
чили какое-то совершенно особое существование, не-
понятное постороннему. Со своим кодексом чести и
очень своеобразными взглядами на стоимость челове-
ческой жизни. Пожалуй, даже более жестокими, чем
у выбрakovщиков. Как раз в этот момент над свалкой
разносился пьяный мат и, судя по оживлению, кого-
то били. Лучшего момента для выхода к цели не при-
думаешь.

Разведка обнаружила двух наблюдателей — бес-
форменные мешки грязного тряпья, почти слившие-
ся с высоченными мусорными терриконами. Часо-
вых мгновенно сшибли иглами. Данилов подал знак,
и первая волна загонщиков, спотыкаясь и кроя матом
все на свете не хуже самых отпетых бомжей, рванула
сквозь обломки и помои вперед.

Зажглись мощные фонари, стало очень светло, на
окраине свалки заревели моторы грузовиков-«трупо-
возок». В лучах света металась перепуганная клиентура.

Сразу несколько загонщиков врезались в неболь-
шое поле аккуратно выстроенных пустых бутылок,
еще кто-то прошиб насеквоздь ветхое строение из упа-
ковочных ящиков, потом один из бомжей свалился
задницей в костер, и шум достиг апогея. Гусев что-то
несусветное орал, угрожал игольником потенциаль-
но опасным клиентам и старался не забывать о ведо-
мых. Он привык ощущать их незримое присутствие
немного сзади и по бокам. Если бы Костик или Жень-
ка вдруг исчезли, он сразу бы это почувствовал...

Сегодня его очень беспокоил Костик. Еще при
встрече Гусев отметил, что у парня какой-то непри-
вычно отрешенный вид, слишком плавные движения
и расслабленная улыбка. «Ты что, поддал? — спросил
Гусев, когда они пришли в Центральное. — Может,
тебе не стоит идти на маршрут? Это ерунда, мы спра-

вимся, ты посиди в рабочей, поиграй, кофейку выпей». Костик усмехнулся и дыхнул. Ничем особенным от него не пахло, даже возможным перегаром со вчерашнего. Гусеву стало не по себе. Костик уже месяц вел себя странно. В первую очередь — утратил интерес к выпивке. И начал помаленьку отстраняться от коллег по тройке. Загадочно улыбаясь, отказывался, когда его звали дерябнуть пивка, слишком быстро исчезал из офиса после работы. Несколько раз не отзывался на контрольные звонки в свободное время. «Влюбился, что ли? — предположил Женька. — Хорошо бы». Довольно фальшиво это прозвучало. Женька тоже стал дерганый в последнее время. Он слишком близко к сердцу воспринимал происходящее внутри тройки, которая для него была чуть ли не семьей.

А Гусев подумал о другом. Ему вдруг припомнилось, как они раскопали на квартире у одного из клиентов небольшой склад белого порошка. Костик его нашел, сам. Искал оружие, а обнаружил эту дрянь. И рядом с ним в тот момент по дурацкой случайности (и в нарушение инструкции) никого больше не было... Гусев припомнил характерные симптомы наркотического опьянения. Решил, что они явно не выражены — сейчас, во всяком случае. И дал себе честное слово, что больше с левого ведомого глаз не спустит.

Будь на месте Костика другой человек, Гусев безо всяких телячьих нежностей потребовал бы от него сдать оружие и топать под конвоем на экспертизу. Но они ходили вместе четвертый год. Конечно, Гусева беспокоила возможность того, что его ведомый, не выдержав постоянного напряжения выбраковки, решил обратиться к более мощным психоактивным средствам, нежели водка с пивом. Но как Гусев позже сообразил, на самом-то деле он просто боялся Костика потерять. Утратить это замечательное ощущение то-

го, что за левым плечом находится боевой товарищ — верная, надежная, проверенная частица тебя самого. Лучшее прикрытие от любых опасностей и неприятностей. Да, Гусев терял его в любом случае — вздумай он отправить ведомого на анализы, Костик не стерпел бы обиды. Но если этого не делать, оставался еще шанс. Поговорить по душам, пробиться сквозь невидимую стену, которую парень вокруг себя выстроил. Что-нибудь придумать.

Ни того, ни другого, ни третьего Гусев сделать не успел.

...Бомжей набралось штук сорок-пятьдесят. Их сбили в плотную кучу, обступили со всех сторон и попробовали заткнуть. Клиенты выли и делали неприличные жесты. Данилову принесли «матюгальник», и он попробовал кретинов перекричать, упирая на то, что сейчас всех перестреляет и это будет очень больно. «Труповозки» подтянулись к месту вплотную, из них полез с недовольным видом обслуживающий персонал — низшая каста выбраковки, клиническое дурачье и примыкающие к нему штрафники.

Утихомириться задержанные отказывались на-прочь. Им было что терять — они тут вольготно устроились, соорудили какое-никакое жилье, имели в пригороде участки прикорма. Вероятно, они в этом году размечтались отгулять свое, пока холода не настанут, а там хоть трава не расти. Пусть даже выбраковка. Только до осени было еще далеко, и группа Данилова рухнула на аристократию помойки как гром небесный.

— Заткнитесь, гады! Палить начну — вспомните мою доброту! Маму звать будете! От боли глаза полопаются! — надрывался Данилов, свирепо потрясая зажатым в руке игольником. — Мол-чать!!! Смирна-а!!! Уроды! Враги! Пе-ре-стре-ля-ю-всех-на-мес-те!!!

Словно решив Данилова передразнить, один из

бомжей дернулся всем телом, карикатурно всплеснул руками и опрокинулся назад. Толпа его не пустила, он съехал на землю. На лбу у «шутника» расплывалось красное пятно. И тут же рядом вскинулся еще один, которому пуля угодила в глаз. И третий начал падать на колени через какую-то долю секунды. И четвертый...

Ошарашенный Гусев напрягся и почувствовал — в тройке кого-то не хватает. Пусто слева. Так, а теперь и справа тоже.

За короткое мгновение, пока Гусев разворачивался и поднимал игольник, он уже понял, что сейчас увидит. И действительно — чуть позади на возвышении стоял Костик, в классической стойке для стрельбы с двух рук. Похоже, выбраковщик был абсолютно счастлив. Улыбаясь до самых ушей, он всаживал пулю за пулей в толпу.

Женька, рискуя схлопотать от друга выстрел в упор, уже лез по косогору вверх. Гусев подивился его глупости и нажал на спуск. Нужно было это сделать как можно быстрее, пока не подсуетился кто-нибудь чужой. Потому что ведущий за своих людей отвечает до конца. Короткой очередью по ногам он сбил Костика наземь. И чуть не прослезился от нахлынувшего отчаяния.

«Какой же ты законченный эгоист, Гусев! Потянуть время думал, подержать при себе парня. А вышло — ты его убил. Пусть не сегодня. Пусть не своей рукой. Все равно убил. Прикончил. Угробил. Похоронил. Забраковал. Коз-з-з-зел!!!»

На свалке вдруг оказалось много тише, чем раньше, только дружный топот множества ног приближался со всех сторон. И Женька наверху что-то несуразное выкрикивал, хлопая Костика по щекам, будто не понимая, что случилось.

Гусев вскарабкался наверх. Женька оставил бес-

смысленные попытки оживить парализованное тело и сейчас тянул из кармана аптечку.

— Нет! — приказал Гусев. — Не надо.

— Как?! — Глаза у Женьки были шальные.

— Очнись. Ты что, не понял, в чем дело? Костя под марафетом. Дурак я, нужно было вспомнить, как он рассказывал, что мечтает по бомжам пострелять.

— И ты... И ты с самого начала знал?!

Со всех сторон их обступили насупившиеся выбраковщики из группы Данилова. Только их здесь не хватало.

— Не знал, — коротко ответил Гусев. — Подозревал. Но доказательной базы еще не было, понимаешь? Хватит, Женя. Потом обсудим.

— Потом?! — взвился Женька. — Какое теперь «потом»?! Все, привет, он забракован!

— Может, еще и нет, — вступил кто-то. — У нас вот тоже был случай...

— Да заткнись ты! — смотрел Женька только на Гусева. — Ну, знаешь, Пэ... Ну, ведущий... Не ждал я от тебя!

Гусев провел ладонью по глазам — никто, конечно, не выключал наплечных фонарей, и отовсюду был яркий свет. Особенно зло слепил его Женька. Гусев почувствовал, что тоже потихоньку начинает терять над собой контроль.

— Заканчиваем дискуссию, — приказал он. — Берем его и несем в «труповозку». Ну?!

Женька то ли фыркнул, то ли всхлипнул, но все-таки нагнулся и взял Костика за плечи.

— Извините, господа, — бросил Гусев в пространство. — Не хотели. Так получилось.

— Это ничего, Пэ... — сказал позади Данилов. — Бывает...

Служебное расследование завершилось для Гусева плохо, ему вкатили сразу два внутренних предупреждения, за невнимательность к подчиненным вообще и недосмотр в ходе спецоперации — отдельно. Еще одно — и будь здоров, отправляйся на черновую работу в «группу поддержки». А там единственный прокол — и окончательное падение, грузчиком на «труповозку». Конечно, Гусев мог в любой момент подать рапорт и уйти в отставку, но такой выход был для него смерти подобен. Он хотел оставаться в выбраковке до самого конца — своего или Агентства. Что будет, если АСБ прикроют, Гусев старался не задумываться. «Ничего хорошего точно не будет». Пока что Агентство гарантировало ему безопасность, и это казалось самым важным на свете.

Каждый божий день, каждый час, каждый миг статус выбраковщика защищал Гусева от себя самого. Работа держала его в узде, не позволяя спиться или потерять рассудок. И в первую очередь — не оставляя сил задумываться о том, кто же он такой и зачем вообще живет.

Да, иногда на работе бывало невыносимо тошно. Но внутренний мир Гусева казался ему во сто крат страшнее. Иногда он с легким ужасом вспоминал свою предыдущую жизнь, до «январского путча» и образования АСБ. И каждый раз удивлялся — как не сошел с ума тот Гусев, прежний, молодой идиот, запивавший снотворное водкой, чтобы не видеть тревожных снов.

Его отстранили всего лишь на неделю, но, когда они с Женькой вернулись на маршрут, ведущий понял — тройки Гусева больше нет. Как физически, так и психологически. Женяка нервничал, медлил и постоянно косился на Гусева неуверенным взглядом. Будто пытался что-то рассмотреть в своем ведущем, такое, чего раньше не замечал. Гусев несколько раз

пробовал вызвать Женьку на откровенность, но тот уходил от прямого разговора. Похоже, он перестал ведущему доверять.

И очень выразительно дергался, когда игольник Гусева случайно поворачивался вправо, туда, где по-прежнему нес службу оставшийся ведомый. Так дергался, что Гусев весь холодел. Не от страха — от стыда.

Он уже подумывал о том, чтобы попросить Женьке замену, когда произошла очередная глупость. Рано утром они возвращались на машине с работы. Женька должен был, как обычно, выбросить Гусева на Фрунзенской и ехать дальше к себе. Но буквально в сотне метров от гусевского дома пришлось остановиться — впереди был затор. Только что прошел дождь, и на мокрой дороге случилась цепная авария, сразу четыре машины, что называется, «догнали» одна другую. И почти десяток разъяренных мужиков от души орудовали кулаками — слава богу, забыв про монтировки и прочий инвентарь.

Гусев слегка замешкался, отстегивая ремень безопасности, и теперь оказался чуть сзади, в роли прикрывающего. А Женька с криком «Всем стоять! АСБ!» уже прыгнул в центр драки. Но услышали его далеко не все. Поэтому какой-то умник, решив, наверное, что не хрен тут делать всяким пацифистам-разнимающим, замахнулся, опасно целясь выбраковщику в голову. Женька вроде бы отреагировал, но мимо уже просвистело несколько иголок, и драчун в момент скопытился.

— АСБ! — проревел Гусев, выходя на свое законное место — вперед. — Всем стоять!

— Ты что же это, гад... — прошипел ему в ухо с трудом узнаваемый голос. — Ты же меня чуть не зацепил! Хотел и меня тоже?! Не попал, да?

Гусев оторопело повернулся к ведомому. Тот стоял весь в поту и трясущейся рукой поднимал игольник.

— Ё...нулся? — спросил Гусев ласково, внутренне обмирая.

— Я тебе больше не позволю... — пробормотал Женяка. — Не будет у тебя второго раза... Хватит и Костики!

— Женя, опомнись! — попросил Гусев, машинально отмечая, что обрадованные заминкой водители и пассажиры, стараясь не шуметь, прячутся по машинам в надежде по-тихому смыться. — Женя, этот придурак хотел ударить тебя. Я его снял. У меня не было другого выхода, я выстрелил из-за твоей спины. Это нормально, мы же всегда так делали. Ты все эти годы стреляешь из-за меня — и ничего. Успокойся, Женя, все в порядке...

Он сделал шаг к ведомому, совершенно невольно, искренне желая объясниться, и как оказалось — напрасно. Рука с игольником дернулась. Гусев упредил это движение — они выстрелили почти одновременно. У Гусева две иголки застряли в обшивке комбидресса, а одна впилась в рукав, по случайности не оцарапав кожу. Женяка получил столько же попаданий, но все — в плечо, и рухнул на асфальт.

И ушел из жизни Гусева навсегда.

Позже ему объяснили, что это было закономерно. Его правый ведомый страдал теми же комплексами, что и сам Гусев, но в куда более острой форме, почти болезненной. Он чувствовал себя комфортно только в составе хорошо притертой тройки, причем именно на месте ведомого, прикрывающего. Нелепая, трагическая потеря одного из коллег больно ударила по мироощущению выбраковщика и заставила искать виноватого. И разумеется, виноватым в разрушении тройки оказался Гусев, который к тому же собственоручно подстрелил Костику.

На этот раз наказывать Гусева не стали. Он про-

сто угодил в резерв. С ощущением жуткой вины, дикой растерянности, полной беспомощности. И уверенности, что все в Центральном смотрят на него косо. Ни понять не могут случившегося, ни простить.

Наверное, так оно и было на самом деле. Но теперь его вроде бы простили. Кажется, приняли обратно в семью.

И уж с нынешнего своего ведомого он пылинки будет сдувать.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Страна ужаснулась, но популярность Влада, как это ни парадоксально, росла, уже приобретая характер массового психоза. Такое положение дел — сочетание любви и страха — как нельзя лучше соответствовало его планам.

Троє молодых людей, пытавшихся удрать от Валюшки, молчали на предварительном допросе, как партизаны. С одной стороны, они этой нелепой попыткой бежать выдали себя с головой — честный и психически нормальный человек на сотрудника АСБ не кидается. Агентство вообще крайне редко задерживало невиновных, а уж тем более — задерживало на долго. Один укольчик — и сразу ясно, есть у тебя скелет в шкафу или придется извиняться, да еще и приплачивать за беспокойство. Тем более что с тех пор, как страховые компании стали вносить в свои полисы графу «моральный ущерб от ошибочного задержания», трудовой народ Агентства перестал бояться напрочь — лишь бы спать не мешало. Да и АСБ в свою очередь старалось быть как можно более незамет-

ным. Период громогласной борьбы с теми, «кто мешает нам жить», давно миновал.

Молодчикам вкололи какой-то адской смеси, быстро развязывающей языки. И вскоре эмиссары екатеринбургской братвы, заглянувшие в первопрестольную на разведку, уехали домой, на Урал, только уже не срубать бабки, а рубить породу. Валюшку за халатное отношение к службе, выразившееся в подвергании себя неоправданному риску, хотели было поставить на вид, но для первого раза простили.

Шеф Центрального ходил мрачнее тучи. Во-первых, начинали оправдываться мрачные предположения о том, что в столицу потихоньку стягивается уцелевший криминал. Во-вторых, радужные мечты о скором приходе молодого пополнения развеяло категорическое заявление головного офиса о том, что еще пару-тройку стажеров Центральное получит, но не больше. Поскольку Гусев, не удержавшись, рассказал шефу, сколько народу обучалось на потоке Валюшка, начальник отделения вполне закономерно принялся размышлять, куда же предназначается эта какая прорва выбраковщиков. И судя по всему, пришел к каким-то не особенно утешительным выводам. Отчего сделался злобен и неприветлив.

Сам Гусев решил пока что не пороть горячку и подождать развития событий. Тем более что в воздухе отчетливо запахло осенью, и он, любивший это время года, так и рвался на маршрут. Украшенная холодным золотом листвы Москва была в эти дни особенно прекрасна, и большее удовольствие, чем ходить по ней пешком, трудно было себе представить. Свежий воздух улиц, спокойные лица прохожих, раздающиеся повсюду детские голоса, по которым за лето Гусев тоже соскучился... И непередаваемое ощущение комфорта, душевного и физического, которое

навевал один из самых безопасных и чистых городов планеты.

Пожалуй, ради этого стоило работать в выбраковке.

Следующая неделя выдалась на редкость спокойной, ничего похожего на события первого бурного рабочего дня уполномоченного Алексея Валюшка не происходило. Они с Гусевым шлялись по центру города, неприкаянные и даже поначалу счастливые тем, что вокруг тихо и мирно. Особенно радовался Гусев. Но вскоре Валюшок начал замечать в своем ведущем растущее внутреннее напряжение и вспомнил его фразу о том, что иногда выбраковщик от скуки начинает сам искать неприятностей. Гусеву пора было совершать очередной героический поступок. А пока что они всего-навсего отыскали заблудившегося в собственном дворе младенца, сняли с дерева застрявшего вниз головой кота и помогли симпатичной девушке завести машину. Гусев каждый раз говорил, что вот такие добрые небольшие дела и есть истинное призвание того, кто поклялся «защищать и служить», но глаза у него становились все более и более злые с каждым днем. Особенно он расстроился, когда оказалось, что буквально в двух шагах от его маршрута случился грандиозный пьяный мордобой, но драчунов растащили и оприходовали менты.

— Из-под носа добычу увели! — плевался Гусев.

— Это же не наш профиль, — утешал его Валюшок. — Все равно в ту же самую ментовку их сдавать пришлось бы.

— А побезобразничать? А вопли устрашения, стрельба в воздух, перекошенные лица? Когда еще случай представится...

В такие минуты Валюшок никак не мог понять, шутит Гусев или говорит серьезно. И поэтому он все-

рьез испугался, когда им прямо в руки попался моло-
дой воришка.

Этот тип, взмыленный и растрепанный, вылетел из-за угла наперерез выбраковщикам, лениво бредущим по арбатскому переулку. Валюшок и дернуться не успел, а Гусев уже полностью оценил ситуацию — вплоть до того, что рядом очень удачно стоит урна. Он по-хоккейному парня бортанул, и тот кубарем полетел через голову. Урна, о которую парень споткнулся, обиженно зазвенела.

Валюшок уже достаточно нагулялся с Гусевым по маршруту, чтобы не делать большие глаза и не спрашивать: «Пэ, что это было?» Он покорно вытащил игольник и приготовился страховать ведущего.

Парень с воем катался по асфальту, сжимая обеими руками лодыжку. Выражение лица у него было как у футболиста проигрывающей команды, сбитого в штрафной перед пустыми воротами на финале Кубка мира. На земле лежала дамская сумочка, выпавшая у него из-за пазухи.

«Чутье, — подумал Валюшок, уважительно оглядываясь на довольного Гусева. — Вот это уже называется чутье. Я бы мальчишке вслед посмотрел и долго размышлял — куда он так несется?»

А Гусев улыбался. Он даже оружие не достал.

Из-за того же угла выскочила женщина средних лет, тоже основательно запыхавшаяся.

— АСБ! — бросил ей Гусев. — Ваша сумка? Вижу, что ваша. Посмотрите, все ли на месте.

Женщина, отдуваясь и бормоча слова благодарности, принялась копаться в сумочке. Поверженный воришка пытался было отползти подальше, но Валюшок его чувствительно пнул, и тот затих.

— Документы!

— Не-е-ту...

— Ах, нету... — Валюшок отцепил от пояса сканер отпечатков и взял парня за руку.

— Ой, мальчики, — бормотала женщина, — ну какие же вы молодцы... С плеча у меня сорвал, подлец. И толкнул, вы представляете, так, что я чуть не упала... Ой, мальчики.

— Я старший уполномоченный Центрального отделения АСБ Павел Гусев. Это уполномоченный Валюшок. Вы готовы выдвинуть обвинение против человека, совершившего на вас разбойное нападение с целью грабежа?

Женщина вдруг замялась и посмотрела на воришка с нескрываемым презрением во взгляде.

— Да он такой сопляк еще... — пробормотала она. — Вы же его...

Валюшок закончил снятие отпечатков и, путаясь с непривычки в проводах, наладил систему — подсоединил сканер к ноутбуку, тот, в свою очередь, к трансиверу, вышел на сервер Центрального и полез дальше по сети АСБ.

«Сопляк», оправдывая характеристику, вовсю шмыгал носом.

— Сейчас узнаем, что с ним делать, — сказал Гусев женщине.

Валюшок сосредоточенно давил кнопки.

— Чист, — доложил он наконец. — Семнадцать лет прикурку... Оформлять?

— Погоди. — Гусев обернулся к женщине: — Так все у вас в сумке на месте?

— По-моему, все. Ой, мальчики, пожалейте его, а?..

— Вы отказываетесь предъявлять обвинение?

— Да ну его...

— Как хотите. Между прочим, кошелек проверьте. — Гусев произносил слова очень мягко, ласково,

даже чересчур, и интонации его показались Валюшку немного фальшивыми.

— Точно, все на месте. Ой, спасибо вам...

Гусев заглянул в кошелек.

— Я вижу, тут куча мелочи, — проворковал он. — Вы не одолжите мне немного?

Женщина подняла на него удивленные глаза. Молчание длилось буквально секунду, потом изумление сменил интерес. Как любой потерпевший, которого брали под защиту АСБ, эта женщина сейчас чувствовала себя в полной безопасности. И даже более того. На короткое время она стала частью большой и непреродолимой силы. Одно ее слово — каюк мальчишке.

— Да хоть все берите! — заявила она твердо.

— Мне чуть-чуть. — Гусев запустил руку в кошелек.

Задержанный издал то ли стон, то ли всхлип.

— А теперь до свидания, — сказал Гусев женщине.

— Спасибо. Большое вам спасибо! Вы только не очень его, ладно? Ну, поучите, чтобы запомнил, но не до смерти.

— До свидания, — повторил Гусев.

Задержанный в тихом ужасе лежал на спине и затравленно смотрел на Гусева, который неспешно к нему приблизился.

— Вставай, сынок, — сказал Гусев, глядя на дисплей ноутбука, где отразилась вся короткая биография вора. — Н-да, негусто. И сделать в жизни ничего толком не успел, а вот угробить ее — всегда готов. Ты же одет вроде бы прилично. Зачем тебе воровать?

Парень, спотыкаясь, встал на ноги и опять тихо всхлипнул.

— Я в армию... — пробормотал он. — Призыва жду...

— И тебе в военкомате сказали — грабь, воруй, насилий, армия все спишет? А?!

— Не-е-ет...

— Знаешь, что сейчас будет? — спросил его Гусев. — По идеи мы и без заявления потерпевшей можем тебя оформить. Хватит того, что сами видели. И ты исчезнешь навсегда. Ты ведь серьезное преступление совершил, мальчик.

— Я... Я... Не хотел...

— Чего ты не хотел? Напасть на человека и отнять принадлежащую ему вещь? Интересное кино. А ты знаешь, мальчик, почему за такое положена выбраковка? Потому что ты сознательно вывел себя за грань закона. Обозначил себя как нечеловека. Люди не нападают на людей и не отнимают их собственность. Получается, ты у нас нелюдь. Враг рода человеческого. Враг народа. Разве не так? Я что, не прав?

Воришко заплакал. А сам все косился по сторонам, прикидывая, как бы ловчее смыться. В переулке было пустынно, спрятаться не за кого. А игольник — это знают все — отлично бьет на полсотни метров. Да и на ста метрах он тебя уложит, если игла попадет в незащищенное место — в затылок, например.

— Ты украл, ты хотел денег, — продолжал Гусев. — Отлично. Вот они, деньги. Посмотри... — Он протянул раскрытую ладонь, в которой поблескивала россыпь монет. — Видишь? Я спрашиваю — видишь?!

— Угу-у...

— Я даю тебе шанс, мальчик. Я даю тебе возможность узнать, каковы они, эти деньги, которых ты так хотел. Ты ведь любишь деньги? Ты не можешь без них? Ты готов ради них даже на преступление? Точно? Я угадал? Отвечай!

— Угу-у...

— Тогда попробуй, какие они, — мягко предложил Гусев.

И Валюшок, и задержанный непонимающе уста-

вились на Гусева. А тот шагнул к парню вплотную и крепко взял его за глотку. И руку с серебром сунул ему под нос.

— Ешь, — все так же мягко приказал он. — По-пробуй их на вкус.

«Ты с ума сошел, Пэ!» — хотел было крикнуть Валюшок, но осекся. Сейчас они двое, ведущий и его ведомый, находились в совершенно особых взаимоотношениях, когда поведение старшего не обсуждалось. Наоборот, этого старшего нужно было всячески страховывать, что бы он ни вытворял. Но страшно Валюшку стало. Даже не страшно, а как-то так... Нехорошо.

Это было как в фильме Гринуэя — нереально и будто в другом измерении. Вор даже не попытался что-то сделать, он только давился и хрюпал. А Гусев с руки кормил его деньгами.

— А теперь гуляй, — сказал он по-прежнему безмятежным тоном, поворачиваясь к вору спиной и доставая сигареты. — Спасибо, Леха, прячь ствол. Пойдем-ка мы с тобой, дружище, врежем пивка.

Валюшок смотрел через плечо Гусева, прямо в широко раскрытые глаза воришки. Тот стоял ни жив ни мертв. А Гусев смотрел на Валюшка и улыбался.

— Пойдем, Леха, — повторил он мягко. — Шоу окончено.

Валюшок медленно убрал оружие и бросил взгляд на сканер.

— Это стереть, запрос аннулировать, — махнул рукой Гусев. — Ложная тревога. Просто ложная тревога.

Он крепко обнял Валюшка за плечи, развернул и повел в сторону Арбата.

Позади раздался крик. Валюшок рывком освободился от гусевских объятий. Вор лежал на асфальте, конвульсивно содрогался всем телом и подывал.

— Успокойся, Леша. Он немного съел, двух рублей не наберется. Пока что ничего страшного не происходит. Это просто истерическая реакция.

— А что будет потом? — в ужасе спросил Валюшок.

— Откуда же мне знать, милый, — проворковал Гусев. — Кстати, интересно. Вернемся на базу, обязательно спрошу у доктора. Обязательно. Пойдем, выпьем по кружечке. В такую погоду отлично пойдет «Очаковское специальное». Просто замечательно пойдет.

Вор колотился головой об асфальт. Из окон показались встревоженные лица, кто-то выбежал из арки двора и склонился над бьющимся в судороге телом.

— Видишь, уже все в порядке, — заметил Гусев, увлекая ведомого за собой. Сам он в это время нажимал кнопки на сканере, отменяя запрос.

Действительно, к чему запрос — ведь обвинения вору никто не предъявлял...

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

...трагическая и страшная личность реального Дракулы, князя Влада III, не должна исчезнуть из людской памяти. Ведь его история — один из ярких примеров того, к каким преступлениям против человечности приводит соблюдение дожившего до наших дней принципа «цель оправдывает средства».

Некто по кличке Писец объявился в Москве внезапно, будто из-под земли. Еще задолго до появления выбраковки его неоднократно задерживали менты и каждый раз со скрежетом зубовным отпускали. При том, что на вопрос: «Чем занимаетесь?» — Писец всегда честно отвечал: «Работаю вором в законе». Ко-

гда пришла новая эпоха и появилась реальная возможность за такие заявочки схлопотать пулю в голову не отходя от кассы, Писец растворился в воздухе. Его искали долго и безуспешно, а потом махнули рукой. Справедливо предположив, что негодяй покинул страну в поисках более демократичных государств, где с такими, как он, вовсю церемонятся и в случае поимки на раздавленную фашистской диктатурой родину не отправляют.

И вдруг до скучающего от безделья опера дошли слухи, что Писец со дня на день посетит столицу. Капитан мгновенно встал на дыбы и принялся рыть землю копытом. В итоге милицейский информатор сообщил конкретное место и точное время, когда Писца можно будет забраковать. Опер пожаловал в АСБ лично, и Гусев отметил, что давно уже не видел настолько счастливого и гордого собой человека.

Грех было такого не обломать.

— У тебя двойка, тебе и идти, — сказал Гусеву шеф. — Чтобы не отсвечивать. А с улицы вас подстрахуют.

— Заодно и пообдаем, — хмыкнул Гусев недовольно — брать Писца нужно было в ресторане, где тот назначил деловую встречу. — Что за кликуха такая — Писец... Песец? П...дец?

— Фамилия у него — Пипия, — сказал капитан, неприязненно разглядывая Гусева. Оперу Гусев сразу не понравился — уж слишком мало проявил энтузиазма, узнав, какая ему предоставлена честь.

Гусев повертел в руках фотографию Писца, на вид совершенно русского человека, и бросил ее на стол. Толку от фотографии было чуть, скорее всего Писец кардинально изменил внешность.

— Готов поспорить, что пока этот урод не купил

себе звание вора, то ходил всего-навсего в Пиписках, — сообщил он.

— Откуда подробности? — насторожился капитан.

— Считай, интуиция. Насмотрелся на таких шакалов. Я этих деятелей столько в расход отправил — тебе и не снилось.

— Ладно, Пэ, не заливай, — попросил шеф. — Никого ты в расход не отправлял. Что о нас люди подумают...

— Ну да?! — возмутился Гусев.

— Это формула речи такая, — заверил шеф капитана.

— Вы это... — Опер погрозил Гусеву пальцем. — Вы, товарищ старший уполномоченный, не вздумайте только в людном месте расправу учинить.

— Как же, как же, превыше всего общественный порядок, — кивнул Гусев. — Не извольте беспокоиться, коллега. Голову сложу, но шума и кроввищи — ни-ни.

— Хотелось бы, — сказал капитан с угрозой в голосе.

— Да и откуда шуму взяться? — невинным тоном осведомился Гусев. — Ситуация очень даже тихая и мирная. Сами представьте, заходят в кабак два идиота. Суются к этому Писцу, у которого всего-то навсегда пары телохранителей. И разумеется, больше никаких друзей за столиками вокруг. Никакого контрнаблюдения из разных концов зала, как это обычно делается, чтобы иметь хороший обзор и успеть прощурить идиотам задницы. На фиг такие премудрости господину Писцу? Кого ему бояться? Выбраковки, что ли? Так вот, наши идиоты подходят, достают игольники... Писец радостно улыбается и по собственной инициативе врезает дуба. Охрана покойника рукоплещет. Деловой партнер умершего достает мобильный и звонит в государственное унитарное предприятие

«Конец настал» заказать венки. Все очень просто, коллега. Так оно всегда и бывает.

— Не понял юмора, — прорычал опер. — В конце концов, это ваша работа.

— Ага. Вдвоем против минимум четверых. С игольничком на пистолеты. Я это каждый божий день про-делываю. Спасибо хоть похолодало...

Опер внезапно успокоился.

— Перестаньте нести ахинею, коллега, — попросил он. — Во-первых, их будет трое. Четвертый вам не помеха, это наш человек. Внештатный сотрудник, так сказать. Во-вторых, уголовные авторитеты по определению клиентура АСБ. Наше ведомство дает на колку, ваше разбирается. Мы заманили Писца в конкретное место, рискуя при этом жизнью информатора. Более того, посадили информатора с Писцом за один стол. Он не сможет долго поддерживать беседу. Вы должны максимум через пять минут войти инейтрализовать клиента, пока он не понял, что это западня.

— То есть брать его на входе в ресторан — не успеем, а на выходе — опоздаем, — заключил шеф. — Понял?

— И вообще, «Указ сто два» не я придумал, — ввернулся опер. Ему, похоже, стало немного стыдно, что брать опасного вора идут какие-то чайники, да к тому же связанные обязательством не пугать честных граждан. Вот он и оправдывался теперь.

— Зачем у нас снайперов разогнали? — вздохнул Гусев. — Влепили бы гаду иголку в ухо с ближайшей крыши...

— Пэ, ну какие теперь снайперы? К чему дармоедов содержать?

— Разумеется, когда есть Гусев, на все готовый... Ладно хоть с погодой удачно получилось. Шеф, распорядитесь, чтобы бухгалтерия денег подбросила. Нуж-

но будет два костюма поприличнее, галстуки там, ботинки... И два стильных дорогих плаща. Что уцелеет — сдадим в каптерку. Ага?

Шеф едва Гусеву не ответил, и по выражению лица можно было понять, как именно он сейчас выразится. Но Гусев его очень ловко перебил, обернувшись к тихо млеющему оперу.

— А насчет общественного порядка, — сказал он, — это по обстановке. Извините, но гарантий никаких. Мы постараемся успеть первыми, честно, постараемся. Но вы же сами понимаете, какой нюх на опасность у бандита, который столько лет в бегах. Мы даже «труповозку» возле кабака поставить не сможем. И нам самим ждать нужно будет не рядышком в машине, а на другой стороне улицы в подъезде. Что тоже не лучшая позиция. Хорошо, если учреждение какое-нибудь найдем, а вдруг только жилые дома? Бабушки-пенсионерки очень бдительные, вызовут по-тихоньку милицию, та приедет нас брать, тут Писец идет, старательно оглядываясь...

— Ничего лучше предложить не можем. Он появился буквально из ниоткуда. Вызвонил нашего человека, захотел встретиться, о цели встречи даже не намекнул.

— Может, он кончать его приехал, вашего стукача, — заметил Гусев.

— Ну ведь не в ресторане же...

— Яду сыпанет, и все дела.

— Не драматизируйте. И вообще, что еще делать?

Нужно брать его, раз шанс предоставился. Брать положено не нам, а вам. Ну и берите. Честное слово, я не понимаю. — Опер посмотрел на шефа, который с глубокомысленным видом уставился в потолок. — Я свои функции выполнил. АСБ собирается в прин-

ципе выполнять свои? У вас что, других оперативников нет? Менее э-э...

— Благоразумных, — подсказал Гусев. — Повашему, у нас одни психопаты работают? Которых хлебом не корми, дай под смертью погулять?

— Закройся, Пэ, — приказал шеф, возвращаясь из своего далека. — А вы не беспокойтесь, капитан. Мы у вас клиента приняли. Клиент будет подвергнут соответствующей мере социальной защиты. Бумаги я все подписал. Гусев, у тебя еще вопросы есть к капитану? Только не риторические.

— Да все ясно, — заверил Гусев. — Завтра сходим на место, присмотримся. Нажремся там как следует, чтобы хорошее впечатление произвести на обслугу. А послезавтра...

— До свидания, капитан, — вздохнул шеф. — Видите, у него вопросов больше нет.

Капитан холодно распроштался, забрал документы и вышел.

— Что же ты вытворяешь, Пэ! — накинулся на Гусева шеф. — Ну за каким чертом спектакль?!

— А пусть думают, что у нас бардак, — твердо ответил Гусев.

— Так это и есть форменный бардак!!! — заорал шеф.

— Вот пусть они так и думают. А мы последим за дальнейшей реакцией.

— Исчезни! — рявкнул шеф. — С глаз долой! Актеришка! Плащ ему подороже, видите ли! А четыре доски не хочешь?

— Ну, этот-то прикид от меня никуда не денется. Кстати, я надену именно плащ. Человек, который ходит по дорогим ресторанам в кожанке, сразу вызывает подозрение — вдруг оружие за пазухой?

— Тебе виднее, — отмахнулся шеф. — Но совать-

ся на место раньше времени не смей. Я уже вызвал ребят из Южного, их тут в лицо не знают, они проведут разведку по всем правилам.

— Сто лет не был в ресторане, — пожаловался Гусев. — А нельзя будет уже после выбраковки там немножко посидеть?..

В ответ шеф замахнулся на него пепельницей.

Напротив ресторана очень удачно разместилось отделение налоговой инспекции. Там хватило места засесть с полным комфортом не только двойке Гусева, но и доброй половине «группы поддержки». Нижние чины вели наблюдение, а Гусев, старший группы и примкнувший к ним Валюшок принялись всячески отравлять жизнь налоговикам. Они расхаживали по офису, открывая двери ногами, приставали к местным девицам и задавали начальникам дурацкие вопросы типа: «А если я в нерабочее время кого-нибудь убью, мне это нужно вносить в декларацию или нет?»

Инспектора зверели, но не подавали виду. Многие из них хорошо помнили те времена, когда для визитов к злостным неплательщикам приходилось заказывать в сопровождающие парочки выбраковщиков. Это называлось «на усиление». Так что они знали, какова выбраковка в деле, и предпочитали не нарываться. Хотят ребята нас поддеть — а мы плевали на их подначки. К тому, что их никто не любит, кроме близких родственников, налоговики уже давно привыкли.

За полчаса до назначенного Писцом времени Гусев утихомирился, взял бинокль и прилип к оконным жалюзи.

И почти сразу подскочил на месте.

— Мать твою! — воскликнул он. — Да это же...
Ух ты!

— Приятеля увидел? — спросил лениво старший группы.

Гусев обернулся к нему и сверкнул глазами:

— Еще какого! Ты про Шацкого слышал?

— М-м...

— Ну, этот... Деятель шоу-бизнеса. Продюсер. Который всю их поганую эстрадную тусовку на иглу пересажал. А три года назад сам переборщил с наркотой и столовым ножом жену выпотрошил.

— А, тот волосатый? Помню. Редкостный урод. Так его же... Погоди, разве он сам?!

— Вот именно. Собственоручно. Тупым столовым ножом. Беременную.

— Ни фига себе!

— Вот именно. Эх... Взять-то я Шацкого взял. Жалко, что не убил на месте. Потому что его менты себе забрали. И выпустили. Сказали — может быть нежелательный резонанс. Мол, артистам Союза положено нюхать исключительно цветочки и ширяться только витаминами.

— Соболезную, — вздохнул старший. — Три года назад? Слушай, а я ведь помню. Нас тогда гоняли в «Олимпийский» какие-то офисы шмонать. Мы человек двадцать всякой мелкой сошки там переловили. Выходит, это Шацкий их сдал?

— Безусловно.

— Думаешь, к нему Писец идет?

— А к кому еще? Я в такие совпадения не верю, — твердо сказал Гусев. — За Писцом что у нас числится, помимо ракета и прочей гадости? Оптовый драгдлинг. А что такое Москва? Рынок сбыта, который замер в ожидании. Кто был господин Шацкий? Покупатель с большими деньгами. К тому же неплохо знающий конъюнктуру!

Старший откинулся на спинку кресла и уютно сложил руки за головой.

— Логично, — признал он. — Но будь я на месте Писца, я бы с Шацким не связывался. Допустим, Писец не в курсе, что Шацкого спалили. Ментовка умеет такие дела проворачивать по-тихому. Но он ведь сам наркоман! Опасно.

— После трагической гибели жены Шацкий заявил, — сказал Гусев, снова берясь за бинокль. — Убитый горем муж, любимая супруга которого была зарезана пьяным хулиганом в подъезде... Нашему отделу внешних связей памятник надо ставить. Опять-таки — менты постарались. Знаешь, я ведь был на месте происшествия.

— Представляю себе. Мерзость какая...

— Он ее на самом деле выпотрошил. Это я не для красного словца, — сказал Гусев деревяенным голосом. — Ты не подумай, что у меня к Шацкому какой-то личный счет. Просто такое прощать нельзя. Я уж молчу, сколько талантливых ребят из-за его поганой наркоты коньки отбросили или сыграли в лагерь. Понятное дело, если человеку позарез нужен героин, он его везде найдет. Но ведь хороший продюсер музыкантам вроде отца... А Шацкий как раз хороший продюсер.

Старший тяжело вздохнул и сел прямо.

— Что ты предлагаешь? — спросил он.

— Есть у меня подозрение, что Писец Шацкого убьет.

Некоторое время старший молчал. Члены его группы притихли настолько, что не было слышно дыхания. Валюшок, присевший в углу в ожидании приказаний, тоже непроизвольно замер.

— Как именно убьет? — поинтересовался старший деловито и сухо.

— Вижу три варианта. Либо мы опоздаем, либо

обнаружим себя на подходе. Или устроим какую-нибудь импровизацию, не знаю пока какую.

Валюшок судорожно глотнул. В него еще ни разу не попадали настоящей пулей, и он как-то не был особенно уверен в надежности своего комбидрессса. Хотя Гусев уверял, что девятимиллиметровую пулю броня выбраковщика держит неплохо — только очень больно и остается жуткий синяк.

Буквально за пару секунд весь многомудрый психологический тренаж, которым Валюшка задолбали на подготовительных курсах, полетел к чертовой матери.

— Тебе идти, тебе и решать, — заметил старший. — Только есть ли у Писца оружие?

— Писец вне закона. Для него любой контакт с ментами или АСБ — верная смерть. Он просто обязан иметь оружие. Это его единственный шанс отбиться и уйти.

— А ведь ты маньяк, Гусев, — заметил старший ласково.

— Почему тебя это удивляет? — спросил Гусев, по-прежнему глядя в окно.

— Х-мм... Твое дело. Меня другое удивляет. Ты не учитываешь, что в ресторане может оказаться наблюдатель от ментов — раз. И что там минимум треть столиков уже занята — два.

— Ну, тебя-то менты волновать не должны...

— Меня — нет. Мое дело — прикрытие.

— ...а честных граждан не заденет, я гарантирую.

— Телом будешь закрывать? — предположил старший донельзя язвительно.

— Конечно, — согласился Гусев на полном серьезе, отчего у Валюшка нехорошо защемило под ложечкой.

— Как знаешь, Пэ. — Старший поднял руки, давая понять, что сдался. — Одно могу обещать: я — могила. Парни — тоже. Верно, парни?

«Парни» хором промычали что-то утвердительное.

— Дело святое, — высказался сурowego вида уполномоченный, матерый дядька лет пятидесяти. — Мочить надо гадов. Давно пора. Ведь лезут же, снова лезут изо всех дыр, как тараканы! Сколько мы их в расход пустили, а они снова лезут...

— Слабину нашу почуяли, — бросил старший, и Валюшку показалось, что он эти слова уже не раз слышал. Конечно, слышал. В Центральном.

— Есть! — выдохнул один из наблюдателей. — Вижу! Скорее всего — он!

По комнате прошла волна общего движения. Старший бормотал в микрофон, отдавая распоряжения второй половине группы, которая блокировала тылы ресторана. Несколько выбраковщиков быстро вскочили за дверь. Валюшок в который раз проверил свой игольник.

Еще никогда в жизни ему не было так страшно.

Клиент подъехал к ресторану на потрепанной «десятке». Его сопровождала пара быкообразных типов, от вида которых Гусеву сразу полегчало. Больше всего он боялся увидеть в свите Писца телохранителей новой формации — симпатичных людей с дорогими прическами и без лишней мускулатуры, подмечавших любой намек на опасность, а в бою — резких и стремительных. Эта же парочка двигалась как коровы на льду и не сумела даже толком осмотреться.

Впрочем, сам Писец тоже оказался тот ещеувалень. Он словно на машине времени прибыл из страшных девяностых, когда Москву заполонили бритоголовые ублюдки. Рядом с ним современная охрана не выполняла бы очень важной своей функции — внешне походить на охраняемого.

И против ожидания, пластической операции Пицец так и не сделал. Только отрастил бороду, выкрасил ее заодно с волосами в светло-русый цвет да еще очки нацепил. Это точно был он, никаких сомнений.

Троица вошла в ресторан. Гусев вопросительно оглянулся на старшего.

— Все чисто, — сказал тот. — Контрнаблюдения не отмечено. Мои бойцы встанут на места, как только ты начнешь. Один нюанс. Клиента все-таки пасут менты. На солидном удалении. В ресторан не полезут.

— А ведь уверяли, что понятия не имеют, откуда он едет... — протянул Гусев. — А если не менты? Проверь.

— На их машине номера ментовские.

— Тогда плевать. Леха, готов?

— Угу, — выдавил из себя Валюшок, чем заслужил оценивающий взгляд старшего.

— За мной! — скомандовал Гусев.

— Живите, мужики... — напутствовал их старший.

Все свои действия Гусев и Валюшок расписали заранее. Более того — отрепетировали их «на натуре» в тактическом классе, где раз двадцать совершали разнообразные эволюции вокруг парты, имитирующей ресторанный стол. Но теперь Валюшок понятия не имел, чего захочет Гусев. И поэтому решил не держаться попусту, а ждать.

Как ни странно, животный ужас немного ослаб.

В прихожей Гусев остановил ведомого и привычно его оглядел.

— Хорош, — заключил он. — И красиво, и оборудование не торчит. А как тебе галстук идет! Не то что мне. Леха, почему ты не ходишь на работу в галстуке?

— Да ну его... — вяло запротестовал Валюшок.

Сейчас на нем был красивый длинный плащ, костюм, белоснежная сорочка и галстук, который долго выбирала невеста, уверенная, что ее Лешка идет с Гусевым валять дурака на какую-то официальную церемонию.

Сам Гусев драпировался в элегантное черное полупальто, делающее его похожим на убийцу из Чикаго тридцатых годов — только шляпы не хватало. Если судить по седине в волосах, Гусев давно и успешно работал на одну из тамошних «семей».

— Хорошо. Действуем четко по схеме. Выносим этих двух быков. Только вот что. Фокус с разговором между нами — отставить. Я все беру на себя. Стреляй по слову «извините». Ясно? Потом ты держишь Шацкого, а я поговорю с Писцом. Все. — Он натянул тонкие лайковые перчатки.

— Есть, — поняв, что его функции особенно не меняются, Валюшок несколько воспрял духом.

— И не спрашивай меня, на фига это нужно, — строго приказал Гусев. — Нужно, и все.

— Понял.

Послышался вызов, Гусев достал мобильный телефон. Штатный трансивер он сегодня бросил в отделении.

— Да? Понял. Отлично. Спасибо. Как только зайдем внутрь, сделай одолжение, позвони мне еще раз. Просто так. Все, мы стараемся.

Гусев сделал знак рукой, Валюшок открыл дверь и шагнул на улицу.

— Везуха нам, — сказал позади Гусев. — Рядом освободился столик. Нас за него и посадят. Все-таки нашли ребята выход на метрдотеля. А еще говорят, что в АСБ одни тупицы служат...

Ресторан был небольшой, уютный, здесь играла тихая ненавязчивая музыка и в воздухе плавали едва ощущимые вкусные запахи. Столики размещались в

небольших закутках, рядом стояли вешалки. Насчет вешалок Гусев выяснил в первую очередь, без верхней одежды идти в обеденный зал он отказался бы наотрез.

На входе их встретил некто величественный, облаченный в смокинг.

— Господа, прошу за мной, — изрек он и царственным шагом проследовал вперед.

У Гусева в кармане зазвенело. Он тут же вытащил свой «мобильник» и на ходу с головой ушел в беседу, внимательно глядя под ноги, чтобы не споткнуться.

— А она что? — спрашивал он. — А ты? Не может быть! Ну, поздравляю от души. И когда? А почему не в «Праге»? Какая разница, что дорого, я добавлю, Мишка, не сомневайся! Ради такого дела...

Валюшок из-за спины Гусева уже видел Писца и компанию. Безразлично мазнул взглядом по Шацкому — это оказался нервный мужчина лет сорока с вьющимися длинными волосами — и сконцентрировался на удачно подвернувшейся справа красотке. Даже голову повернул.

— Да ну! — вдруг заорал Гусев и расхохотался куда громче, чем предписывали хорошие манеры в публичном месте. «Быки» мгновенно им заинтересовались, Писец и Шацкий продолжали беседу. До них осталось всего ничего, шагов пять-шесть.

Гусев ржал, «быки» неодобрительно его рассматривали. Он мешал их боссу разговаривать. И полностью занял их внимание. Валюшок мысленно перекрестился. Они вышли на позицию, нужно было начинать.

Гусев поймал злобный взгляд своего «быка».

— Ой, извините! — смущался он.

Валюшок четко, как на тренировке, выдернул оружие из кобуры и всадил две иголки в торчащее из-под стола массивное бедро телохранителя. Но Гусев все равно вырубил своего первым.

«Быки» медленно валились со стульев. Валюшок уперся игольником в грудь Шацкого.

— АСБ! — сказал он негромко, но твердо.

Шацкий очень натурально побледнел.

Писец в свою очередь налился кровью.

— Что ж ты руки-то на столе держал, идиот? — спросил его Гусев. Телефон он давно уронил на пол и теперь левой рукой придерживал стул, с которого все падал и падал «бык». Игольником Гусев небрежно помахивал у живота, не оставляя Писцу шансов потянуться и вырвать оружие. — А туда же — вор в законе, король рэкета...

— Это какая-то нелепая ошибка, — сообщил Писец глухо. Произношение у него было не московское, но Валюшок так и не понял, какое именно.

— Я заявляю решительный протест! — с достоинством произнес Шацкий, честно отыгравая роль. — Я директор продюсерского центра... — И тут его заклинило. Валюшок понял — Шацкий узнал Гусева.

— АСБ! Специальная операция! — раздалось от входа. — Пожалуйста, оставайтесь на своих местах. Вам ничто не угрожает, с этого момента вы находитесь под нашей защитой!

Гусевский «бык» наконец-то сполз на пол, и тот занял освободившееся место, придинувшись вплотную к Писцу. Это была опасная игра, но это была игра Гусева, он сам ее себе выдумал.

— Хочешь скажу, кто тебя спалил? — предложил он. — Хочешь перед смертью отдать должок ментовской суке?

Писец судорожно моргнул. Что-то у них там под столом творилось, между ним и Гусевым. Скорее всего Писцу в одно место уперлась «беретта».

Вокруг столика ничего особенного не происходило, только по напрягшимся лицам и спинам видно бы-

ло, как остро посетители ресторана переживают напряженный момент. По залу уже бродили непонятно откуда возникшие люди с игольниками в руках. Выходы были перекрыты. Несколько широкоплечих мужчин заслонили от посторонних взглядов столик. Одним из подошедших был старший, которому сейчас по инструкции положено было руководить снаружи. Тут же оказался и давешний матерый дядька, сверлящий жутковатым взглядом затылок Шацкого.

«А у подъезда уже стоит «труповозка», — подумал Валюшок. — Интересно, что она повезет сегодня. Неужели на самом деле трупы?»

— Убей этого пидора волосатого! — вполголоса требовал от Писца Гусев. — Пока еще разрешаю. А потом я тебя по-быстрому кончу. Ты же не хочешь на каторге сдохнуть?

— Да пошел ты...

— Не верь ему! — прошипел Шацкий. — Кому ты веришь?!

— Убьешь? — настаивал Гусев.

— Да соси ты х...й...

Шацкий начал затравленно озираться. Похоже, спектакль в режиссуре Гусева ему очень не нравился.

— Тогда пушку на стол. Очень медленно.

— Да е...л я тебя... Сам доставай.

— Как жаль, что я в тебе ошибся, — сказал Гусев безмятежно.

Валюшок по-прежнему держал на мушке Шацкого и толком не разглядел, что произошло. А Гусев просто влепил Писцу иглу в брюхо, и тот расслабленно сник.

Шацкий так вздохнул, будто у него петлю с шеи сняли.

А зря.

Потому что Гусев выдернул иглу, воткнул ее себе в лацкан, быстро спрятал игольник в кобуру и так же

быстро достал у Писца из-за пазухи «макаров». Вытащил из-под стола руку с «береттой». Взвесил оба пистолета на скрещенных руках. Примерно так обычно держали парочку «узи» всякие крутые из полу забытых в Союзе американских боевиков.

— Что вы... — испуганно пискнул Шацкий.

— Господа, не дергайтесь, мне все отлично видно! — предупредил Гусев.

И принялся стрелять.

Шацкий получил две пули в область сердца и рухнул на руки выбраковщиков. Неподвижный Писец был убит двумя выстрелами в живот и переносицу. Гусев бросил оружие Писца на стол.

В зале сдержанно повизгивали женщины.

— Ну, ты... — начал было старший, но передумал и только сплюнул под ноги.

— Я же сказал, мне все было отлично видно. — Гусев уже склонился над Писцом. Слегка ошелевший и малость оглохший Валюшок понял — он делает клиенту нейтрализующую инъекцию. Через небольшое время обнаружить наличие в крови парализатора будет невозможно. А дырочку от иглы в животе Гусев расковырял пулевым ранением.

— А если бы ты его нас kvозь...

— Из «макарова»? Упаси бог. Ну что, господа? Наш уговор в силе? Круговая порука мажет, как копоть?

— Естественно, — процедил старший. — Этот убийца прятал ствол в сапоге. У него как раз сапоги... Что тебе оставалось делать? Игольник-то твой заело.

— Вообще хреновое оружие, — согласился матерый дядька. — У меня клинило дважды в самый ответственный момент.

— Перекос, он и есть перекос, — вступил еще один голос. — Между прочим, второй клиент того... Готовченко.

Гусев подобрал с пола «мобильник» и с искренней теплотой улыбнулся выбраковщикам. В том числе и Валюшку, который все отдувался.

— Спасибо, коллеги, — улыбнулся Гусев. — Помогли снять камень с души. Век не забуду. Ну, я пойду отчет рисовать. Если что — знаете, где меня найти.

— Живи, — сказали ему.

На улице Гусев с наслаждением закурил. И встряхнулся за плечо насупившегося Валюшка:

— Если ты меня осуждаешь, могу в деталях рассказать, как именно Шацкий изуродовал свою жену. Ей было двадцать три года, Леха. Только двадцать три. Обыкновенная молоденькая дурочка — нормальная женщина за такого бы и не пошла, — но это в данном случае дела не меняет. Нельзя кухонным ножом резать беременных жен, понимаешь? И нет таких высших интересов, во имя которых можно оставлять в живых тех, кто так поступает.

Валюшок молчал.

— А то, что в Агентстве существует круговая порука, ты мог бы и сам догадаться.

— Да нет же!!! — взорвался наконец Валюшок. — Нет!

— Что «нет»? — опешил Гусев.

— Ты... Ты... Да ты чуть мне в руку не попал! Я едва отдернуть ее успел!

— Лешечка! — воскликнул Гусев радостно. Похоже, он ждал чего-нибудь похуже. — Дорогой ты мой! Сам посуди — если бы я мог попасть тебе в руку, уж наверное, я бы тебя предупредил!

Валюшок в ответ только сплюнул — как перед этим старший.

Наверное, они пережили очень похожий стресс.

**ГЛАВА
ШЕСТЬНАДЦАТАЯ**

*

Лишь в молитвах и заупокойных службах изливалась скорбь по тысячам казненных, не обращаясь в ярость, направленную против тирана, — ведь его власть была освящена церковью, а цели — разумны и благородны.

Очередное испытание на прочность судьба подбросила двойке Гусева в один ничем не примечательный вечер. Да и началось все рутинно — просто на пульте лежала заявка, которую Гусеву передал дежурный. Гусев, привычно изображая лицом скуку и неудовольствие, в бумагу заглянул и сразу же покосился на Валюшку. Его ведомый, поигрывая на пальце ключами от «двадцать седьмой», мурлыкал под нос песенку и, судя по всему, пребывал в отличнейшем расположении духа. «Ну, сейчас посмотрим, какой ты гражданин, агент Валюшок, — мысленно вздохнул Гусев. — Поганая заявка. В последний раз я такую видел года два назад. Ясно, почему ее именно мне подкинули — Гусева ведь не жалко. А Валюшка? Хм-м... Все-таки не оставили надежды восстановить против меня. Какая же это сволочь наверху мутит воду? Понятное дело, не шеф. А кто? Ну, в любом случае нужно будет за Лехой присмотреть. А то еще замочит старика Гусева по великой своей доброте. Обмялся он за последний месяц нормально, уже никакой работы не гнушается, но это...»

— Заводи, — скомандовал он. — Я сейчас, только вот «труповозку» закажу. Нам сегодня особенная понадобится...

Ехать пришлось на самую границу зоны ответственности Центрального. Валюшок вел машину как

обычно — быстро и надежно, не хуже, чем если бы за рулем сидел Гусев. С исчезновением знаменитых на всю страну московских пробок средний уровень водительского мастерства в городе неуклонно падал, и Гусеву было приятно, что хотя бы его ведомый этому повальному расслаблению не подвержен.

«Двадцать седьмая» идеально запарковалась у искошего подъезда — в двух шагах, но так, чтобы не привлекать лишнего внимания. Гусев достал рацию и вызвал «труповозку».

— Когда подъедете, во двор не суйтесь, — приказал он. — Стойте на улице. А то здесь бабуськи околачиваются, сразу выяснять начнут, к кому «Скорая» приехала.

«Труповозка» ответила, что все понимает, глубоко сочувствует и постарается без повода не светиться. Гусев повернулся к Валюшку. Тот курил и ждал распоряжений, изо всех сил делая вид, что ему это дается легко. Ведь по инструкции Гусев обязан был довести до ведомого содержание заявки если не в офисе Центрального, то хотя бы по дороге.

— Значит, так, Леха, — сказал Гусев. — Ты когда-нибудь задумывался, куда в нашей стране деваются младенцы с патологией развития?

Валюшок фыркнул было — кто ж этого не знает, — но потом насторожился. Гусев задал вопрос неспроста. Большинство патологий медицина определяла на ранних стадиях беременности, и уроды в Союзе просто не рождались. А в тех немногих случаях, когда медкомиссия находила отклонение от нормы уже после родов, младенца либо с согласия матери усыпляли, либо он пропадал в недрах интернатской системы. Сложнее было, конечно, с подросшими детьми, у которых вдруг открывались серьезные нарушения психики, — но и тех, как правило, удава-

лось из общества изъять. В тех случаях, когда четко устанавливалась наследственная природа нарушения, — вместе с родителями. А когда нет... По обстоятельствам. Все это Валюшку детально объяснили на подготовительных курсах с примерами из практики. Но раз сегодня они здесь и Гусев задает вопросы, значит, система дала сбой. И где-то в этом подъезде живет ненормальный ребенок. Валюшок поежился.

— Понял? — спросил Гусев. — Вижу, понял. Тяжелый случай, Леха. Соседи, гады, донесли. Участковый стал вести наблюдение и подтвердил. Мальчишка лет десяти. Ночью появляется на балконе. Только ночью. Мать — учительница. Героическая женщина, думаю — сама рожала, втайне. Но и дура изрядная. Эгоистка чертова. И ребенку жизнь изуродовала, и себе. Так в фашистской Германии немецкие семьи еврейских детей прятали. Но ведь не по десятку лет кряду... На что надеялась? Вот тебе и диспозиция. Готов идти?

— Что мне делать-то? — спросил Валюшок. — Не в том смысле, что деваться некуда, а делать-то что?

— Как обычно — держать мне спину. Пойдем.

Чистая и опрятная лестница вела их на пятый этаж.

— Ты раньше это делал? — буркнул Валюшок Гусеву в спину.

— Дважды, — ответил тот.

— И что было?

— Оба раза пришлось стрелять.

Валюшок тяжело слогнул, кашлянул и снял игольник с предохранителя.

— А где этот участковый? — вспомнил он. — Как же мы на такое дело и без мента? Дело-то не уголовное, гражданское.

— Он боится. Сказал, все что надо задним числом подпишет, а с нами идти — ни-ни.

— С-скотина... — прошипел Валюшок.

— Отнюдь, — мягко сказал Гусев. — Нас ведь разгонят, а ментам оставаться. Кому же охота за чужие грехи...

«Вот именно — грехи, — подумал он. — Кто нас ждет там, наверху? Только бы не даун. Все, что угодно, только не даун. Ведь не смогу же... Урод должен быть уродом, вызывать отвращение, желание сделать так, чтобы он исчез из нашего мира быстро и навсегда. Дауны, выросшие в семьях, не такие. Ни у одного нормального человека на них рука не поднимется. Дети с синдромом Дауна, если с ними хорошо занимались родители, превращаются, как правило, в мильнейшие существа. И когда они становятся взрослыми, им можно только сочувствовать, но никак не ненавидеть. Их словно лишили ненужной части разума специально, чтобы оставить счастливыми. Детьми. Нужно признаться, с даунами выбраковка промахнулась. Обществу нужны убогие. Не бесноватые и юродивые, а именно убогие. Чтобы жалеть. Как раз жалости нам сейчас не хватает, не осталось ее в стране ни на грош. Вот давешняя тетка, которая грабителя пожалела... Встал на дороге суперагент Пэ Гусев со своей лицензией на убийство и всю проявленную гражданкой потерпевшей жалость низвел даже не до нуля, а в минус загнал. Переработал в ненависть. Уф-ф... Нет, это не может быть даун. Их вычисляют стопроцентно на ранних сроках. До трех месяцев, кажется».

Гусев позвонил в дверь и отстегнул с груди значок.

— Только не вздумай разговаривать, — бросил он через плечо. — Молчи и держи мне спину. Увидишь, я все сделаю наилучшим образом. Стыдно не будет. И вообще, это не Гусев с Валюшком, это государство

пришло. А государство, как известно, — аппарат насилия.

— Кто там? — спросила из-за двери женщина. Голос у нее был донельзя настороженный.

— Извините, пожалуйста, это Агентство социальной безопасности, — сказал Гусев, демонстрируя значок дверному глазку. — Старший уполномоченный Гусев, уполномоченный Валюшок. Мы должны задать вам несколько вопросов.

За дверью повисла гробовая тишина. Правило «мой дом — моя крепость» в Союзе позволяло забаррикадироваться в своей квартире даже от милиции, буде та явится к вам без постановления на обыск. Но в отношении АСБ никакие правила не действовали. Жать на кнопку и разговаривать с жильцами Гусев был не обязан, он мог без лишних церемоний просто взломать дверь. Тем более — эту, хлипкую и древнюю.

— Нам обязательно нужно с вами побеседовать. Это очень важно.

— О чём? — спросили из-за двери.

— Простите, через дверь такие вещи не говорят. — Гусев произносил слова очень мягко, но без той хорошо знакомой Валюшку приторной ласковости, которая предвещала беду. — Впустите нас, пожалуйста. Если какие-то сомнения, позвоните в Центральное отделение АСБ, я вам продиктую телефон. Мы подождем.

Снова тишина.

— Я бы вам советовал не тянуть время. — Гусев прицепил значок обратно под куртку. — Вы же знаете — если уж мы пришли, то мы обязательно войдем. Давайте не будем превращать деловой разговор в выяснение отношений.

— Убирайтесь! — прошипели изнутри.

Гусев раздраженно цыкнул зубом.

— Хорошо, — сказал он. — Будьте добры, отойдите от двери, мы ее сейчас выбьем. Ну-ка, Леха, раз-два...

— Стойте! — Щелкнул замок, дверь приоткрылась на цепочку. В проем на выбраковщиков глядело некрасивое сморщенное лицико — жидкие бесцветные волосы, тяжелые очки. Типичная училка из числа люто ненавидимых школьниками. Гусев знал, что клиентке под сорок, но выглядела она на все полсотни, да еще и с гаком. «Завоевать расположение такого человека — дохлый номер. Она априори ненавидит всех. А детеныша себе родила в качестве игрушки, на которой может вымешивать комплексы. Господи, какую чушь я несу! Хотя понятно зачем. Восстановлю себя против клиента. Привычка. Старая добрая профессиональная манера. Чтобы не было мучительно больно».

— Спасибо, — улыбнулся Гусев. — Мы тоже не хотим шума. Разрешите войти?

Женщина смерила Гусева ледяным взглядом — маска, за которой просматривается надвигающийся паралич воли. «Она уже сломана. И это тоже сделал я. Какое, на фиг, государство! Это ты, Гусев, приперся в ее жилище с огнем и мечом. Как последний бандит, посягаешь на то немногое, что есть у человека, — его территорию. Ладно, хватит казниться. Быстро сработал — быстро ушел пить водку».

— Вера Петровна. Мы. Пришли. С вами. Разговаривать. — Гусев ритмично покачивал в воздухе рукой. — Давайте. Сядем. И мирно. Разберемся.

Дверь медленно захлопнулась. Звякнула цепочка. Гусев облегченно перевел дух. Не хотелось ему ломать дверь. Жалко было ушибать плечо. Свое ведь, не казенное. Да и дверь еще послужит — в квартиру потом кто-то въедет, буде училку придется забраковать.

Женщина, видимо, терзалась сомнениями, потому что ждать пришлось чуть ли не минуту. И все-таки она открыла. Выбраковке нужно открывать. Выбраковка не шутит.

— Заходите, — процедила женщина.

Квартира была двухкомнатная, и из наглухо закрытой спальни («Детской», — поправил себя Гусев) не доносилось ни звука. Обстановка в доме оказалась скучной и даже ветхой, а главное — на всех предметах лежал дух тяжелой и затхлой неухоженности. Гусев огляделся и почувствовал, в чем дело. Здесь свила гнездо легкая и почти неявная душевная болезнь хозяйки, неопасная для окружающих, но страшно отравившаяся на судьбе ее сына. А скорее всего — и послужившая для мальчика поводом родиться.

— Мы присядем, — сказал Гусев. Древний обтрепанный диван заскрипел под его тяжестью. Валюшок садиться не стал, а прислонился спиной к дверному косяку. Женщина тоже осталась стоять, прижав руки к груди и опустив глаза.

— Вера Петровна, — начал Гусев. — Прежде всего давайте определим главное — наши отношения. Поймите, АСБ пришло к вам без намерения совершать насилие и уж тем более — ломать ни в чем не повинную мебель. Помогите нам, пожалуйста, а мы постараемся никак не ущемить ваши конституционные права.

— Что вам нужно? — процедила женщина, не поднимая глаз.

— Я сейчас позвоню, и через несколько минут придет наш медицинский эксперт. Позвольте ему осмотреть мальчика, который находится в этой квартире.

Женщина оказалась не настолько безумна, чтобы сделать вид, будто никакого мальчика здесь нет. Пожалуй, она понимала, с кем имеет дело. И может быть, даже испытывала легкое облегчение от того, что ситуация близка к разрешению. Как преступник, который годами носит в себе ужас перед тем, что однажды его догонит Гусев. И смотрит в дуло игольника глазами, которые так и твердят: «Наконец-то!»

Женщина не сказала: «Его здесь нет». Она спросила:

— Зачем?

— У Агентства есть основание полагать, что вы нарушаете федеральный закон о правах детей.

— Как я его нарушаю?

— Начнем с того, что ребенок находится у вас в квартире словно под арестом, он лишен возможности общаться со сверстниками и посещать школу.

— Это неправда!

— Что неправда?

— Он получает образование. Прекрасное образование.

— Чему вы его учите? — спросил Гусев, стараясь не морщить презрительно нос. — Ботанике?

Женщину слегка передернуло. Тяжело ощущать, что некто знает всю твою подноготную. И вдвойне тяжело, если это человек с правом на убийство.

— Он читает. Он прекрасно читает.

— Замечательно. Но он совершенно один. Никто, кроме государства, не вправе изолировать человека, особенно ребенка.

— Он не один! — воскликнула женщина. — Вы ничего не понимаете!

— Да, он с вами. Но вы, как педагог, не можете не знать, как важно для ребенка социализироваться. В кого вы хотите его превратить? В Маугли?

Женщина принялась истерично ломать себе пальцы, но с места не сдвинулась. У нее была очень сухая безгрудая фигура, и простенькое домашнее платье висело на ней, как на вешалке.

— Послушайте, Вера Петровна. Давайте для начали сделаем так. Я загляну буквально одним глазом, — Гусев ткнул пальцем через плечо, — а потом мы продолжим разговор. Уверен, вместе мы что-нибудь придумаем.

«Чем черт не шутит, — подумал он. — Вдруг тут какая-нибудь дикость, и парень еще не до смерти изуродован мамочкой. Что я понимаю в нервных заболеваниях? Да ничего. Я моментально вижу — псих человек или нет, нахватался опыта. Но насколько псих — это для меня темный лес. Вдруг у нее парень от рождения нормальный, а она просто по каким-то безумным соображениям решила спасти его от общества, в котором больше нет преступности и у каждого есть работа?»

— Нет! Я не позволю! — В голосе женщины не было уверенности, она произнесла это на голом импульсе, только чтобы обозначить позицию.

Гусев очень медленно достал игольник и положил его рядом с собой на диван. «Беретта» висела у него глубоко за пазухой, женщина не могла заметить пистолет. Гусев ничего такого не опасался, просто расстаться с обеими пушками сразу он не согласился бы даже за миллион «новыми», по курсу один рубль на один «юрик».

Да и за сто миллионов не смог бы, наверное.

— Видите, — сказал он. — Вот мое оружие. А я — встал и пошел. На секунду.

Женщина дернулась было, но тут негромко кашлянуло железобетонное изваяние Валюшка. И женщина сдалась. А Гусев крадучись прошел к детской, приоткрыл дверь и заглянул. Только на секунду.

Мальчику, наверное, достался красивый отец. Да и у самой училки, если присмотреться, черты лица были очень правильные. Чересчур, до совершенной некрасивости. Это мог бы получиться очень славный мальчик. Сейчас, резко повернувшись к Гусеву, он уронил слюну с уголка рта, что-то пробормотал и уставил на выбраковщика склоненными к переносице глазами. Сидя на ковре среди разбросанных игрушек

шек — очень качественных игрушек, вот почему так бедно в квартире, — мальчик не шевелился, но Гусев и без того знал, какие у него движения. Резкие, ломающие, с плохой координацией. Гусев уже видел таких детей. В прошлый раз был такой же пацан, только поменьше.

Но того мальчика родители не прятали от мира. Наоборот, они тянули его изо всех сил, как проклятые. Всячески пытались врастить в общество и само общество приучить к тому, что мальчишка в порядке. Им это почти удалось. Почти. Даже медкомиссия необычно долго тянула с решением — жалко было парня, настолько он перешагнул данные от природы возможности. Им откровенно восхищались. И будь он просто жертвой родовой травмы — оставили бы все как есть. Но дело оказалось в наследственной мутации. За мальчиком приехали врачи АСБ, забирать в интернат. Отец мгновенно обезумел, вытащил из-за шкафа двустволку и подписал этим приговор всей семье.

— Играй, малыш, — негромко сказал Гусев и прикрыл дверь.

«А что бы сделал ты, Гусев, на ее месте? Я? В первую очередь я бы выбрался из города. Очень много лет назад, когда ребенок был еще совсем маленький и не вызывал пристального внимания. Я бы забрался в деревню, в самую несусветную глушь, туда, где милиционера не видят годами, а о выбраковщиках знают только понаслышке. И там... Возможно, там у мальчишки появился бы шанс. К нему быстро бы привыкли, считали бы за своего, он вырос бы в какого-нибудь подпаска и спокойно прожил жизнь. Нормальным деревенским дурачком прожил бы. Счастливым, наверное. Да, счастливым....

Но это — если бы я. Если бы у меня. Интересно, почему она так не сделала? Наверное, я прав, и наша

сегодняшняя клиентка просто завела себе игрушку. Такую надрывную, трагическую, садомазохистскую игрушку. Ей-богу, лучше бы она купила домашнее животное и мучила его. Морскую свинку какую-нибудь.

Интересно, а ты бы отдал своего ребенка в брак, Гусев? Ты, который знает правила игры изнутри? М-м... Новорожденного — да, конечно. А вот если аномалия открылась бы позже, годами позже? Так я же говорю — в деревню. И фиг бы его там нашли. Ладно, Гусев, расслабься. Перед тобой всегда стоял другой выбор. И ты тоже честно его делал. Вот именно — честно. По справедливости. И в чем она заключается на данный момент, ты отлично знаешь. Справедливость ходит в белом халате. Вот и зови ее сюда».

Женщина все так же стояла посреди комнаты, выкручивая себе пальцы. Гусев уселся на прежнее место, с облегчением водворил в кобуру игольник и достал трансивер.

— Простите, Вера Петровна, этот случай вне моей компетенции. Разбираться должен специалист. С вашего позволения, я его вызову. Алло! Это Гусев. Медэксперта прошу ко мне.

— Вы его убьете... — прошептала женщина. — Вы же его убьете...

— Зачем? — удивился Гусев как можно более искренне.

— Я знаю, убьете. Не надо лгать! Вы их всех убиваете! Подонки!

— Он поедет в закрытую школу...

— Мерзавцы! Фашисты!

— У него будут наконец-то друзья. Вы сможете его навещать...

— Грязная сволочь! Педераст вонючий! — Женщина наконец-то справилась со своими руками, теперь она держала их согнутыми в локтях, и пальцы ее це-

лились Гусеву в лицо. А ноги согнулись в коленях для прыжка. — Убийца! Сраный поганый ублюдок!!!

— Да вы же сами его чуть не угробили!!! — от души проорал Гусев. — А теперь он будет жить! Будет, черт возьми!

Валюшок успел выстрелить. Женщина упала головой на колени Гусеву, и тот брезгливо спихнул ее на пол.

— В глаз целилась, — пробормотал он. — Вечно они целятся мне когтями в глаз.

Валюшок смотрел на женщину, а сам вжимался спиной в косяк. Никогда его раньше не окатывала с головой такая бешеная волна чужой ненависти. Женщина кричала вроде бы только на Гусева, она и прыгнула именно на него, но Валюшку тоже хватило.

Гусев зябко поежился. Нужно было вызывать поддержку, но сил не хватало поднять руку и снова нажать тангенту. Он чувствовал себя вымотанным до предела.

— Что с ребенком? — тихонько спросил Валюшок.

— Поживет еще, — ответил Гусев. — Надеюсь. Пусть хоть немного поживет... В принципе мы ведь ему задолжали. Либо десять лет жизни, либо никаких мучений. А сейчас его усыпить — это будет совсем уже несправедливо. С училики-то взятки гладки, она же не в себе. Но ее страх перед вынужденной... Косвенно перекладывает вину на нас. Как вы думаете, господин суперагент? Кстати, ты молодец. Спасибо.

Валюшок неопределенно шевельнул бровью, достал сигареты и прикурил сразу две. Видно было, что Гусев нуждается в помощи. Никогда еще Валюшок не видел его таким подавленным.

Как ни странно, сам он никаких особых угрызений совести не чувствовал.

**ГЛАВА
СЕМНАДЦАТАЯ**

Период плены — ключ к разгадке всей последующей жизни нашего героя. Какие чувства переполняли его сердце, когда он смотрел на предсмертные муки людей, — жалость, ужас, гнев? Или, может быть, страстное желание применить что-нибудь подобное к тем, кто держит его в плену? Во всяком случае, Влад должен был скрывать свои чувства, и он в совершенстве овладел этим искусством. Ведь точно так же его отец в далекой Валахии, стиснув зубы, слушал надменные речи турецких послов, сдерживая руку, рвущуюся к рукояти меча.

Валюшок как раз завтракал (или, скорее, обедал), когда Гусев ему позвонил.

— Проснулся? — спросил он. — Прекрасно. Слушай, Леха, ты бывал когда-нибудь в штаб-квартире подпольной организации?

— Не-а, — ответил Валюшок с набитым ртом. — А это интересно?

— Ну, как тебе сказать... Террористов-бомбистов не обещаю. Но в целом будет поучительно. Чисто дружеский визит — посидим, чайку попьем. Наберешься свежих впечатлений.

— А мне это надо? — спросил Валюшок на полном серьезе. Мол, сам решай, ведущий, тебе виднее.

— Думаю, что да. Ты на этих людей по собственной инициативе не выйдешь. Не догадаешься просто, что такие бывают. Да и они с тобой не станут по добной воле общаться.

— А с тобой?

— А я им интересен. Как наглядное пособие, ка-

ким не надо быть. Так что, заехать за тобой? Минут через сорок.

— Заезжай, — согласился Валюшок. — Поможешь шкаф передвинуть.

— Черт возьми, семейный человек... — пробормотал Гусев. — Шкафы, диваны, вакуумные окна. Есть куда деньги тратить. Аж завидно. Ладно, жди.

Валюшок хотел было объяснить, как к нему ловчее подъехать, но Гусев уже отключился. Он появился, как и обещал, через сорок минут. Придирчиво осмотрел квартиру, чуть ее не обнюхал и вынес свой вердикт:

— Стильно.

— Слушай, Пэ, — сказал Валюшок. — Я все хотел у тебя спросить. Если это не слишком личное, конечно... Ты вообще женат-то был когда-нибудь?

— Был, разумеется. Когда-нибудь. Давно.

— А сейчас э-э...

— А сейчас меня девочки не любят, — усмехнулся Гусев. — Старею, наверное.

— Тебя-то? — не поверил Валюшок. — Не любят?

— Не любят, но на все согласны, — объяснил Гусев. — А я вот не на все согласен. Расслабься, Леха. Потом как-нибудь расскажу. Ну, где обещанный шкаф?

Они поехали в центр города, и чем глубже в него забирались, тем удивленнее становилось лицо Валюшки. То ли Гусев насчет подпольной организации пошутил, то ли она была не особенно подпольная, то ли, наоборот, чересчур хорошо окопалась. В представлении Валюшки подпольщики должны были прятаться по хазам и малинам где-нибудь в пролетарских районах и вести там безуспешную революционную агитацию. Потом до него дошло, что пролетариев на

самом деле агитировать нет смысла, могут по шее на- давать, а то и отвести в выбраковку. Но все равно представить, что в вылизанном до блеска центре кто-то может вести нелегальную деятельность, было с не- привычки сложно.

«А собственно, с чего я взял, что они делают нечто противозаконное? Впрочем, сейчас нам все покажут. Гусев очень любит мне что-то необычное показывать и следить за моей реакцией — понял или нет. Педагог доморошенный. Хотя нужно отдать ему должное, он умеет быть честным. Как пообещал доставать нотации — так и доставал. И каждая нотация оказалась к месту».

Валюшок закурил. Гусев бросил короткий взгляд на пачку в его руках и понимающе хмыкнул. Белая наклейка со словами «ТАБАК УБИВАЕТ» была основательно поцарапана — наверное, Валюшок пытался ее отодрать ногтями, но потерпел сокрушительное поражение. Наклейку лепил по специальному заказу сам импортный производитель и клея не жалел.

— Давит на мозги? — спросил Гусев.

— Что? А-а... Да, неприятно.

— Блестящая идея, — сказал Гусев серьезно. —

И очень старая. Лет двадцать назад появилась.

— Твоя, что ли? — прищурился Валюшок.

— Нет. Одного способного парнишки.

— Душить надо таких способных. Сегодня табак... А завтра что, на водке напишут «Алкоголь тебя угробит»?!

— На водке — нет, — помотал головой Гусев. — Все-таки это русский народный транквилизатор. И потом, на водочной монополии у нас половина бюджета держится...

Штаб-квартира подпольщиков разместилась в двух шагах от офиса Центрального, в арбатских переул-

ках. Валюшок уже отлично знал вверенную отделению местность и на всякий случай запомнил дом и подъезд. Мало ли что.

— Значит, ничему не удивляться, — сказал Гусев. — Вежливость и еще раз вежливость. Мы в гости пришли.

Подполье своему формальному определению не соответствовало, вольготно разместившись на пятом этаже. Пустили выбраковщиков без всяких кодов и паролей. Хмурый парнишка в засаленном свитере открыл дверь, тут же повернулся к гостям спиной и исчез в глубине квартиры.

— Майя Захаровна! — позвал Гусев. — Ау, где вы?

— Сюда! — позвали с кухни. — Сюда заходите.

Валюшок огляделся и сразу понял, что его так удивило с первого мгновения — в квартире не было межкомнатных дверей. Сняли, наверное, для экономии места. В самих комнатах оказалось великое множество компьютеров, и за каждым кто-то сидел, треща клавишами. А кое-кто при этом еще и говорил, так что шума хватало. Стены едва-едва просматривались под наслоениями разноцветных плакатов, а сами плакаты были варварски залеплены исписанными от руки бумагами. «То ли редакция, то ли информационное агентство, — догадался Валюшок. — Все шутит со мной Гусев».

На кухне разливала по кружкам свежезаваренный кофе усталая крашеная блондинка лет пятидесяти с одутловатым лицом и сигаретой в зубах.

— Я так и знала, — сказала она. — Куда это ты запропастился, Пэ?

— Да все политических расстреливаем. — Гусев без приглашения уселся за стол и махнул Валюшку — присоединяйся.

— Садитесь, молодой человек. — Хозяйка, не от-

рываясь от своего занятия, ногой подвинула Валюшку стул. — Значит, ты уже не в резерве, Пэ. Ну-ну.

— Снова работаю. Знакомьтесь, Майя Захаровна. Алексей Валюшок, суперагент, гроза преступности. Страшный человек, зубодробителен и сногсшибательен. В первый же день уконтрапутил троих заезжих бандюков. После чего почил на лаврах и уже месяц груши околачивает.

Страшный человек суперагент Валюшок тоскливо вздохнул и опустил глаза. Позорную историю, приключившуюся в сауне, он до сих пор без содрогания вспомнить не мог.

— Майя, — коротко представилась женщина. — Ничего, Алексей, привыкайте. У вашего коллеги Пэ Гусева отвратительная манера напоминать людям об их промахах при каждом удобном случае. Посидите, мальчики, я сейчас.

Она взгромоздила кружки на поднос и унесла кофе в «редакцию».

— Это что? — спросил Валюшок громким шепотом.

— Это газета «Эхо Москвы», — таким же шепотом объяснил Гусев. — И ее издатель.

— А-а... — Валюшок кивнул, припоминая. «Эхо Москвы», газета, ставшая правопреемницей закрытой некогда радиостанции, действительно выходила в свое время нелегально. Теперь ее продавали из-под полы, хотя и не особенно скрываясь.

— И как она... оно... — Валюшок неопределенно поболтал в воздухе ладонью.

— Прежняя редакция вся уехала, когда открылась граница. А Майя осталась и вот, работает. У нее маленький заводик в пригороде — то ли зажигалки одноразовые, то ли что-то в этом роде, и вся прибыль

идет на содержание газеты. Агентство тетку попугало сначала, а потом отвязалось...

— Ты пугал? — перебил Гусева гордый своей додгадливостью Валюшок.

— Не-ет, что ты! Я бы и не согласился, наверное. Кажется, Мышкин здесь оружием бряцал. Или Данила. В общем, кто-то из старичков. Но тут сверху пришла команда — отстать, забыть. Нашему правительству даже тогда нужна была приличная антиправительственная газета. А сегодня просто необходима. Я думаю, их со дня на день вообще легализуют. Надвигается свобода печати, дружище. Да и прочие свободы тоже. Совести, например. Между прочим, как у тебя с совестью, Леха?

— Ты про что? — Валюшок подозрительно втянул голову в плечи. Уж больно жестко Гусев задал вопрос. С холодными-прехолодными глазами.

— Шутка. — Гусев мгновенно преобразился и снова был уже прежним, расслабленным и каким-то домашним. Он уютно облокотился на стол, закинул ногу на ногу — видно было, что ему здесь хорошо. — Расслабьтесь, ведомый. Если нет ощущения, что с совестью непорядок, значит, таковой отсутствует. Интересно, тебе в принципе нужна свобода совести?

— Это в каком именно контексте?

— Хороший вопрос. Майя, — обратился Гусев к вернувшейся с опустевшим подносом женщине. — Объясните-ка нам, сирым и убогим, что такое свобода совести.

— Тебе-то зачем? — огрызнулась Майя. — Ты же бессовестный, Пэ.

— Я?! Нетушки. Я каждый раз, как диссидента к стенке поставлю, целую ночь потом уснуть не могу. Все стоит перед внутренним взором этот жесткий бескомпромиссный последний взгляд, которым против-

ник фашистского режима насквозь прожигает мелкую душонку палача...

— Гусев! — перебила его Майя. — Фантазер! Ты хотя бы раз кого-нибудь расстреливал?

— Вы так говорите, как будто вам приходилось, — надулся Гусев. — Конечно, не расстреливал. У меня нервная организация неподходящая. Я по жизни не палач, я шериф. И вообще, насколько помнится, смертную казнь в Союзе отменили еще шесть лет тому. Как новый порядок воцарился, так ее и отменили.

Майя по новой зарядила кофеварку, прикурила очередную сигарету и уселась напротив Гусева, внимательно его разглядывая.

— Устал ты, Пашка, — сказала она. — И шутки у тебя плоские, и сам ты какой-то... Будто под каток попал.

— Еще не попал, но готовлюсь. Надвигается каток, накатывается. Вот, — Гусев хлопнул по плечу Валюшке, — прошу любить и жаловать, молодая поросль. Новая генерация выбраковщиков. Рыцари без страха и упрека. Ни того, ни другого не наблюдается. Все, как один, психически нормальные, социально адаптированные, готовые положить живот на алтарь общественного блага.

Валюшок поморщился и стряхнул гусевскую руку с плеча. Майя теперь рассматривала его. Будто под микроскоп положила.

— И много их, — продолжал Гусев. — Слишком даже много.

— Сколько? — тут же спросила Майя. Валюшок собрался было пнуть Гусева под столом ногой, но передумал. С одной стороны, они вроде бы пришли сюда в гости, однако Гусев по инструкции все равно оставался для Валюшка ведущим.

— На одного нашего минимум полтора.

«Наши» — это ветераны, старики, — догадался Валюшок. — Но откуда у Гусева такая информация? Или он просто врет?»

Майя снова посмотрела на Валюшка.

— И что ты об этом думаешь, молодой человек? — спросила она.

Валюшок от неожиданности вздрогнул:

— О чём?

— О том, куда вас столько.

— Понятия не имею, — честно ответил Валюшок.

— А ты что скажешь, Пэ?

— А я ничего не скажу. Я кофейку вашего замечательного дерябну и пойду себе дальше Родине служить.

Майя раздавила сигарету в пепельнице и надрывно закашлялась.

— Бронхи ни к черту, — определил Гусев.

— Спасибо, утешил. — Майя поднялась и достала из шкафа две кружки. — Слушай, а что там за история приключилась с убийством в ресторане? Ну, когда этого мерзавца Шацкого застрелили. Ты не участвовал?

— Военная тайна, — гордо заявил Гусев. — Но по сведениям из строго конфиденциальных источников...

— Да, разумеется, из очень строго конфиденциальных.

— Геройски погиб, выполняя секретное задание, внештатный сотрудник МВД.

— Ах вот как...

— Положил, так сказать, живот на алтарь...

— Пэ, ты повторяешься. Было уже про живот.

Валюшок прихлебывал кофе, оказавшийся действительно очень вкусным, и ждал развития событий. В воздухе повисло легкое напряжение — Гусев не просто так тянул время: он кого-то или чего-то дожидался. И был готов за это ожидание платить болтов-

ней на строго конфиденциальные темы. Вообще-то вся статистика по текущей выбраковке была открыта, любой желающий мог просмотреть ее на веб-сайте АСБ или в информационном ежемесячнике Агентства. Это правило ввели еще в незапамятные времена, сам Валюшок увидел впервые пухлую книжицу с титулом «Агентство социальной безопасности. Месячный отчет», когда ему исполнилось двадцать. Книжка впечатляла. Тогда-то он и подумал: «Черт возьми, началось. Никто не верил, а началось. Даже надеяться смысла не было, а вот — началось». И слухи, какие были замечательные слухи, и как они удивительным образом все оправдывались... Бывало, еще в советские времена пожилые уголовники предупреждали «кумовьев» перед выходом на волю — мол, ждите, скоро вернусь, мне там все равно делать нечего. И действительно, выйдя за ворота, грабили ближайший магазин. Но когда началась тотальная выбраковка, из лагерей пришлось буквально пинками вышибать тех, кто раньше спал и видел, как бы на воле покруче развернуться. Матерое ворье, отпетые душегубы и беспредельщики умоляли сделать что-нибудь, но не выпускать их. Они боялись. Они наконец-то узнали настоящий страх.

Ведь те же самые ежемесячники исправно доходили до каждой зоны. И зачитанные до дыр, напоминали: следующее преступление станет для тебя последним. Вор, грабитель, насильник, убийца мог подстереться этими страницами. Но все равно с них не смылись бы имена людей, которых он знал как воров, грабителей, насильников, убийц. Людей, которых наконец-то во всеуслышание объявили врагами народа, уродами, нелюдью. Признали таковыми официально и начали планомерно истреблять, дабы пресечь главное — воспроизведение преступности.

Гусев и Майя болтали о кино, Валюшок с головой

ушел в воспоминания. Очнулся он, только когда хлопнула входная дверь и почти сразу на пороге кухни появился молодой человек с тонким нервным лицом и фигурой атлета.

— А вот и Ваня! — обрадовался Гусев.

— А вот и гестапо! — в свою очередь ненатурально обрадовался Иван. Видно было, что он Гусева терпеть не может, да и Валюшок сразу почувствовал себя не особенно уютно — захотелось достать игольник и снять предохранитель. Наверное, аллергия молодого человека распространялась на выбраковку в целом.

— Это ты угадал, — сказал Гусев благодушно. — Оно самое. Тебе какой гестаповец более симпатичен — в версии Броневого или Хауэра? Выбирай, могу и то, и другое. Впрочем, Хауэра ты не видел, этот фильм цензура зарезала.

— Самого отвратительного гестаповца играет Гусев, — отрезал молодой человек. — Похоже, у Гусева талант. Что вам нужно от меня, товарищ старший уполномоченный?

— А с чего ты взял, что я по твою душу? — Гусев явно забавлялся. — Ты что, изнасиловал кого-нибудь? Убить-то у тебя пороху не хватит, а вот сексуальное насилие...

Молодой человек побледнел от бешенства.

— Это все от занятий спортом, — сказал Гусев наставительно. — Нынешняя мода на здоровый образ жизни приводит к тому, что молодежь слишком много времени отдает физкультуре. Если бы они вместо этого занимались онанизмом, кривая сексуальной преступности резко пошла бы вниз. Ты смотри, какую мускулатуру отрастил... Интересно, она у тебя везде такая?

— Что вам нужно, Гусев? — прошипел Иван.

— Ваня! — почти крикнула Майя. — Остынь.

— Вот именно, — поддакнул Гусев. — Остынь и сядь. Кофейку выпей.

Иван, тяжело сопя, протолкался мимо Валюшка и уселся рядом с Майей, положив на стол добела сжатые кулаки. Майя налила ему кофе, и молодой человек судорожно вцепился в кружку.

— А теперь расскажи, почему ты с таким нетерпением ждешь выбраковки, — предложил ему Гусев.

— Обойдется!

— За тобой ведь ничего особенного пока нет. Или уже есть?

— Да идите вы!

— Ваня... — Майя взяла Ивана за руку, но тот вырвался.

— Оставь, мама! — резко бросил он. — Ты же знаешь, что сейчас будет. Добренький миленький дядя Паша начнет читать мне нотацию.

— Ага! — кивнул Гусев.

— А я не буду его слушать! Понятно вам, Гусев?

— Ой-ой-ой!

— Не буду!

— Будешь, Ваня, — сказал Гусев, и в его голосе прозвучало сознание абсолютной своей правоты. — Еще как будешь. Потому что ты, дорогой мой, слишком далеко зашел в своем желании добиться правды. Ты промахнулся, Иван. Правда была у тебя под носом, но ты проскочил мимо и вляпался в самое что ни на есть вранье.

— Вы хотите сказать, что ничего не было?! — взвился Иван. — Что никто прямо в центре Саратова не расстреливал из автомата трамвай, битком набитый людьми? Что не было десяти трупов и четырнадцати раненых? Что убийца не исчез бесследно?

Валюшок приоткрыл рот и уставил на Гусева. Он об этом случае ничего не слышал. Да и немудре-

но — таких вещей по телевизору не сообщают. И в газетах про них не пишут. Кроме одной газеты — «Эхо Москвы», для которой криминал — любимая тема. По большому счету, главная задача «Эха» — доказывать, что выбраковка себя не оправдывает.

— Все это было на самом деле, Ваня, — сказал Гусев. — Но кто стрелял, ты знаешь?

— Выбраковщик. Сумасшедший выбраковщик. Такой же безумец, как и все вы.

— Ваня! — снова попыталась одернуть молодого человека Майя, но того понесло.

— И вы хотите, чтобы я не писал об этом?! — кричал Иван. Кричал так, что за стеной перестали трещать клавиши и стихли голоса. — Вы поставили на колени всю страну! Вы изгнали из нее всех нормальных людей! А остальных превратили в скотов, которым нужно только жрать и трахаться! А теперь вы сходите с ума от того, что вам некого больше убивать! И вы хотите, чтобы я молчал?! Давайте заткните мне рот! Мне плевать, тираж уже на улицах! Давай читай свою «птичку», фашист!

Нависая над столом, Иван тянулся к Гусеву и орал еще что-то несусветное про палачей и садистов. Валюшок украдкой расстегнул кобуру игольника. Гусев, морщась, отворачивал лицо и отмахивался — мол, незачем так орать, он все прекрасно слышит. Майя дергала Ивана за рукав. Наконец тот выдохся, и наступила относительная тишина. За стенкой кто-то гулко откашлялся и вновь принялся терзать клавиши.

— Кто тебе сказал, что это был выбраковщик? — спросил Гусев, утираясь носовым платком — Иван собеседника основательно заплевал.

— А вы, конечно, не знаете, кто это был? — сиплым голосом поинтересовался Иван. С большой издевкой поинтересовался.

— Час назад еще не знали. Момент. Леша, дай-ка мне «книжку».

Валюшок одной рукой вытащил ноутбук и подвинул его Гусеву. Тот быстро, почти не глядя, подсоединил «книжку» к своему трансиверу, наладил связь и принялся играть кнопками, пристально глядя на экран.

— Нет, Ваня. До сих пор не знаем, — сказал он, возвращая ноутбук Валюшку.

— То есть человек со значком АСБ на лацкане расстреливает трамвай, и вы не знаете, кто это?!

— Ваня, не будь ребенком. Ей-богу, лучше бы ты побольше занимался онанизмом.

Валюшок незаметно вытянул игольник из кобуры и под столом направил его на Ивана. Он был в полной уверенности, что сейчас их с Гусевым примутся зверски избивать табуреткой. В тесном пространстве кухни хороший замах исключался, да и Майя наверняка повисла бы у парня на руках, но Иван действительно выглядел чересчур сильным для того, чтобы с ним церемониться. Валюшок уже намертво затвердил главное правило выбраковщика — не стреляй без необходимости, но всегда стреляй первым. На собственной шкуре прочувствовал.

— Ваня, ты же знаешь, он никогда не врет, — сказала Майя.

Иван смерил ее таким презрительным взглядом, после которого хорошая мать открыла бы настежь дверь и отвесила сыну прощального пендаля. Но Майя была, наверное, не просто хорошая, а очень хорошая мать. Между делом Валюшок отметил, что сын на маму вовсе не похож. «Спорим, что он приемный и его настоящих родителей забраковали, — подумал он. — Смахивает на мелодраму, но почему бы нет? Все-таки Агентство вмешалось в судьбы миллионов людей. Каждого двадцатого мы вышибли. Мы. И я тоже. Уже».

— Ты давно копаешь под АСБ, Иван, — сказал Гусев очень спокойно. — И то, что у меня в Агентстве имеется э-э... определенный статус, ты знаешь отлично. Некоторые особые каналы информации для меня открыты, и вообще. Поэтому, кстати, несмотря на все театральные эффекты, ты, дружище, терпишь мой э-э... интерес к работе вашего издания. Все еще полулегального издания, хотелось бы напомнить. Терпишь, Ваня, согласись. И вот я тебе сейчас говорю: все наши на месте. Понял?

— А с чего вы взяли, Гусев, — очень вкрадчиво спросил Ваня, — что я вам не верю?

— Та-ак... — протянул Гусев.

— Вот именно. Давайте представим на минуточку, что ваша хваленая закрытая информация проходит через фильтр. Там, наверху. На самом верху. И вы просто не знаете, Гусев, что в действительности творится в вашем обожаемом Агентстве. Нет, нет. — Иван выставил раскрытую ладонь, упраждая саркастическую фразу Гусева, которая вот-вот должна была сорваться с его презрительно скривившихся губ. — Я не такого высокого мнения об «Эхе», чтобы предположить, будто фильтр поставлен для нас. Вам тоже могут дурить голову. Именно в честь вашего определенного статуса, которым вы так гордитесь, товарищ старший уполномоченный.

— Мне нравится, что ты успокоился, — пробормотал Гусев. — Это мне даже больше нравится, чем то, что ты не желаешь слышать мои аргументы.

— Это был выбраковщик, — сказал Иван жестко. — Докажите, что нет.

— Поймаем — докажем.

— О, когда вы человека поймаете, вы сможете доказать что угодно.

— Химия, Ваня, она не врет. «Сыворотку правды» выдумали слишком давно, чтобы в ней сомневаться.

— Показания, данные против себя, даже под воздействием психотропных средств...

— Это ты будешь говорить на сходках Хельсинкской группы, дружище. Можешь даже кричать. Есть закон, и он гласит: признался — получи. Именно поэтому АСБ не использует пыток и устрашения. Нам это ни к чему, мы должны располагать стопроцентно корректной информацией. Вот почему у нас и ошибок почти не бывает.

— Почти... — Иван криво усмехнулся. — Очень хорошее слово «почти». Очень растяжимое. В общем, Гусев, вы можете воображать себе что угодно. Но я вам говорю — ждите. Случай в Саратове — только первый звонок. АСБ настолько пропиталось насилием, что начинает потихоньку выплескивать его на улицы. Ждите, Гусев. Вам еще придется охотиться на своих. Вы будете убивать друг друга. И вот тут-то я посмеюсь. Со слезами, но посмеюсь. Неужели вы настолько слепы, Гусев? Конечно, я всегда считал вас убийцей, я и сейчас так думаю, мне с вами противно за одним столом находиться, но все-таки... Вы хотя бы достойный противник, вы не такой тупоголовый психопат, как остальные ваши инквизиторы. Неужели вы ничего не видите?

Валюшок все так же незаметно убрал игольник и посмотрел на Гусева. «Выплескивать насилие на улицы». Перед глазами Валюшка сама собой возникла сцена, которую он запомнил в мельчайших подробностях, — перепуганный воришко и Гусев с пригоршней мелочи...

А Гусев снова улыбался. Только очень грустно.

— Мне бы хотелось закончить этот разговор на довольно неожиданной ноте, — сказал он.

Иван непонимающе уставился на Гусева. Похоже, он ждал дискуссии. Но собеседник перехватил управление на себя. Гусев обрезал разговор не только лишь тематически, он еще и гениально сменил интонацию.

— Я расскажу тебе, Ваня, одну короткую историю. Не надо морщиться, она совсем не поучительная. Возможно, ты ее слышал в каких-то обрывках. Но даже внутри Агентства очень немногим она известна целиком и без искажений. Можно?

— Ну-ну... — неопределенно качнул головой Иван.

— Будешь еще кофе, Пэ? — спросила Майя с ясно различимым облегчением.

— Нет, спасибо, мы сейчас пойдем. Так вот... Это даже не история человека. Это скорее история одной концепции...

За стеной опять наступила тишина — похоже, там напряженно прислушивались.

— Был у меня друг, звали его Паша Птицын, — начал Гусев. — Милейший парень, такой очень спокойный, домашний, трогательно влюбленный в свою жену, короче говоря, почти идеальный тип. По образованию социолог. Работал Паша на государство, в каком-то загадочном департаменте стратегических исследований. Впрочем, это важно лишь в том контексте, что Пашины идеи оказались востребованы. Так вот, знакомы мы с ним были с детских лет и общались довольно тесно, но в основном по поводу выпивки и задушевной беседы. И всегда меня в Павле восхищала одна черта — удивительное его добродушие. Вот я, например, от природы страшно злой и изо всех сил пытаюсь эту свою внутреннюю озлобленность не выпускать наружу... Ладно, Иван, не надо смеяться. А тезка мой, он, наоборот, всю жестокость нашего мира как будто не ощущал. Наверное, потому, что был очень большой и сильный — примерно как ты,

Ваня. Уверенный, что любого негодяя придавит голыми руками. Кстати, ему удавалось — помню, нас с ним побить хотели, так я глазом моргнуть не успел, а противник уже за горизонтом скрылся. И однажды произошла с этим милейшим во всех отношениях человеком э-э... как бы помягче сказать. Произошло то, чего врагу не пожелаешь. Ехали они с женой ночью по городу, никого не трогали, и вдруг ни с того ни с сего Пашкиной машине в задницу впаялся джип, битком набитый обкурившимися бандитами. Скорее всего мелкая сошка — так, возомнившие о себе «шестерки». Но ты же сам понимаешь, что делает с человеком наркотик...

— Понятия не имею, — помотал головой Иван.

Гусев оценивающе посмотрел на него одним глазом.

— Верю, — кивнул он. — Тебе вредно знать эти подробности. А то бы ты не смог так яростно выступать против выбраковки пушеров. Христосик ты наш...

— Пэ, хватит! — потребовала Майя. — Зачем ты так?

— Так злой же я, — объяснил Гусев без тени улыбки. — Ладно, опустим прения сторон. А для интересующихся сообщим — любые наркотики растворяют подсознание. Только водки нужно для этого много, и ты вряд ли окажешься в силах этим своим растворенным подсознанием как следует размахнуться и отоварить им ближнего по голове. А вот гашиша, чтобы раскрыться во всей первозданной красе, нужно всего ничего. И ворье, которое в Павла въехало, было уже в нужной кондиции. Началось разбиательство — сколько им Паша должен за оцарапанный «кенгуруятник». И Павел совершил жуткую ошибку. Ему, понимаешь ли, съездили по морде, чтобы знал свое место. А он, такой большой и сильный, оскор-

бился. И начал это ворье колошматить. Только он не учел, что, во-первых, их пятеро, а во-вторых, это не центр города, а глухой спальный район, да еще и граница лесной зоны. Не догадался как-то. Бывает. В конце концов, он был в секретном департаменте не оперативник, а исследователь, да еще и редкий тормоз, который даже в армии не служил. Точь-в точь как ты, Иван. У тебя же язва, верно? Тебе в армию нельзя, вредно... И вообще, Ваня, когда тебя в последний раз били? Так, чтобы не драка случилась, а именно хорошее полноценное избиение?

— Вам это нравится, Гусев, — мило улыбнулся Иван. — Я понимаю. Будьте добры, продолжайте.

— Чтобы все сжалось внутри и кричало: «За что?!» — Гусев мечтательно глядел в потолок. — И ногами тебя, ногами... И чтобы поднялся ты, весь в слезах и кровище, совсе-ем другим человеком. Совершенно другим, Ваня.

— А вас часто били, товарищ старший уполномоченный? — все так же дружелюбно осведомился Иван.

— Били, — сказал Гусев. — К сожалению, били. Поганое ощущение, Ваня, когда тебя бьют и ты ничего не можешь сделать. Если нарочно позволяешь себя бить, чтобы совсем не убили, — это один разговор. И кровища будет, и слезы, но в этих слезах есть момент торжества — ушел, вывернулся, обдурил противника. А бывает, так отмудохают, что лежишь и думаешь — повеситься, что ли?

Майя тяжело вздохнула, забрала у Гусева чашку и налила в нее кофе. Гусев благодарно кивнул.

— Так вот, — сказал он. — Вернемся к моему тезке. Он начал с ними драться. Выскочила жена — разнимать. Успела к шапочному разбору, потому что Пашке моментально пропороли ножом бок, монтировкой раздробили колено, а потом этой же монтировкой сломали руку. Затащили в лес, прислонили к де-

реву и по-быстрому у него на глазах изнасиловали его жену. И нанесли обоим по дюжине ножевых ранений. Жена умерла, а Павел выжил.

— Их нашли потом? — спросила Майя. — Бандитов?

— Нет.

— Как это — нет?!

— Просто не смогли четко установить личности. Машина в угоне, физиономии Павел толком не разглядел — темно было. Скорее всего они, когда очухались, подались в бега. А Павел начал говорить очень не скоро, ему вообще дико повезло. Конечно, если это можно назвать везением в данной ситуации. Пережить такое — б-р-р... Он лежал прикованный к койке и все время что-то печатал на ноутбуке. Когда сил хватало уцелевшей рукой шевелить. Я приходил к нему, мы разговаривали... Нет, это не был растоптанный человек. Павел остался личностью, но что-то в нем, сами понимаете, изменилось кардинально. И он стал по-другому смотреть на некоторые вещи. В общем, Павел лежал, печатал и страшно мучился от боли, потому что потихоньку складывал в матрас таблетки, чтобы потом, когда закончит работу, отравиться. Так получилось, что я оказался чуть ли не последним, кто видел его в живых. Я зашел на минуту, он выглядел очень усталым, но и просветленным каким-то, очистившимся. Как будто сумел оттолкнуть от себя память о несчастье. И я увидел — он готов. Мне сразу показалось, что со дня на день он либо покончит с собой, либо просто тихо умрет. А особенно я в эту версию поверил, когда он передал мне дискету и взял с меня клятву хранить ее, но просмотреть только после его смерти, не раньше. Я, конечно, сказал, что к тому времени, когда он умрет, трехдюймового дисковода будет днем с огнем не сыскать. Но он только улыб-

нулся. Мы попрощались, я ушел. А он достал припаянныес таблетки и съел их.

— Если ты догадывался... — начала Майя.

— А хоть бы и уверен был на сто процентов.

— Почему?!

— Вспомни, с кем разговариваешь, — криво усмехнулся Иван.

— Видишь ли, Майя... — Гусев отхлебнул кофе и потер ладонью глаза. У него был усталый вид, он будто состарился, рассказывая эту историю. — В принципе у человека нет права кончать с собой. И Бог не велел, да и вообще это выход слабака или безумца. Но случаются частные случаи. Извини за тавтологию, или как это там... Случаются. С Пашей Птицыным был как раз такой. Особенно мне это стало ясно, когда я просмотрел дискету. Видишь ли, Паша был не особенно талантлив, да и в простом житейском понимании не очень умен. Но зато оказался хорошо информирован. Ему были видны некоторые процессы в верхушке общества, которые должны были прийти к своему завершению в ближайшие месяцы. Не хватало только концепции, хорошо сформулированной идеи, чтобы эти процессы обрели, так сказать, идеологическую базу. Чтобы было за пазухой громкое слово, которое можно бросить в народ.

— Я понял. — Иван снова криво усмехнулся. — Вот отчего произошел «январский путч».

— Ну, это ты утрируешь. Путч не мог не произойти. Более того, он не мог не удастся. Но вот последствия его оказались такими, какими... Какими оказались — из-за Пашиной разработки.

— Вы отдали дискету отцу, тот восхитился и пустил ее в дело! — Иван, казалось, сейчас начнет хохотать.

Валюшок обалдело глянул на Гусева. Гусев улыбался.

— Зачем? Думаю, Павел сбросил текст по сети

куда надо. А я вообще никому не показывал дискету. Более того, я ее уничтожил. Но кое-что запомнил на-всегда. Например, оригинальный текст «птички». Она начиналась со слов: «Вы имеете право умереть».

— Птицын, конечно же! — воскликнула Майя.

— Это был мой последний долг тезке, — кивнул Гусев. — Никто из гражданских не знает, что «теорию Сверхнасилия» и основные принципы выбраковки разработал именно он. Думаю, он тоже предполагал, что его имя канет в Лету. Но Павел чертовски хотел отомстить тем ублюдкам. И добился этого, правда, несколько экстравагантным способом. А я проследил за тем, чтобы они знали хотя бы косвенно, кто именно сводит с ними счеты. Когда ваш покорный слуга пришел в выбраковку, «птичку» называли по-разному, кто «последним словом», кто «молитвой». И я рассказал парням историю Павла Птицына. Что особенно интересно — мне за это ничего не было.

— Папочка заступился, — ввернул Иван. Он все еще пытался заслониться от истории, которую только что услышал.

— Ты меня с кем-то путаешь, Ваня. — Гусев внешне был безмятежен, но в голосе его прорезалась какая-то едва заметная щемящая нота. — Мой отец умер за много лет до путча. Даже если бы он был настолько влиятелен, как ты думаешь...

— Секундочку! — Иван выглядел удивленным. Впервые за весь разговор Гусев его всерьез озадачил. История Птицына Ваню не тронула, похоже, совершенно. — Так разве вы не ТОТ Гусев?

— Да я вообще не Гусев, — сказал Гусев. — И даже не Павел.

Иван отчего-то покосился на Валюшку.

— Идите вы на хрен, НЕ Гусев, — посоветовал он. — Идите вы к чертовой матери с вашими байками и вашей бесконечной игрой.

— И пойду. — Гусев встал, Валюшок тоже поднялся. — Спасибо за кофе, Майя. Увидимся еще. А с тобой, Иван, я надеюсь, это у нас была последняя встреча.

— Это что еще значит? — очень тихо спросила Майя. Лицо ее вдруг осунулось.

— Он так ничего и не понял, Майя Захаровна. Он, похоже, вообще не понимает, в какой стране живет. О чем мне с ним разговаривать?

— Гусев!!! — голос Майи сорвался на крик.

— Ты в России, парень, — сказал Гусев. Смотрел он только на Ивана, прямо в глаза. — Подумай об этом на досуге. Вспомни историю этой страны. Постарайся нащупать хоть малейший контакт с ее пульсом. А не получится, так мой тебе совет — вали в свой Израиль и никогда не возвращайся назад.

— Разве Иван еврей? — спросил Валюшок, когда они с Гусевым уселись в машину и ведущий расслабленно закурил.

— Почему еврей? — удивился Гусев.

— Ну, ты сказал — вали в свой Израиль...

— А-а! Это я так. Просто шпилька. Ваня полагает, мне неизвестно, какой он махровый антисемит. Не читал такую брошюрку — «Кремлевские звезды Сиона»? И не читай. Его работа. Думает, в Агентстве и этого не знают. Ха! А туда же — европейца из себя корчит, правозащитника. Щ-щенок. С удовольствием бы его шлепнул при задержании, Майю только жалко.

— Это ты так говоришь, чтобы пар выпустить, — сказал Валюшок убежденно. — Я же тебя знаю, Гусев. Хотя ты, оказывается, и не Гусев.

— Да Гусев я, расслабься. Конечно, ТОМУ Гусеву я не родственник. Это Иван промахнулся. Что вновь доказывает, какой он болван и непрофессионал.

— Может, и Птицына тоже не было? Слушай, ведущий, ты вообще предупреждай, когда тебе можно верить, а когда не стоит.

Гусев повернулся к Валюшку и крепко взял его за отворот куртки.

— Когда я говорю с тобой, верь каждому слову, — чуть ли не приказал он. — Когда я разговариваю с потенциальным браком, можешь не верить ничему. Такой расклад тебя устроит?

— Устроит. Так был Птицын или нет?

— А садись-ка ты, мил друг, за баранку, — оборвал Валюшка Гусев. — На работу пора.

Они поменялись местами, Валюшок повернул в замке ключ. Гусев молча курил, глядя в окно. И подал голос, только когда машина заехала на парковку во дворе офиса Центрального.

— Его настоящая фамилия была Лебедев, — сказал он. — Лебедев Павел Леонидович. Вот так. По-моему, близко — Лебедев, Птицын, особой разницы нет. И тот, и другой... с крыльышками. Если кому-нибудь расскажешь — убью.

ГЛАВА
ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Такое положение дел — сочетание любви и страха — как нельзя лучше соответствовало планам Влада. Тому, кого боятся и в то же время любят, легко собрать армию.

В подвальном тире громогласно препирались Данилов и Мышкин.

— Не моя это дырка! — кричал Мышкин, потрясая в воздухе размочаленной мишенью. — Это ты, гад косой, так сказать, запузырил!

— Ты еще скажи, что нарочно!

— А-а, значит, нарочно!

— Да у нас же патроны под счет, дубина! Ты сам и пересчитывал!

— Я-то, так сказать, пересчитывал. А кое-кто, так сказать, потом еще ковырялся, заело у него, так сказать, видите ли!

Гусев осторожно втерся между двумя здоровяками.

— Третейского судью вызывали? — спросил он. — Туточки я. Такса по стакану с рыла. Судить буду строго, но справедливо.

— О! — расплылся в улыбке Данилов. — Здорово, Пэ. Добрался-таки до своего друга Шацкого? Поздравляю.

Мышкин раздраженно отшвырнул в сторону мишень.

— Пэ, этот снова мухлюет, зараза, — пожаловался он. — Влепил мне дырку в самое, так сказать, «молоко».

— И не в какое не в «молоко». Чистая семерка... Или шестерка. Расслабься, это ничего. Бывает...

— Ну что мне его — обыскивать, что ли? Откуда я знаю, может, он лишний патрон в заднице, так сказать, прячет...

— Ты мои выстрелы считал?! — заорал Данилов. — Считал или нет?!

— Встали, значит, на позицию, а он возится, перекос у него, видите ли... Двадцать раз затвором щелкал!

— Ребята, на полтона ниже, а? — попросил из-за стола в углу инструктор. Он разговаривал по телефону. — Мне жена звонит, имейте совесть.

— Ты ему сколько, так сказать, патронов выдал?

— Сам знаешь, обоим поровну. Мышкин, я тебя умоляю... Что? Маш, извини, у меня тут сумасшедший дом на тренировку приехал... А?

— Это наглая, так сказать, подлая и циничная выходка, достойная всяческого осуждения! — провозгласил Мышкин. — Короче, Пэ, скажи, что ты его осуждаешь.

— Данила, я тебя осуждаю, — послушно сказал Гусев. — С ног до головы. В следующий раз стреляй хуже, чтобы коллеге Мышкину было не так обидно.

— У коллеги Мышкина просто руки дрожат после вчерашнего, — парировал Данилов. — Он сначала в тренажерном зале переусердствовал, а потом за столом окончательно надорвался. Ничего, бывает...

Мышкин сунул Данилову под нос внушительный кулачище.

— Я могу толкнуть двести кило, — сказал он, — а потом выпить два литра. И у меня ни один пальчик не дрогнет.

— Так сказать, короче, значит, — напомнил Гусев. — Мышкин, ты, когда волнуешься, напрочь выходишь из образа. Ты, наверное, когда стрелял, тоже волновался. Так сказать.

Мышкин почесал в затылке.

— Я правда лажанулся? — спросил он уже вполне мирно.

— Ты просто немного отвлекся, — утешил его Данилов. — У тебя был какой-то отсутствующий вид. И потом, это все-таки твердая шестерка. Или даже семерка.

— Кажется, третейский судья больше не нужен. Так где мои два стакана? — напомнил Гусев.

— Две собаки, — бросил Мышкин. — Данилу опять послали, так сказать, псу под хвост.

— И я, так сказать, снова развонялся, — хмыкнул Данилов. — А этот, значитца, славный русский богатырь...

— Я говорю — чего ты, мать твою, орешь, значит,

на все отделение? Хорошая тренировка по движущейся, так сказать, мишени. Ну и, короче, подставился. Этот, блин, хитрый Алеша Попович заначил лишний патрон...

— Опять двадцать пять!

— Короче, мне теперь вести группу на собак, — хмуро заключил Мышкин. — На той неделе. Мало того, что график, так сказать, ломается...

— Да ладно, у тебя группа послушная, — утешил его Данилов, у которого в глазах так и играли лукавые огоньки.

— Послушная-то она послушная... — вздохнул Мышкин. Он подобрал свою мишень и пристально на нее уставился. — Боже мой, какой срам! Данила, а Данила... Может, еще разок?

— Хрена, — отрезал Данилов, мгновенно напрягаясь. — Обосрали — обтекай. Не умеешь — впитывай. Привыкай — бывает...

— Мужики, а я ведь по делу к вам, — сказал Гусев. — Насчет провокации в Саратове есть идеи?

У инструктора, который по-прежнему внимал голосу из телефона, дернулось свободное ухо.

— Какие тебе идеи? — спросил Данилов. — Как поймать гада? Нет идей. Кому это выгодно? Кому угодно, вплоть до ментов.

— Это сделали диссиденты... — пробормотал Мышкин, засовывая палец в злосчастную дырку на мишени. — Какой-нибудь, так сказать, сумасшедший правозащитник... Ранее не зарегистрированный...

— И где он взял автомат?

— У бандитов купил. — Мышкин вытащил палец из дырки и опять бросил мишень под ноги.

— А убирать кто будет? — осведомился инструктор. — Нет, Маш, это я не тебе...

— Откуда в Саратове бандиты с автоматами?

— Прямо стихи, — ухмыльнулся Данилов. — Хожу я по Саратову, махая автоматом.

— Что за слово — «махая»? — сморщился Гусев. — И не настолько правозащитники сумасшедшие, чтобы устраивать такие провокации.

— Правозащитники все сумасшедшие, — не согласился Данилов. — Зачем нормальному человеку защищать права, которые и так соблюдаются?

— А что ты, собственно, знаешь об этих правах? — ехидно осведомился Гусев.

— Да он их, так сказать, каждый день зачитывает, — ввернул Мышкин. — Право оказаться сопротивление, право не отвечать на вопросы...

— Идите вы! — обиделся Данилов.

— Мышкин, подбери мишень и положи в урну, — напомнил инструктор, кладя наконец трубку. — Кстати, право оказаться сопротивление — отличная штука. Честнейшая. Только надо бы его расширить. Например, мне позарез нужно конституционное право оказывать сопротивление теще. Вплоть до огневого контакта.

— Паяц, — сказал Данилов. — Клоун. Слушай, Гусев, чего тебе надо? Я готов хоть сейчас с тобой забиться, что этот случай не будет расследован. Хотя нет, спорить не на что, ты же без группы, тебе на собак водить некого.

— Я не знаю, чего мне надо, — вздохнул Гусев.

— Бабу тебе надо, — сказал Мышкин, запихивая мишень в урну. — И все снимет, так сказать, как рукой.

— У меня есть! — огрызнулся Гусев.

— Да у тебя опять какая-нибудь, так сказать, одноразовая.

Данилов заржал. Инструктор выдавил из себя мечтательный стон.

— И ничего не одноразовая. Прекрасная резина, сносу нет.

Выбраковщики дружно вытаращили глаза.

— Попались? — спросил Гусев, без особого, впрочем, триумфа в голосе.

— Тыфу на вас! — рявкнул инструктор, глядя на часы. — У меня уже пятую минуту обеденный перерыв. А ну брысь отсюда! Гусев, построй их и выводи. А то они сами не умеют, в ногах заплетаются.

— Сейчас, размечтался, так сказать, — бросил Мышкин. — Майор Данилов, через туалет выходим строиться на улицу.

— Слушаюсь, товарищ капитан. Разрешите бегом, товарищ капитан.

— Разрешаю, товарищ майор. Пэ, ты идешь?

— Я догоню, — кивнул Гусев, подходя к столику инструктора. Тот, не задавая лишних вопросов, придвигнулся к себе журнал.

— Чего прикажете? — спросил он. — Помпы, вибраторы, фаллоимитаторы? Есть отличный анальный разрядник. Стимулирует непосредственно простату. Контрабандный товар, от сердца отрываю. Слушай, Пэ, ты правда с резиновой бабой спишь?

— Правда.

Инструктор наклонил голову и из-под бровей внимательно рассматривал Гусева чуть ли не минуту. Тот ждал с непроницаемым лицом.

— Врешь, — заключил инструктор. — Ну и как это?

— Такая же скука, как и с одноразовой.

— А вот я бы за одноразовую... Гусев, будь другом, черкни телефончик. А лучше два.

— Они никогда не оставляют телефонов. Наверное, им со мной тоже не очень весело.

— Жаль, — вздохнул инструктор. — Так чего тебе?

— Упаковку бронебойных.

Инструктор снова одарил Гусева оценивающим взглядом.

— Только без протокола. Из заначки, — тихонько сказал Гусев.

Инструктор отвернулся и забарабанил пальцами по журналу.

— И чтоб ни одна сволочь не пронюхала, — добил его Гусев. — Я знаю, что ты не болтун. Но... Чисто по-товарищески.

— Я-то не болтун. Никто не болтун, пока к нему дознаватель со шприцем не явится. Что тогда прикажешь делать?

— Ты меня неправильно понял, — улыбнулся Гусев. — Странно, вроде бы сидишь в таком месте, где все слухи оседают, а понял — неправильно... Знаешь, сколько молодых прошло через подготовительные курсы в прошлом месяце?

— До фига, — кивнул инструктор. — Я еще подумал — куда столько?

— Вот именно. И все действительно молодые, ни в коем случае не старше тридцати. Совершенно другой народ, совсем непохожий на нас. Болваночки. Пластичный материал.

— Твой-то вроде не такой, — усомнился инструктор.

— Почти такой, хотя и не совсем. Может быть, поэтому его и поставили на маршрут. Сколько к нам в Центральное пришло салабонов? Трое? Четверо? А где остальные? Кто их учит сейчас, где и, главное, чему?

— Может, их на периферию загнали.

— Москвичей?

— Так их что, для нас, по-твоему, натасывают?!

— Есть и такая версия, — ответил Гусев уклончиво.

Инструктор смешно вытаращил глаза, мучительно сглотнул и надолго умолк.

— Я из-за тебя так и не пообедаю, — буркнул он наконец.

— Давай патроны, и я пошел.

— Да мне кусок в горло не полезет, тормоз! И что ты предлагаешь, Гусев?

— Предлагаю выдать Гусеву упаковку неучтенных бронебойных. И себе тоже.

— А остальным? Думаешь, у меня тут склад боеприпасов? Гусев, ты сумасшедший. А ты уверен? Что же делать? Может, когти рвануть?

— Куда?

— Некуда. — Инструктор сокрушенно покачал головой. — О господи, какого рожна я полез тогда в чекисты?! Ну почему я не стал каким-нибудь слесарем!

— Слесарей тоже браковали, — напомнил Гусев. — Мы же с тобой и браковали. Так дашь патроны или как?

— У меня на всех не хватит... — простонал инструктор. — Даже по десятку на нос не получится... И украдь больше негде. Гусев, как же так? Нет, ты уверен? Ты просто догадался или что-то знаешь? Тебя что, отчим предупредил? Да не молчи же ты, Гусев!

— Хватит ныть, — попросил Гусев. — Я пока ничего точно не знаю. Но у меня очень нехорошие предчувствия. И мне будет спокойнее, если я получу хотя бы обойму настоящих патронов. На самом деле если что и начнется, то зимой. Когда мороз, нас будет легче отловить. Есть приличный запас времени, чтобы свалить в Африку.

— До зимы-то далеко... — Инструктор подозрительно сощурился. — Гусев, хочешь на колени встану?

— Зачем? — удивился Гусев.

— Если что-то разнюхаешь, капни мне. Вдруг я найду какое-нибудь окошко по старым каналам? Вместе и сорвемся.

— Значит, остались старые каналы? — улыбнулся Гусев. — Хитрец.

— Никому, — предупредил инструктор. — С того света достану.

— Хитрец, — повторил Гусев.

— Зато я не задаю дурацких вопросов. Например, чего ты сам-то так беспокоишься... Гусев Павел Александрович.

— Вот и не задавай.

— И не буду. — Инструктор снова посмотрел на часы. — Ты сегодня заступаешь?

— Да, в ночную.

— Тогда загляни перед выходом. Я же их не здесь держу. И нечего так на меня смотреть! Подземный ход в твою любимую Африку я еще не выкопал.

— А жаль, — сказал Гусев очень серьезно.

ГЛАВА
ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

...всему населению страны были понятны и близки идеи, вдохновлявшие Влада на его деяния.

— Ничего не понимаю, — бурчал дежурный, глядываясь в монитор оперативной информации. — Где у меня все свободные тройки?

Гусев заглянул в окошко.

— А двойка пойдет? — спросил он.

Дежурный поднял глаза на Гусева и весь просиял:

— Пэ, выручай! Спасателям помочь нужна. Прямо тут, на Новом Арбате, самоубийца в окне расселся. Ждет, видите ли, пока толпа побольше соберется. Потом, говорит, прыгну.

— Знаем мы таких, — отмахнулся Гусев. — Не прыгнет он. Особенно если много зрителей будет.

— Пэ, я тоже не мальчик. Но как раз зрителей нам и не хватало в самом центре города. А этот придурок ноги свесил с подоконника наружу и матерные частушки орет. Главное, личность пока не установлена. Он просто зашел в небольшой офис, схватил табуретку, выгнал персонал за дверь и заперся. Дверь стальная; с замком нужно возиться, а если он услышит и все-таки прыгнет?

— Где это?

Дежурный повернул к Гусеву монитор.

— Интересно, как он прошел внутрь здания, — сказал Гусев, разглядывая схему. — Либо охрана проворонила, либо он там работает.

Валюшок привстал на цыпочки и заглянул через плечо ведущего. Гусев подвинулся, чтобы тому было лучше видно.

— В доме без малого сотня контор, мы просто не успеем вычислить, кто это. Я отправил на всякий случай «труповозку» и психолога.

— Здесь психолог ни к чему. Пока он будет клиента уговаривать, пол-Москвы сбежится на бесплатный цирк посмотреть.

— А что ты предлагаешь?

— С противоположной стороны проспекта, вот отсюда... Да, вот отсюда, с балкона, сбить его пулей внутрь помещения. И спасатели могут возиться потом с дверью сколько влезет. Только нужна бесшумная снайперка.

— Ага! — восхликал дежурный. — Блестяще. Роскошно! А если... — Он вдруг замялся. — М-м-м...

— Это же чистой воды брак, — сказал Гусев. — Разве нет?

— Может быть, — неуверенно пробормотал дежурный, отворачиваясь к мониторам слежения и дви-

гая рычажки. — А может, этот козел — фишка какая-нибудь. Ты его шлепнешь, а у него большой и толстый папочка объявится.

— Ну, пусть сам и разбирается, почему его сынок решил счеты с жизнью свести. Да еще и путем устройства беспорядков в центре города.

— М-м... Так внизу менты стоят, не дают народу задерживаться. Вообще идея отличная. Гусев, смотайся туда, а? Реши проблему.

— А я-то что могу сделать? Тем более психолог уже на месте. Верно, Леха?

— Угу, — поддакнул Валюшок.

— Ты же сам предложил...

— Что я предложил?

— Гусев, не пудри мозги дежурному по отделению, — попросил дежурный. — Твоя идея его сбить? Вот хватай берданку и двигай на место. Осмотрись, выяснишь у психолога, какие шансы, примешь решение и мне доложишь.

— Так снайперов же сократили...

— Снайперов — да, а винтовки — нет. Там дистанция сто метров. С такого расстояния и я попаду.

— Да я в жизни снайпингом не занимался!

— А напарник тебе на что? Биатлонист?

Гусев посмотрел на Валюшку. Тот закусил губу и сделал неопределенное движение глазами.

— Уполномоченный Валюшок! — позвал дежурный, щелкая клавишами. — Ясна задача? Требование в оружейку я послал. Беги получай агрегат.

— Что ж, беги, Леха, — сказал Гусев.

— Я в принципе держал эту штуку в руках, — начал Валюшок. — Но...

— Давай, парень, не тормози! — прикрикнул дежурный. — Пока этот мудак сам не грохнулся и не устроил нам ЧП. Я его уже на Гусева в брак записал.

Валюшок развел руками и нарочито вялой походкой ушел.

— Вот только так и надо, — сообщил дежурный. — Безо всяких антимоний.

— Дурак ты, Корнеев, — сказал Гусев.

— Если твой ведомый такой чувствительный, стреляй лично, — милостиво разрешил дежурный. — Только не вздумай мне травить, будто клиент сидит неудачно, может на улицу выпасть, и все такое. Я его прекрасно вижу, он уселся лучше некуда. Одна пуля — и готов. Кстати, этот спектакль уже десять минут идет, мы в норматив не укладываемся. Так и так выговор склоночку, а все из-за тебя...

— Дернул же меня черт мимо пройти...

— Я бы тебя все равно нашел. Знал, что ты придумаешь что-нибудь толковое.

— Да этому фокусу сто лет! Кто угодно...

— Гусев, тебе работа надоела? — вкрадчиво спросил дежурный. — Ты скажи, я зафиксирую.

— И докладную нарисуешь?

— Запросто. Ну, где этот твой салабон застрял? Медвежья болезнь прихватила?

С подвальной лестницы донеслись шаги. Появился Валюшок с продолговатым чехлом под мышкой. Гусев нырнул в окошко дежурки и поманил Корнеева пальцем. Тот со сладкой улыбкой придвинулся.

— Не трожь моего салагу, ясно? — прошипел Гусев. — А то не ровен час и сам заболеешь.

Корнеев улыбнулся еще шире.

— Угроза дежурному? — спросил он. — Неуставные взаимоотношения? А ну дуйте отсюда! А то будущим выговором поделюсь. Распишу в отчете, как ты со мной пререкался.

Гусев зарычал, но из окошка выбрался.

— Пошли, Леха, — сказал он. — Устроим побоище на радость прогрессивной общественности.

Когда двойка Гусева исчезла за дверью, молчавший до этого помощник дежурного подал голос.

— Что это с ним? — спросил он. — Сам же предложил, а потом отказывается. Тоже мне, выбраковщик...

Корнеев достал из кармана перочинный ножичек и принялся чистить ногти.

— Да гнать его надо взашей, — бросил он через плечо. — Или сразу браковать. Видел, какие глаза? Жуткий тип. Кстати, ведь гнали его уже. Вернулся.

— Это как? — удивился помощник.

— Просто в отличие от некоторых у Паши Гусева большой и толстый папа, — сказал Корнеев. — Не-наци-жу... Ушла машина?

— Да, ушла. Фиксирую время?

— Нет. — Корнеев сложил нож и убрал его на место. — Время ему нарисуй, какое по нормативу положено.

Помощник бросил на дежурного удивленный взгляд.

— В выбраковке проблемы решаются не так, — сказал Корнеев, отворачиваясь к мониторам слежения и разворачивая одну из камер на проспекте, чтобы видеть балкон, с которого Гусев намеревался стрелять. — Привыкай, сынок...

— Ага, — ухмыльнулся помощник. — Когда случается конфликт, вы просто убиваете друг друга.

Корнеев через плечо глянул на него и презрительно скривил губу.

— Больше нет, — сказал он. — Слишком мало нас осталось.

Отправив Валюшка на балкон, Гусев оставил машину, бегом спустился в переход и через пару минут оказался на другой стороне проспекта. Уличные динамики вовсю наяривали музыку, удачно заглушав-

шую вопли самоубийцы. Зевак внизу не наблюдалось, милицейский наряд украдкой поглядывал вверх.

«Труповозка» стояла во дворе, рядом пристроились знакомые машины — приехал дознаватель с «группой поддержки». Гусев облегченно вздохнул — на объекте появился старший, который будет в случае чего отвечать за все.

За столом в вестибюле здания внимательно разбирал пропуска громила со значком АСБ, а рядом переминались с ноги на ногу трое пенсионеров весьма преклонного возраста, в форменной одежде. Гусев этот тип людей отлично знал — элитарная вохра, всю жизнь на боевом посту. Что бы ни охранять — лишь бы охранять. Такие же недобитые вертухаи стояли на всех дверях в Центральной клинической больнице, где случалось полеживать отцу Гусева, и чинили там форменный беспредел. Верные сторожевые псы, въедливые и злобные, бумажки проверять и никого не пущать — лучше не придумаешь. Сейчас лица у сторожевых псов были вытянуты куда больше обычного и стали вовсе уж овчарочными.

У Гусева с такими горе-охранничками были давние счеты. Он их с детства возненавидел.

— Ну что, пердуны старые! — радостно воскликнул Гусев. — Устроили нам ЧП?

Выбраковщик на миг оторвался от бумажек, кивнул Гусеву и буркнул:

— Расстреляем на х...й всех троих...

После чего вернулся к своей работе. Наверное, он тоже хорошо знал и поэтому не любил недобитых вертухаев.

— Товарищ... — проникновенно заблеял один из пенсионеров, бросаясь к Гусеву и чуть ли не повисая на нем. — Товарищ...

Из бюро пропусков вышел еще один выбраковщик с пухлой засаленной амбарной книгой в руках.

— Отставить! — скомандовал он. — По стеночке построились.

Гусев брезгливо отодвинул старика и прошел к лифтам. Позади начались сдавленные рыдания, хватания за сердце и закатывания глаз. «А ведь доведут кого-нибудь до инфаркта, — злорадно подумал Гусев про юмористов из «группы поддержки». — Господи, какое счастье, что все эти железобетонные деды скоро вымрут. А мы уже не станем такими. Во-первых, вряд ли доживем. Во-вторых, мы все равно совершенно другие. Мы просто не знаем того чудовищного порядка, который раздавил достоинство уходящих поколений. А нынешний порядок, как к нему ни относись, человеческое достоинство не ущемляет. Он может разве что убить тебя».

В коридоре пятнадцатого этажа толпились спасатели, милиционеры и выбраковщики.

— Эй! — негромко крикнул Гусев. — Где старший?

Из толпы выглянула парень в дорогом костюме и с явной нехваткой волос на голове. В руке он держал штатный аэсбэшный трансивер.

— Вы Гусев? Очень приятно. Лапин, государственный дознаватель второго ранга.

— Какие указания, старший? — спросил Гусев. — Тебе доложили, что мы намерены предпринять?

— Да, мне дежурный сказал. Ваш снайпер уже на позиции?

— Сейчас выясню. Господа, — Гусев обернулся к спасателям, — не найдется ли бинокля на минуточку? И откуда здесь можно выглянуть наружу?

— Да откуда угодно. Только не из этой комнаты, тут психолог работает.

— Животом на подоконнике висит, — объяснил

дюжий спасатель, протягивая Гусеву прибор наподобие оптического прицела.

— Вы петлю накинуть не пробовали? — спросил его Гусев. — Лассо?

— Он ноги к стене прижал. За башмак зацепим — навернется. Зато наш медвежатник с замком почти уже разобрался. Один щелк — и готово. Вот если бы не щелкать... Услышит же, педрила, и как пить дать сбросится! Видели мы таких...

Гусев кивнул ишел в первую же открытую дверь. Достал трансивер и перевел радио на канал для переговоров внутри двойки.

— Ты на месте, Леха?

— Готов, — отозвался Валюшок.

Гусев посмотрел за окно. Валюшка на условленном балконе не оказалось, только дверь была распахнута. «Молодчина, — подумал Гусев, поднося к глазу монокуляр. — Умница».

Так и есть, Валюшок устроился на лестничной клетке, даже ствол наружу не торчал.

— Молодец, Леха, — сказал Гусев. — Сиди пока, жди команды. Самочувствие?

— Нормальное. Клиента вижу прекрасно. Что-то он на психа не особенно похож.

— Главное, чтобы упал внутрь, а там разберутся. Эй! Леха, ты не перепутал?! Там в соседнем окне наш психолог.

— Вот психолог-то как раз абсолютно сумасшедший...

— Валюшок! — прикрикнул Гусев. — В каком окне клиент?!

— Да в левом от меня, в левом, что же я — совсем обалдел?

Гусев облегченно вздохнул. Но что-то вдруг защемило внутри.

Оказывается, ему совершенно не хотелось, чтобы Валюшок стрелял в живого человека, единственная вина которого — желание покончить с собой при большом стечении народа.

«Интересно, кого я жалею больше — психа или Валюшка? Да Лешку, конечно же».

— Вот сиди и жди команды, — сказал он и вышел в коридор. Там почему-то стало гораздо просторнее. Гусев едва успел сунуть монокуляр в руку спасателя — люди в синих куртках с желтыми полосами быстро уходили, волоча свое оборудование. Остался только один у двери, наверное, спец по взлому замков.

— Лапин! — крикнул Гусев. — Мой боец на месте, клиента видит, готов стрелять.

— Разрешаю, — махнул рукой дознаватель.

— Секундочку! — удивился Гусев. — А основание? Дознаватель нахмурился:

— По-моему, вам не обязательно это знать. Достаточно устного приказа старшего на объекте.

— Мне-то как раз обязательно. Я не вижу острой необходимости применять силу. Внизу ни одного человека, клиент никому не мешает жить. Что психолог, каково его мнение?

— Успокойтесь, Гусев. Мы установили личность клиента. Это брак, можете стрелять.

— Товарищ государственный дознаватель, — сказал Гусев. — Прошу разрешения лично осмотреть клиента.

Лапин оглянулся на парней из «группы поддержки», словно ища защиты. Но эта группа, судя по всему, про выбрakovщика Гусева из Центрального слышала, а подозрительно юный дознаватель Лапин им был до лампочки.

— В противном случае, — настаивал Гусев, — я потребую дополнительной санкции от дежурного по

отделению и старшего дневной смены и попрошу их зафиксировать мое особое мнение.

— Да идите, любуйтесь, — пожал плечами Лапин. — Только побыстрее.

Психолог как раз слезал с подоконника.

— Что скажете? — поинтересовался Гусев.

— До земли не долетит, грохнется на пристройку, — сообщил психолог. — Разве что если разбежится от самой двери...

— Вы именно это с ним полчаса обсуждали?

— Разумеется.

Гусев раздраженно крякнул.

— А вы разве не в курсе? — удивился психолог. — А-а... В общем, клиент надеется, что его узнает кто-нибудь внизу. Сам загнал себя в ловушку. До асфальта не допрыгнуть, за дверь не выйти...

— Детский сад какой-то! Так он будет самоубиваться или нет?

— Нет, конечно. Истерика уже прошла, а так он более или менее в порядке. К тому же боится высоты. Уже боится,протрезвел. Но переговоры его не устраивают. Говорит — либо все уходят, либо он прыгает.

— Реально его уболтать?

— За пару часов — да. Его скоро начнет потихоньку ломать, и тогда он станет гораздо покладистее.

— Наркоман? — удивился Гусев.

— Пока еще легкий. Но не без этого.

— Мне приказывают застрелить его, — сказал Гусев почти шепотом.

— Неплохая идея. Туда козлу и дорога. Да вы сами посмотрите, кто это.

Гусев проводил ошарашенным взглядом уходящего психолога и шагнул к окну. Высунулся наружу. И обомлел.

На соседнем подоконнике курил и затравленно

глядел на проспект начальник пресс-службы Верховного Совета.

— Дима, — позвал Гусев. — Что стряслось?

Дима в ужасе подпрыгнул, чуть не сверзился вниз, замахал ногами, уронил окурок и сам в конце концов рухнул внутрь комнаты, повалив там, судя по грохоту, какую-то мебель.

Гусев шумно выдохнул. Сейчас откроется дверь, в комнату ворвется «группа поддержки», и выбраковщик Гусев спокойно пойдет за пивом.

Ни первого, ни второго, ни третьего не произошло. Гусев выскочил в коридор. Там все стояли неподвижно и глядели на него.

— Какого же вы... — начал он было, но передумал и тут же бросился обратно, на ходу вытаскивая игольник. Лапин что-то сказал ему в спину, но Гусеву было не до того. Он занимал позицию. И как только в оконном проеме показалась нога, которую переносили через подоконник, Гусев трижды нажал на спуск.

Нога на секунду зависла, а потом безвольно упала на карниз, и в соседней комнате снова раздался грохот падающего тела. Гусев убрал оружие и достал трансивер. Краем уха он услышал, что на этот раз дверь открыли, и вокруг подстреленного клиента началась деловитая суета.

— Алексей, спускайся в машину. Концерт окончен.

— Лихо ты его! Как так вышло?

— Спускайся в машину. — Гусев прицепил рацию на пояс и вдруг поймал себя на желании перед выходом в коридор расстегнуть кобуру «беретты».

— У вас будут очень, очень, очень большие неприятности, — донесся до него голос Лапина.

— Заткнись, мальвка, — сказал Гусев устало. — У меня все неприятности в далеком прошлом.

Отодвинул дознавателя плечом, вышел из комнаты и зашагал, не оглядываясь, к лифту.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Трудно представить, что происходило в душе не по возрасту угрюмого двенадцатилетнего мальчика, видевшего все это изо дня в день. Наверное, именно отроческие годы Влада, омытые реками крови, превратили его в нравственного калеку.

У проходной Новодевичьего оказалось неожиданно людно. За черными «Волгами» и широкими плечами охранников с трудом просматривался длиннющий правительственный «ЗИЛ».

Гусев загнал «двадцать седьмую» на тротуар. К машине тут же заспешил некто при костюме с галстуком, занося руку для отмашки — вали отсюда, не положено. Гусев вышел и захлопнул дверцу.

— Машину разрешаю не сторожить, — бросил он подскочившему охраннику. Тот оторопело заморгал.

— Ты что, новенький, что ли? — сочувственно улыбнулся Гусев, отстегивая свой значок и предъявляя его тыльной стороной, где размещались имя, личный номер и крохотная фотография. — Кто это здесь? Литвинов?

— Н-нет, — пробормотал охранник, бегая глазами с фотографии на лицо Гусева и обратно. — Гусев приехал.

— Тем более не стой на дороге, — посоветовал Гусев, цепляя значок на грудь.

— Да, проходите... Пожалуйста.

Больше Гусева не задерживали. Он быстрым шагом прошел на кладбище и привычно запетлял между участками. Мелькающие там и сям люди в костюмах его не трогали, а некоторые даже издали кланялись.

За могильной оградой примостился на узкой лавочке пожилой грузный мужчина в черном плаще. Гусев бесцеремонно оттолкнул начальника охраны, загораживавшего путь, и остановился в проеме раскрытой калитки.

Пожилой мужчина с трудом повернул голову.

— Здравствуй, Паша, — сказал он. На суровом лице обозначилось нечто похожее на улыбку. — Не ждал. Давненько мы... Навещаешь, значит. Молодец.

— Я-то знаю, что мне здесь делать, — процедил Гусев сквозь зубы. — А вам? Грехи не так замаливают. Положено свечки зажигать и лбом об пол биться. Хотя да, вы же атеист...

— Я часто здесь бываю, — вздохнул пожилой. — И напрасно ты, Паша. Нет за мной никакой вины.

Гусев оглянулся на начальника охраны.

— Здорово, Пэ, — сказал тот. — Как на работе дела?

— Исчезни, — распорядился Гусев. — Нам поговорить нужно.

Пожилой, секунду помедлив, кивнул. Начальник охраны, состроив оскорбленное лицо, отошел шагов на десять и принялся что-то бормотать себе в воротник. Гусев пробрался в тесную ограду, подвинул на скамейке пожилого и сел рядом.

— Ладно, Александр Петрович, — сказал он. — Не стану я вас сегодня травить, пожалею. Что было, то было, ничего уже не изменишь. Тем более того, кто мне правду рассказал, вы ликвидировали. Так что и на мне тоже невинная жертва висит. А сейчас меня интересует другое. Что там с Димкой Беловым произошло?

— Какой-то дряни твой Димка накушался. Вот и все. Под капельницей сейчас лежит. Подлечится —

на работу выйдет. Я бы его, конечно, на пушечный выстрел к Кремлю не подпустил, да отца жалко.

— Никогда бы не подумал...

— Павел, — перебил Гусева пожилой. — Ты живешь в реальном мире. А твой дружок Белов видит его только из окна служебной машины с персональным шофером. Ты знаешь этот мир и даже способен влиять на него. Белов — нет. Более того, он бы никогда не поменялся с тобой местами. Вот и вся история. Это я отдал приказ на выбраковку Белова, когда узнал, что он учутил. Вижу — не удивляешься. Правильно. Ты, разумеется, приказ не выполнил и спас Дмитрию его бесполезную шкуру и бездарную голову. И особой благодарности я к тебе не испытываю. Мы установили эти законы и тоже обязаны им подчиняться.

Гусев достал сигареты и закурил.

— Тогда отпустите своих детей на волю, — сказал он. — Чтобы они не сходили с ума. Из-за отрыва от реальности.

— Поздно уже, Павел. Я-то согласен с тобой. Но поздно. Одному тебе повезло, и то потому, что ты так яростно рвался из нашего круга наружу. Теперь я понимаю, насколько ты был прав. Теперь.

— Я не ваш, и мне не повезло, — огрызнулся Гусев. — Я просто выбрал свой путь.

Пожилой снова повернул голову и попытался заглянуть Гусеву в глаза. Тот отвел взгляд.

— У меня, кроме тебя, больше никого нет, Паша, — негромко сказал пожилой.

— Меня у вас никогда и не было, Александр Петрович. И никогда не говорите, что обязаны подчиняться тем законам, которые вы установили. А то ведь я могу и вспомнить, где работаю. И провести выбраковку на месте, без всяких заявок и доказательств вины.

— Я не делал этого, Паша. Та катастрофа была

полной случайностью. А человек, который якобы раскрыл тебе глаза, всего лишь хотел стравить нас. Он меня ненавидел и тебя ненавидел, потому что ты сын своего отца. Какое-то время я думал, что он сам причастен к катастрофе. Но оказалось — нет. Паша, в том, что произошло, никто не виноват.

— Я не ищу виноватых. Я просто хочу разобраться.

— Ты был мертв. У тебя не было лица — сплошная рана. Ни одной целой кости. И мы действительно были уверены, что за гибелю Лебедевых кто-то стоял. Тебя необходимо было спрятать, неужели ты не понимаешь? Тем более что о вашей смерти уже прошло официальное сообщение... А потом, когда ситуация прояснилась... Все равно нужно было что-то с тобой решать. Ты нуждался в опеке. Ты сам не помнишь, наверное, как нуждался.

Гусев закусил губу.

— И знаешь... — пробормотал его пожилой собеседник. — Даже сейчас, дай мне возможность пережить эту историю заново...

— Спасибо, Александр Петрович, за чужую жизнь, — произнес Гусев патетически. — За чужую физиономию и чужую фамилию. За чужую психологию и чужие манеры тоже спасибо. Хотите, в ножки поклонюсь?

— Ты можешь не верить мне ни в чем, — лицо пожилого страдальчески морщилось, казалось, он сейчас расплачется, — но я всегда любил тебя, как родного сына.

— Откуда вам это знать...

— Если бы у меня были свои дети... И если бы ты не оттолкнул меня так... так... жестоко...

— Жестоко — это мое нормальное состояние, — фыркнул Гусев. — Кстати, о жестокости. Когда начнется отстрел выбраковщиков?

— Что? — очень естественно удивился пожилой.

— В ближайшее время должна быть запущена программа ликвидации выбраковщиков. Меня интересует — когда именно? И что их ждет — прямой отстрел или все-таки пожизненное.

Пожилой внимательно присмотрелся к Гусеву.

— Ты, слушаем, не это?.. — спросил он. — Не того?..

— Я пока что трезв и до сих пор нормален.

— М-м... А я уж подумал... Да нет, какой отстрел, ты что... В принципе вопрос АСБ пока что не рассматривался, есть только черновые наработки. Скорее всего отправим всех на пенсию, где-то через год-два.

— Ах, на пенсию... И молодых тоже?

— Каких еще молодых?

— Которых завербовали совсем недавно. Тысячами завербовали.

— Я ничего об этом не знаю, Паша. Тысячами? Не может быть такого. Откуда у тебя информация?

— Мое дело намекнуть. Ваше дело разобраться. Без лишнего шума, как это у вас замечательно получается. Вы же умеете действовать тихо, правда, Александр Петрович? Машинку под откос столкнуть, человечка прихлопнуть, мальчишке двадцать лет мозги пудрить...

— Я же признался тебе! — почти крикнул пожилой. — Я мог бы все тогда отрицать! Но я сказал тебе всю правду! И ты права не имеешь так со мной обращаться, права не имеешь!!!

Гусев молча забросил окурок на соседнюю могилу.

— И я тебе, между прочим, тоже могу напомнить кое-что, — сказал пожилой, остывая. — Ты у нас тоже не без греха.

— Я?! А при чем тут я? «Указ сто два» не я писал. АСБ не я организовывал.

— Александр Петрович! — позвал издалека на-

чальник охраны. — Вас первая линия просит... И вообще пора.

— Я перезвоню!

— Есть.

— Значит, так, Павел, — твердо сказал пожилой. — На вопросы твои я ответил. Теперь позволь один дельный совет.

— Ну? — Гусев неприязненно прищурился. Давно уже он советы этого человека не принимал близко к сердцу и не следовал им. Но послушать не отказывался. Особенно теперь.

— Бросай ты эту чертову работу.

— Вот как?

— Да, бросай. Напиши заявление, тебя отпустят без лишних расспросов. А как уволишься, сразу приходи ко мне. Тогда и поговорим.

— Не хочу в Мексику, — сказал Гусев. — И в Африку не хочу. Вообще никуда отсюда драпать не намерен. Сам заварил кашу, сам и отхлебну сколько влезет.

— Идиот, — резюмировал пожилой. Именно резюмировал, подвел черту под разговором. — Я тебе не предлагаю бежать. Ты просто ненадолго уедешь. Здесь намечается одно дело... Короче говоря, я не хочу, чтобы меня шантажировали. Тобой шантажировали, твоей жизнью, понял? Хочу отнять кое у кого лишний козырь.

— Тем более не уеду! — обрадовался Гусев.

Пожилой с усилием поднялся на ноги.

— Подумай, — сказал он. — Времени тебе неделя. Иначе силой выдворю из страны. Надоело с тобой церемониться. Да... Чуть не забыл. Ты идешь на Государственную премию. За идею акции «Табак убивает». Сиди гордись. Утопист хренов. Великий идеолог. Господи, это же надо — двадцатилетним сопляком

выдумать такую... Просто так, для развлечения, в порядке бреда. А мы, козлы старые...

— Но работает ведь, — напомнил Гусев.

— Лучше бы не работало. Как ты сам-то куришь теперь?

— Я не про табак.

— Гадюка, — вздохнул пожилой. — Откуда в тебе столько яда?

— Оттуда же, откуда у старого козла привычка соваться в файлы двадцатилетнего сопляка, — парировал Гусев. — И выдавать их за разработку несуществующего департамента. Когда сопляку уже тридцать и он обо всем забыл.

— Но сопляком все равно остался. Вырасти хоть немножко, Павел, — сказал пожилой. — Очень тебя прошу. Сил нет любить этакое чудовище. Выбраковщик...

Он протиснулся между Гусевым и высоким надгробием, с трудом пропихнул себя через калитку и зашагал прочь.

— До свидания, — бросил Гусев ему вслед. Не хотел, но подумал, что так будет лучше. Пусть его по прежнему считают умным и расчетливым, готовым договариваться и слушаться голоса разума.

Пожилой, не оборачиваясь, махнул рукой. Гусев отвернулся к могиле.

Никаких крестиков и цветочков, никаких слаша-вых прощальных надписей, вообще ничего лишнего. Два портрета. Мужчина средних лет и мальчик. Даты рождения. Имена.

Леонид Лебедев и Павел Лебедев.

И дата смерти — одна.

Гусев вгляделся в фотографию мальчика и в который раз невольно потрогал кончиками пальцев свое лицо.

Валюшок уже курил на тротуаре. Гусев остановил «двадцать седьмую» и перебрался на правое сиденье. Валюшку он легко уступал возможность порулить. Во-первых, парню очень уж нравилось это занятие и было бы негуманным лишать его столь невинного развлечения. Во-вторых, когда Алексей сидел за рулем, Гусев чувствовал себя комфортно — у них оказалась настолько похожая манера вождения, что на каждый маневр своего ведомого Гусев только мысленно кивал.

— Ты машину что, насовсем скоммунизил? — спросил Валюшок, трогая «двадцать седьмую» с места и уверенно вклиниваясь в поток. — В личную собственность?

— Считай — подарили.

— И кого тебе пришлось для этого убить?

Гусев беззлобно толкнул Валюшка локтем. На душе было муторно, но Алексей умел каким-то образом приводить Гусева в нормальное состояние.

— Помнишь того психа, которого мы выручили?

— Ну, допустим, ты выручил. И не только его. Я думал, если застрелю беднягу, сам потом зарежусь. Слушай, Пэ, как это вообще можно — настоящей пулевой стрелять в человека, который ни тебе, ни закону ничего плохого не сделал? Так, сидит придурок, ногами болтает... Тебе приходилось?..

Тут до Валюшка дошло, что это сам Гусев предложил сбить психа выстрелом, и он осекся. Валюшок легко забывал такие вещи. Наверное, очень не хотел считать людей злыми.

Гусев его замешательства, казалось, не заметил.

— Да я любого клиента провоцирую, чтобы на меня бросился, — сказал он. — Эта формула из «птички» — правоказать сопротивление — специально была придумана. Ее основная задача — психологически защитить выбраковщика. Мы же действительно не убий-

цы, хотя и очень много шутим на этот счет. Что тоже нас характеризует как относительно нормальных людей.

— М-м... Да, наверное. Так что там про этого самоубийцу?

— Обычная история. Кстати, он все-таки преступил закон, мы просто не знали. Наркотиков поел слегка. Ну, в общем, его отец позвонил директору Агентства и сказал: того, кто моего сына выручил, — наградить. А потом еще полчаса распинался о том, как признателен выбраковке и готов ее всемерно поддержать в рамках своих полномочий. Коих у него, как у министра внутренних дел, выше крыши. После чего, сам понимаешь, директор вызвал нашего босса и приказал — дать герою все, что попросит. А босс, недолго думая, пошел и лично занес в памятку дежурного: «Гусеву дать ВСЁ! Я и взял «двадцать седьмую». Она же тебе нравится, верно?

— Ну, в принципе... Вообще-то я на следующей неделе «Порше» беру.

Гусев вытаращил глаза.

— А ты кого застрелил? — спросил он.

Валюшок беззаботно рассмеялся.

— Это старый «девятьсот сорок четвертый», — объяснил он. — Атмосферный последнего выпуска, ему уже под двадцать. Хотя в очень приличном состоянии. Пять тысяч рублей все удовольствие. Вложу еще штуки две и буду кататься.

— Может, и мне тоже завести какую-нибудь таратайку?

— Почему нет? Кстати, давно хотел спросить — отчего ты в свободное время ходишь пешком?

— Да черт его знает. Ленивый, наверное. А потом, у меня руки не из того места растут, чтобы гайки крутить. Замена масла там, предохранители всякие —

это я еще могу, а если что-то сложное... Опять-таки не выпьешь уже...

— Ну, по чуть-чуть...

— И нарваться на конфискацию транспортного средства?

— Да кто ж его у тебя конфискует? У выбраковщика? Менты, что ли?

— А пусть и менты. Я очень законопослушный.

— Раньше не замечал.

— Спасибо большое. Нет, я уж лучше ножками...

Пьяный выбраковщик и так угроза обществу. А уж за рулем... Кстати, о руле. — Гусев посмотрел на часы. Судя по всему, разговор он поддерживал так, для порядка, а на самом деле все это время напряженно о чем-то размышлял. — Не туда мы рулим, Леха.

— Это ты в каком смысле? — насторожился Валюшок.

— В самом прямом. Давай-ка разворачивай аппарат. Понеслись в Крылатское. Проведаем нашего психа.

Валюшок, не говоря ни слова, принялся искать разворот.

ГЛАВА
ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Интересно, что в народе Влад был, судя по всему, довольно популярен. Причины этого — в основном психологического свойства.

По дороге Гусев отыскал в записной книжке полезный телефон, и Валюшку пришлось выслушать длинную беседу с каким-то Васильем Васильевичем, из которой он уяснил только, что Гусев с Васильевичем друг друга весьма уважают. Загадочные намеки и странные аббревиатуры Валюшка быстро утомили, и

ведомый целиком сконцентрировался на дороге. Наконец Гусев выключил трансивер и с довольным видом закурил.

— Все в порядке? — спросил Валюшок.

— На месте видно будет. В принципе Васильич мужик влиятельный, но его возможности тоже ограничены. Информацию для размышления подбросить, словечко, где надо, замолвить — это всегда пожалуйста. А рычагов серьезных — фигушки. Такой же честный наемник, как мы с тобой. Ладно, нечто существенное он нам дал. Теперь мы знаем, где искать. Между прочим, кое-кто только что пропустил левый поворот. Нужно было уйти на боковую дорожку. Извини, я заболтался, недоглядел.

— Дальше развернемся, — преспокойно сообщил Валюшок. Для него, в отличие от Гусева, таких ерундовых проблем не существовало. Он всегда мог дальше развернуться. Гусев тяжко переживал свои промахи и старался поэтому не совершать их вовсе. А Валюшок просто исправлял допущенные ошибки. Легко.

Развернуться им удалось не скоро. В первую очередь это сделать мешал Гусев, который принципиально отказывался включать спецсигнал и кидаться этаким маленьким, но злым бульдозером через двойную осевую, когда для таких асоциальных маневров не было служебной надобности. Из-за его щепетильности «двадцать седьмая» сделала несколько лишних километров. Вернувшись к нужному перекрестку, Валюшок не удержался и нарушил — свернул направо под перечеркнутую стрелку на знаке. От бдительного ока мента, тосковавшего в «стакане» посреди Рублевки, машину удачно заслонил длинный автобус.

— ...и потом еще раз направо, — подсказал Гусев. — Знаешь, Леха, а я ведь редкостный тормоз. Я нам пропуск не заказал. Как-то не догадался.

— Так у нас же «вездеход»! — удивился Валюшок.

— Ага. Только эта вездеходность кончается у стен Кремля. А Центральная клиническая больница — почти то же самое, что Кремль. Ладно, прорвемся как-нибудь. Все равно засветимся, вратари номер запишут...

«Двадцать седьмая» проехала через узкий коридор с металлическими отсекателями и затормозила у шлагбаума на въезде в ЦКБ. К машине тут же подошел «вратарь» — молодой парень с полосатым жезлом, в распахнутой телогрейке, накинутой поверх невнятного мундира. Присмотрелся к номерам, оглянулся на будку КПП, из которой таращились замшелые деды в фуражках, и сделал Валюшку знак рукой — отвали.

— Совсем охамели, — заключил Гусев и полез из машины. — Раньше хоть спрашивали, кто такой... Ты не дергайся, ладно?

Валюшок закурил и приготовился не дергаться. Гусев с «вратарем» завели беседу, причем «вратарь» изо всех сил пыжился и расправлял плечи. Из КПП выполз дедуля лет семидесяти и вознамерился было «вратарю» помочь, но тут Валюшок уловил характерное движение Гусева — тот взялся рукой за свой лацкан и слегка им взмахнул. После чего дед мигом убрался на место, а «вратарь» как-то сразу присмирел. Даже тут значок АСБ исправно работал. Но пускать Гусева на свою территорию охрана все-таки не собиралась. Она уже не чувствовала себя так уверенно, как раньше, но все равно до упора качала права. Валюшок курил и ждал, когда же на свет божий появится самый убедительный аргумент Гусева — «беретта». Ему было очень интересно, хватит ли у ведущего пороху с боем прорваться на такой серьезный объект, как знаменитая «Кремлевка».

Но Гусев, похоже, не хотел лишнего шума. Он за-

шел на КПП и теперь разговаривал с дедулями. «Вратарь» сверлил недобрый взглядом машину выбраковщиков и конкретно Валюшку.

Сзади подъехал фургон «Скорой» — не какая-нибудь «Газель» задрипанная, а «Шевроле». Громадная машина нависла над «двадцать седьмой» и нетерпеливо гуднула. «Вратарь» снова попытался мановением руки сдвинуть Валюшку с места, но тот сделал вид, что его эти жесты не касаются. И на всякий случай высвободил игольник.

«Скорая» гудела, Валюшок курил. Из будки выскочил разъяренный Гусев и что-то такое бросил на ходу в адрес «вратаря», что тот весь покрылся красными пятнами. Шлагбаум пошел вверх. Гусев запрыгнул на место и хлопнул дверью так, что едва не развалил машину.

— Вперед! — скомандовал он. — Ну, с-суки! Режимный объект, видите ли! Закон им, понимаешь ли, не писан! Ладно, гады, я вернусь! Знаете у меня, что такое стоять на боевом посту... В зоне боевых действий ваш пост окажется... Тогда посмотрим, у кого тут есть полномочия, а у кого их нет... Прости, Леха. Разозлили они меня дальше некуда.

— Я все ждал, когда же ты ствол достанешь, — поддакнул Валюшок.

— Сегодня нельзя, — вздохнул Гусев. — Дело сорвется. Ой, ну и блядство! Ты представляешь, там на КПП парень какой-то на стенку лезет, орет: «Пустите, уроды, у меня жена в гинекологии загибается!» А они ему: «Дни посещения — четверг и суббота¹, телефон на стене висит...»

¹ Администрация Центральной клинической больницы усматривает в данном эпизоде вопиющую неточность. По просьбе администрации сообщаем: дни посещения в ЦКБ — четверг, суббота и воскресенье. — Примеч. ОМЭКС.

«Двадцать седьмая» катилась по небрежно убранный аллее. Заметно было, что дворники здесь тоже «режимные» и перетруждаться не любят. А городских мусорщиков с их «пылесосами» сюда, конечно, не пустили бы ни за что. Анкетой ребята не вышли для такого ответственного дела, как подобрать опавшую листву и помыть асфальт.

— К первому корпусу сверни на минутку, — попросил Гусев. — Направо, вот сюда. Нужно слегка подстраховаться, оформить как-то наш визит. Я быстро. А ты вот что... Запаркуйся вон там, на вертолетной площадке. Во избежание ненужного шухера. Здесь, видишь ли, простолюдинам стоять нельзя. Сюда литвиновский «членовоз» подъезжает. Через два дня на третий... У них это называется — «на подкачку». Мать-перемать, заработали еще одного Ельцина себе на голову! Из самых лучших побуждений. Знал бы, чем все это обернется, — сбежал бы в Африку, ей-богу!

С этими словами он вышел из машины и быстрым шагом направился к боковому входу в корпус. Валюшок послушно дал задний ход. Очень своевременно — к «двадцать седьмой» уже скакал очередной девушка в фуражке. «Господи, откуда их столько?! — подумал Валюшок. — Прямо какой-то заповедник отставных кагэбэшников. Хотя чего это я — у нас все правительство из таких. Разве что лица поумнее. А Председатель, значит, совсем плох... Интересно».

Гусев пропадал в корпусе минут пятнадцать. Вернулся он с напряженным лицом, нещадно жуя двадцатую, наверное, за день сигарету.

— Понеслись в КФН, — сказал он. — Теперь главное — скорость.

— Куда? — переспросил Валюшок.

— Я покажу. В корпус функциональной невроло-

гии. Так у сильных мира сего называются психушки. Дабы лишний раз не травмировать их слабую психику.

— Ты здесь прямо как дома, — заметил Валюшок, выруливая со стоянки.

— Бывал, — коротко сообщил Гусев.

К длинному зданию КФН они подъехали с тыла.

— Видишь двери? — спросил Гусев. — Это «номе-ра». Палаты в несколько комнат с отдельным входом. Чтобы нельзя было проследить, кого именно привезли. В курсе только медперсонал. Давай к служебному. Ага. Теперь слушай инструкцию-нотацию. Готов?

Валюшок молча кивнул.

— Мы с тобой, дружище, залезли прямо в сердце гадюшника, который управляет нашей великой и многострадальной Родиной, — сказал Гусев. — Извини, что втянул. Так уж вышло. Придется немного потерпеть. Главное — сиди тихо и не поддавайся на провокации. Если подойдут бугаи в костюмах с галстуками и спросят, кто такой — временно смири гордыню. Ты привез своего шефа Гусева Павла Александровича. У Гусева вроде бы тут назначена консультация. Если спросят, какой такой еще Гусев, скажи — ТОТ САМЫЙ. Мягко скажи, уверенно. А больше им знать ничего не положено. Начнут возбухать... Да не начнут. В крайнем случае вспомни, чему тебя на подготовительном учили. Эта машина — имущество АСБ и кусочек территории АСБ. Постарайся, чтобы тебя поняли.

— Я буду стараться, — пообещал Валюшок не слишком уверенно. — Слушай, Пэ... Все-таки я узнаю когда-нибудь, с кем именно работаю в паре? А?

— Да я сам толком не разобрался... — ответил Гусев и в очередной раз ушел, бросив Валюшка на расстерзание обстоятельствам и раздумьям.

Главврач КФН профессор Крумов наличие посторонних на своей территории не переносил. Особенно Мирза Мирзоевич зверел, когда эти посторонние носили оружие и просиживали штаны у дверей «номеров», охраняя вельможных пациентов. Будучи просто молодым, подающим надежды психиатром, Крумов уже на таких «посетителей» гавкал. А когда выбился в люди, здорово подлечил кое-кого из кремлевских бонз и занял подобающее своим талантам место — нажал на все педали и добился-таки, что в корпусе воцарилась подобающая статусу заведения тишина и благодать. Теперь эти замашки горного князя играли Гусеву на руку — он был почти на сто процентов уверен, что палата Белова не охраняется. А сам-то Гусев для Мирзоевича чужим не был. Четверть века назад Крумов его фактически спас, вытянул осиротевшего и лишившегося половины лица мальчишку из такой депрессии, за которой могло последовать что угодно, в том числе и смерть.

— А вот и он! — обрадовался гостю Крумов. — Здорово, бычий х...й!

Это у профессора была такая манера приветствовать близких людей мужского пола.

— Он самый, — признал Гусев. — Ну, как поживает наша лучшая в мире карательная психиатрия?

— Если бы карательная, дорогой ты мой! Если бы...

— Васильич звонил вам?

— Звонил, дорогой мой, звонил... — Крумов выдвинул ящик стола и добыл оттуда пару стаканчиков и початую фляжку коньяка. Смотрел он в это время на Гусева, и тот почувствовал, как опытный взгляд будто бы сдирает с него шелуху в поисках малейшей патологии. Не обследовать людей профессор уже не мог. Это у него было машинальное.

— Тогда, может, потом выпьем? — предложил Гусев. — А? Вы уж простите, мне время дорого.

— А чего ты, собственно, от Димки хочешь? — спросил Крумов. — Может, я сам расскажу. Если честно, не стоит тебе к нему соваться. Я, конечно, понимаю, ты его спас и все такое...

— А он это понимает? — вставил Гусев.

Крумов почесал синюю щетину на подбородке. Бриться ему приходилось два раза в день. Гусев как-то спросил профессора (тогда еще просто доктора), что бы ему не отпустить бороду. А Крумов с тоскливой гордостью сообщил, что лезгины бороду не носят. Почему именно, он и сам, кажется, не знал.

— Ну... Скорее да, чем нет. Признаться — не признается, но суицид у него был ложный, это точно. И в общем, ты его вытащил из весьма затруднительного положения.

— Вы даже не знаете, Мирза Мирзоевич, насколько оно было затруднительное.

— М-м? — Крумов поднял брови. — Даже так?

— Как именно — так? — прищурился Гусев.

— Ну...

— Был приказ на выбраковку.

— Тебе?! — поразился Крумов.

— Скорее всего, я оказался там случайно. И поверьте, я Димку выручил отнюдь не из-за общих детских воспоминаний. Мне просто стало интересно — к чему бы это?

— Ах ты, бычий х...й! — высказался Крумов. Скорее восхищенно, чем как-нибудь еще.

— Что вы узнали насчет его мотивов?

— То, что он врет, — твердо заявил Крумов. —

Та-ак...

— Личной охраны нет у него?

— Ха!

— Он вообще в состоянии разговаривать?

— В принципе.

— Понятно. Ну что, проводите меня?

— М-м...

— Мирза Мирзоевич, я сюда пришел как частное лицо, а не как выбраковщик. И поэтому я вам могу сказать, что мне от Дмитрия нужно. Есть вероятность, что он узнал нечто очень важное. Страшно важное, понимаете? С перепугу обдолбался, сдурел окончательно и полез совершать подвиг — демонстративно кончать с собой.

— Я так и думал. А он мне все, х...й бычий, про утрату жизненных ориентиров плел... Слушай, Пашка, не ходи к нему.

— Давайте вместе.

— Х...й тебе. За государственную тайну знаешь что бывает?

— Да вы и так в подписках с ног до головы. Ладно, пойду один. Вы поймите — если мои предположения верны, я обязан выяснить, что именно ему известно. И как выбраковщик, и как просто человек. Возможно, это вплотную касается моей судьбы. А может, и вашей тоже. Со всей страной заодно. Поверьте, я без острой необходимости к вам не пришел бы. У меня есть кое-какие подозрения, и Белов может их либо подтвердить, либо опровергнуть. Конечно, во втором случае я ему не особенно поверю, он же профессиональный лжец, но все-таки...

— У тебя именно подозрения или?..

— Допустим, мне кое-кто кое на что тонко намекнул.

Профессор снова поскреб щетину.

— Ладно, — сдался он. — Разбирайся. Человек и выбраковщик... Но смотри у меня, х...й бычий! Думай, как с ним говорить. Не дай бог он потом суициднет!

Роскошная двухкомнатная палата Белова действительно походила на гостиничный номер. Сам пациент валялся на кровати и делал вид, что спит. Даже когда Белов лежал, все равно было заметно, какое у него солидное брюшко. В сорокалетних богатых мужчинах такое отношение к себе Гусева просто бесило, но он постарался не выпускать наружу эмоции.

— Привет, — сказал Гусев, стараясь, чтобы это прозвучало по возможности небрежно.

Белов лениво повернул голову и посмотрел на гостя. Без особого восторга посмотрел, но и не злобно.

— Уммм, — кивнул он. — Здравствуй. Давно не виделись.

— Не ждал? — Гусев подвинул кресло и, не дожидаясь приглашения, уселся. Еще одна дурная привычка выбраковщика.

— Ну, ждал. Показания будешь снимать? А где твой шприц?

— Э-э... — Гусев слегка опешил. — Дима, ты помнишь вообще, как меня зовут?

— Допустим.

— Ну и как?

— Павел... Гусев.

— Спасибо, утешил. Только я не дознаватель. Я простой оперативник. И мой шприц — вот. — Гусев продемонстрировал Белову пистолет, при виде которого больной слегка оживился. Во всяком случае, взгляд у него стал поострее.

— Если убедишь меня, что я должен тебе оставить эту штукку, может быть, оставлю, — соврал Гусев, внимательно следя за возможной реакцией.

— У самих револьверы найдутся, — хмыкнул Белов. С таким превосходством в голосе, что Гусева чуть не стошило.

«Жалко, нельзя Мирзоевичу рассказать, — поду-

мал он. — Узнает, что я суицидальному больному оружие предлагал, зарежет».

— Тем лучше. Слушай, Дима. Понятное дело, люди с годами меняются. Я, конечно, уже не тот мальчишка, которого ты помнишь по нашим дачным забавам. Но все-таки, можем мы поговорить по душам? Учи — это частный визит.

— Частный... Несчастный. — Белов повернулся на бок и подпер обвислую щеку рукой с короткими жирными пальчиками. — Ну давай спрашивай.

— Пожалуй, спрошу. — Гусев на миг задумался. — Нет ли у тебя для меня... Для меня лично. Только для меня одного. Нет ли каких-нибудь интересных новостей?

— Беги, Гусев, — сказал Белов просто.

У Гусева внутри что-то екнуло — не то селезенка, не то еще какой-нибудь жизненно важный орган.

— Далеко? — только и смог пробормотать он.

— Беги, — повторил Белов и снова завалился на спину. Именно завалился, как хронически объевшийся ленивый кот.

— Когда бежать?

— Вчера.

— Я серьезно.

— И я серьезно. Вчера — беги. А сейчас — уходи.

— А ты... Не собираешься? — выдавил Гусев.

— А мне незачем, — сообщил Белов по-прежнему безмятежным тоном. — С работы я и так уже вылетел, на меня всем плевать... На папика моего — тоже. Пинка хорошего дадут, и не более того. В общем, могу смело уходить в запой. Сыпал песню такую русскую народную? «И в запой отправился парень молодой...»

— Значит, ты сознательно эту комедию с само-

убийством учинил? — поразился Гусев. — Козлище, да тебя же чуть не грохнули!

— Сознательно... Бессознательно... Х...й его знает. Так колбасило — ничего не помню. Что не грохнули — это хорошо. И что уволили — еще лучше. Теперь уж точно не грохнут.

— Да не уволили тебя!

— Не уволят — на Спасскую башню влезу, — лениво сказал Белов. — Или в Царь-пушку насыру. Все, Гусев, отстань. Видеть тебя сил нету. Был за мной должок — я его тебе отдал. А теперь уходи, пока я кому-то в морду не наблевал.

— Мне-то за что? — удивился Гусев, вставая на ноги.

— За выбраковку, — сообщил Белов и перевернулся на другой бок. Спина у него тоже оказалась жирная, как у бегемота.

— Если бы я не работал в АСБ... — начал Гусев. Ему не хотелось препираться с человеком, находящимся под медикаментозной накачкой, это было как минимум глупо. Но он неожиданно остро вспомнил сейчас того Димку Белова, с которым играл в войнушку и катался на санках.

И еще одного Белова, с которым уже тайком пил водку и бегал за девчонками. Белова, который иногда пронизывал своего нового друга взглядом, будто бы силясь понять — не тот ли это самый Пашка, погибший в автомобильной катастрофе, вернулся из небытия.

Но это был уже совершенно другой Пашка.

А теперь — совершенно другой Белов.

— При чем тут работа в АСБ? — перебил Белов. — Я же сказал — за выбраковку. Настало время отдавать долги, Павел. Я перед тобой чист. Все, что мог, — сказал. Теперь один должник остался — ты. Вот и беги,

пока с тебя не спросили. За все хорошее... И сейчас беги, пока я санитаров не позвал. Они тут знаешь какие? У-у... Ты и не видел таких. Просто волки, а не санитары.

— До свидания, — пробормотал Гусев.

— Прощай, — хмыкнул Белов. — Спаситель х...ев.

Валюшок сидел в машине и ритмично мотал головой. В салоне ревел хэви-метал. Хитрый Леха крутил его с бортового компьютера, через динамики громкой связи. Качество звука было похабнейшее, но все лучше, чем ничего.

— Чуть потише сделай! — крикнул Гусев. — А не плохо. Как я раньше сам не догадался... Ну, без эксцессов обошлось?

— Тревожных симптомов нет. — Валюшок повернулся регулятором, слегка приглушив музыку.

— Thunder! Ту-ру-ру-ру... — подпел Гусев. — Хорошо живем. Лет пять-шесть тому назад черта с два ты купил бы в Москве «Эй-Си/Ди-Си». Не застал период, когда зверствовала Комиссия по нравственности? Да нет, ты в армии служил.

— На польской границе! — заметил Валюшок.

— А-а... Понятно. Единственный весомый плюс объединения с Беларусью — польский контрафактный товар. Вы небось ящиками это дело скупали.

— Ну, ящиками — не ящиками, но фонотеку я привез солидную. Какие будут указания, ведущий?

— Топчи педаль. Впрочем... Нас еще могут тормознуть на КПП. Поэтому встанем у поворота на аллею, подловим какую-нибудь местную «Скорую» и прилепимся к ней. Не хочу таранить шлагбаум.

— Аналогично, шеф! — согласился Валюшок, поворачивая ключ.

Так они и сделали — дождались идущего на выезд «Шевроле» (этот был уже потрепан, но похоже, русских машин ЦКБ не признавала) и вслед за ним подкатились к воротам. Но кажется, Гусев волновался напрасно. Их выпустили без лишних слов, разве что не отдали честь.

— Везуха, — резюмировал Гусев. — Ох, не нравится мне это... Значит, дальше будет хуже.

— Так ты узнал, что хотел? — спросил Валюшок.

— Что узнал? Я так... Проведал старых знакомых. Своего психиатра, например.

Валюшок укоризненно на Гусева покосился, но больше ничего не сказал.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Пунктуальный во всем, Тепеш и в казнях соблюдал субординацию: для турецкого аги, командовавшего отрядом, был заготовлен кол с золотым наконечником.

Минут пять они ехали молча, причем Валюшок очень правдоподобно дулся. Наконец Гусев не выдержал.

— Я тебе потом расскажу, — пообещал он. — Если сбудется. А если не сбудется — тем более.

— Ну-ну. — Валюшок слегка оттаял и бросил на ведущего насмешливый взгляд искоса.

— Обязательно расскажу. Ты же знаешь.

— Чего это я знаю?

— Я все рассказываю, что тебе не повредит. Или когда уже не повредит.

— А может, я хочу.

— Чтобы повредило?

— Угу. Чтобы пополам.

— Ишь ты! Леха, дружище, умоляю, не спеши...

— Значит, как со снайперкой бегать — так «агент Валюшок», а как по психушкам кататься — сразу «Леха, дружище»?

Гусев довольно заржал — он видел, что Валюшок уже не сердится и вырывать из него информацию клещами не намерен.

— Как вообще дела? — спросил он. — Что жизнь семейная?

— Отлично. Купили наконец-то стиральную машину...

— Валюшок! Откуда у тебя столько денег? Сначала мебель, затем «Порше», теперь еще и бытовая техника...

— Да это же копейки!

— Наверное, я слишком много пью, — вздохнул Гусев и погрузился в раздумья.

— А чего, собственно, не пить? — утешил его Валюшок. — Ведь стиральная машина у тебя уже есть.

— Не мешай. Я считаю. Дебет-кредит свожу. Ого!

Последнее восклицание относилось не к деньгам, которые у Гусева действительно с редкой легкостью утекали сквозь пальцы. «Двадцать седьмую» опасно подрезала черная «Волга» с маячком на крыше и унеслась вперед, буквально расталкивая частные автомобили, которые от опасного участника движения испуганно шарахались.

— Ты номер разглядел? — Гусев потянулся к трансиверу.

— Сейчас. — Валюшок наддал, и «двадцать седьмая» бросилась вдогонку петляющей впереди «Волге». Через затемненные стекла невозможно было ра-

зобрать, кто сидит внутри. — Так. Видишь? Солидные номера.

— Да. — Гусев вызвал Центральное. — Леха, садись ему на хвост... Дежурный? Это Гусев. У нас тут не предвиденные обстоятельства, можем опоздать на полчасика. Нет, не форс-мажор, просто нужно внушение сделать. Угу. Живи.

Валюшок догнал «Волгу» и пристроился ей в хвост. Черная машина продолжала распихивать поток, скорость ее перевалила за сотню. Впереди показался милицейский пост.

Гусев открыл «бардачок» и вытянул панель управления бортового компьютера на гибком кронштейне — небольшую клавиатуру с плоским серым монитором. Заткнул музыку. Вышел на сервер отделения и полез в базу данных.

— Ух ты! — воскликнул он. — Действительно номера солидные. Вот увидишь, сейчас героические менты этому деятелю честь отадут, а нас остановят. Так, мы проезжаем пост безопасности движения номер сорок девять... Леха, прижмись вплотную. Сойдем за эскорта.

— Кто это? — спросил Валюшок, послушно догоняя «Волгу». На загородном шоссе полноприводный монстр с V-образной «восьмеркой» под капотом «сделал» бы машину выбраковщиков легко. Но в городе крутизна правительского автомобиля сходила на нет. Во всяком случае, пока сухой асфальт под колесами.

— Узнаешь. — Гусев заговорщически подмигнул.

Милиционеры, как и предполагалось, «Волге» откозыряли, а «Жигули» выбраковщиков решили от греха подальше не замечать. Гусев перевел трансивер на милицейскую волну.

— Сорок девятый пост! — рявкнул он. — Стар-

ший уполномоченный АСБ Гусев вызывает. Начальника поста ко мне на связь, бегом! Капитан! Ты какого хрена сейчас «Волгу» пропустил?! А мне насрать, что министр! Ему положено включить сирену и мигалку, если он так спешит! Он уже все шоссе на уши поставил! А сейчас я его раком поставлю за такие выкрутасы! А потом он тебя вздрючит за то, что ты его не одернул, ясно?! Он тебя научит, что такое х...й на службу забивать! Все, свободен!

Гусев, отдуваясь, спрятал трансивер и загнал в «бардачок» панель.

— Люблю поорать на разгильдяев, — признался он. — Понавыдумывают ограничений скорости, а потом сами же и нарушают...

— Что за министр? — спросил Валюшок. — Ты давай, если собираешься его тормозить, самое время.

— Министр информации. Только его без мигалки не возят. Там наверняка шофер и какая-нибудь баба.

Гусев ткнул кнопку на центральной консоли. Из-под капота раздался оглушительный вой, передок машины озарился яркими вспышками.

— Агентство социальной безопасности! — сказал Гусев в микрофон. — Черной «Волге» два ноля шесть приказываю немедленно остановиться.

На шоссе вдруг стало неожиданно пусто, хотя до центра города оставалось рукой подать. За годы выбраковки честные граждане разучились глязеть на чрезвычайные происшествия, а взамен приобрели способность мгновенно рассасываться в пространстве, едва запахнет жареным.

«Волга» судорожно дернулась из стороны в сторону, но хода не сбавила.

— Заходи слева.

Гусев опустил дверное стекло и вытащил «берет-

ту». Валюшок притер «двадцать седьмую» к борту «Волги».

— Не люблю нерешительных, — пробормотал Гусев, направляя ствол в тонированное окно правительственной машины.

Осознав, что с ней не шутят, «Волга» так дала по тормозам, будто у нее там что-то заклинило, и мигом прижалась к обочине. Валюшок строго по инструкции блокировал ее спереди, вытащил игольник и прыгнул за дверь. Гусев не спеша вышел и заглянул сквозь лобовое стекло внутрь задержанного автомобиля. На него таращились испуганные лица. Стекла передних дверей медленно поехали вниз. Очень толстые стекла, броня. Показались отсекатели, защищающие салон от шальной пули, летящей под углом.

— Пушки за борт, — приказал Гусев мужчинам, сидящим на передних сиденьях. — Медленно.

Шофер и охранник послушно выбросили наружу свои пистолеты. Задние стекла машины по-прежнему были закрыты, «начальственную» половину салона отгораживала глухая черная штора. Гусев знал — спереди ее не опустить.

— Выводи и клади, — скомандовал он Валюшку, уткнувшему игольник шоферу в ухо. Подошел к задней двери и сделал знак рукой — выходи.

Никакой реакции. «Да, так просто этого типа не выкуришь оттуда, пока штаны не застегнет», — подумал Гусев.

Задержанные лежали на желтом осеннем газоне. Им повезло, что давно не случалось дождя. Валюшок легкими пинками заставлял их лечь как положено — выбраковщики называли это «придать форму».

— Кто внутри? — спросил Гусев.

— Министр информации, — буркнул охранник. — С женой.

Гусев рассмеялся и свободной рукой достал из-за пазухи запасную обойму.

— Нет, дорогуша, — сказал он. — Не с женой.

Конечно, внутренняя перегородка в машине легко простреливалась насквозь. Но Гусев вовсе не собирался никого браковать. Он повторил свой жест, требуя, чтобы спрятавшийся за броней вышел. «Звонит, наверное, в Кремль. Или сразу нашему директору. Следующее распоряжение по Центральному отделению будет: «Отобрать у Гусева ВСЁ!» Ха-ха!»

Словно вторя мыслям Гусева, в салоне «двадцать седьмой» запищал сигнал вызова. Личные рации выбраковщиков молчали — звонок шел из главной диспетчерской. А значит, его спокойно можно было похерить.

— Затыкайте уши, — посоветовал Гусев, отошел на пару шагов, прицелился в окно задней двери «Волги» и принялся нажимать спуск так быстро, как только умел.

Пятнадцать выстрелов слились в один сплошной оглушительный грохот — пистолет выплюнул обойму за каких-нибудь пять секунд. Бронестекло превратилось в кашу. Гусев мгновенно сменил обойму, дослал патрон, и тут до него дошло, чем он, собственно, только что стрелял.

Из левой двери на асфальт с диким визгом повалились двое. Гусев мощным прыжком взлетел на багажник, потом на крышу и направил вниз уже не пистолет, который от греха подальше успел спрятать, а игольник.

Толстый красномордый министр сжимал в кулаке вырванную с мясом трубку «вертушки». Растрепанная брюнетка лет двадцати, не переставая орать, вскочила на ноги и бросилась через дорогу. Счастливо избежав попадания минимум под десяток машин, она вло-

милась в колючий придорожный кустарник и, оставив на нем немалую часть гардероба, пропала из виду.

С честью выполнившее свою задачу стекло издало нечто вроде удовлетворенного вздоха и с хрустом обрушилось, скомкавшись наподобие целлофанового пакета.

— Круто, — сказал Валюшок.

Министр, лежа на асфальте, припадочно хватал пастью воздух. Трубку он судорожно прижимал к груди. Сигнал в машине выбраковщиков надрывался.

Гусев, засовывая игольник в кобуру, спустился вниз. Ухватил ministra за грудки, не без труда поднял и аккуратно прислонил к машине.

— Я старший уполномоченный АСБ Павел Гусев! В следующий раз, — порычал он, заглядывая в вытащенные поросячие глазки, — будете включать мигалку, когда превышаете скорость, нарушаете разметку и создаете аварийные ситуации! Ясно?! И останавливаешься немедленно, если выбраковка требует. Понял?! Ничего ты, впрочем, не понял. Ты, кажется... — Гусев потянул носом воздух и поспешно отодвинулся. — В общем, записываю вам предупреждение, сударь. Уведомление получите спецпочтой. Тыфу!

Гусев оставил ministra в покое, обошел изувеченную «Волгу», бросил взгляд на перепуганных министерских лакеев и махнул рукой.

— Все расслышали? — спросил он. Шофер и охранник активно закивали, насколько позволяла неудобная поза. — Все поняли? Ладно, идите, подтирайте задницу своему хозяину. Принимая во внимание обстоятельства, вас обоих на первый раз прощаю. Но урок советую запомнить. Теперь свободны... Пойдем, Леха. Шоу окончено.

Выбраковщики уселись в машину.

— Обделался клиент? — спросил Валюшок, трогаясь с места.

— Угу, — кивнул Гусев, берясь за микрофон радиции и задумчиво морща лоб.

— Чем ты стрелял? Бронебойными?

— Угу.

— Зачем? Нарочно?

— Да нет же! — Гусев невольно повысил тон. — Отстань. Алло! Экипаж «двадцать седьмой», Гусев. Кто вызывает?.. Так точно... Да ничего особенного. Многократное намеренное создание аварийной ситуации на дороге и злостное неповиновение... Да, предупредил. А чего вы, собственно, хотите?.. Нет, дорогуша, это пускай он передо мной извинится... Сынок, ты что, не рассыпал? Гусев я. Гусев Павел Александрович. И твой вонючий министр ко мне завтра на караках приползет. Он у меня теперь в бо-ольшом долгу. А в каком именно долгу, я расскажу только директору Агентства лично конфиденциально. Так и доложи. Все, пошел на хер. — Гусев повесил микрофон на место и достал сигареты.

— Значит, ты все-таки ТОТ Гусев, — пробормотал Валюшок. — Интересно.

— Неинтересно, — отрезал Гусев. — Я не ТОТ Гусев, и вообще я не Гусев никакой, и оставьте вы меня в покое все хотя бы на минуту!!!

— Расслабься, Пэ, — сказал Валюшок. — Какой ты никакой, мне до лампочки. Все равно я с тобой.

— И на том спасибо, — буркнул Гусев. — Знаешь поговорку: «На бесптичье и жопа — соловей»?

Валюшок хитро прищурился, и у Гусева вдруг потеплело на сердце. Мимика у его ведомого была очень богатая. Хищно коситься, грозно набычиваешься, ехидно улыбаться и внушительно двигать челюстью Валюшок умел блестяще. Причем каждая гри-

маса была этакой самопародией, имитацией того, как на самом деле Валюшок мог бы выглядеть, случись ему родиться страшным и кровожадным.

«И за каким дьяволом ты поперся в выбраковку, парень? — думал Гусев, украдкой рассматривая Валюшка. — Неужели, как и я, чтобы не испытывать страха перед жизнью? Чтобы самому изображать ходячий ужас? Ох какая же это ошибка, дружище! Я-то знаю. Достаточно актерствовал, довольно изображал. Наизображенлся. Превратился в черт знает что... А может, тебя это минует? Ты ведь совсем другой, для тебя существование АСБ — не патология, не извращение, а норма бытия. Тебе не пришлось себя ломать, принимая родину такой, какая она есть теперь — осмысленно жестокой...»

— Так вот, ты не соловей, — заключил Гусев. — И я очень рад, что мы вместе. Хотя и занимаемся какой-то х...ней. Но даже распоследней х...ней гораздо приятнее заниматься в хорошей компании.

Валюшок заразительно улыбнулся и свернулся на Гоголевский бульвар.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Золотой дождь, порожденный «дракуломанией», не обходит стороной и отчество Вампира номер один. Именно интерес к Дракуле обеспечивает постоянный приток иностранных туристов на его родину.

Шеф Центрального, заложив руки за спину, прохаживался туда-сюда по вестибюлю. Из дежурки за ним затравленно наблюдали две пары глаз. Дежурные отвыкли не только нести службу, но даже несение

оной имитировать. Происшествия типа самоубийцы на Новом Арбате давно уже стали чем-то из ряда вон выходящим, особенно в центре города, защищенном дальше некуда. Агентство медленно погружалось в трясину беспросветной тоски. Даже почесать языком на работе поводов не находилось — разве что выходки шалопая Гусева немного поднимали настроение. Да еще элитарная группа Мышкина добровольно пошла «на собак» — тоже событие.

Гусев и Валюшок появились в вестибюле, когда шеф совершил очередной виток, удаляясь от входа. Гусев придержал дверь, согнулся в три погибели и боком по стене пополз в направлении дежурки. За ним, с удовольствием принимая игру, покрался Валюшок. Ему-то ничего особенного не грозило, это он понимал — грех не повалить дурака.

Дежурный высунулся в окошко и, млея от восторга, наблюдал за представлением.

Шеф уткнулся в стену, сделал четкий поворот и, не поднимая глаз, двинулся в обратном направлении. Он почти миновал крадущихся мимо новоприбывших и скорее всего не заметил бы их, если бы не дежурный с его улыбкой во всю физиономию, торчащий из окна.

— Стоять!!! — рявкнул шеф, расправляя плечи и сжимая кулаки. Чувство юмора у него явно заклинило.

Гусев и Валюшок разочарованно выпрямились.

Шеф налился кровью и издал утробный хрюп не хуже давешнего министра. Только шеф хрюпал не с перепугу, а от плохо сдерживаемой ярости.

— Значит, ты, — сказал он, тыча пальцем в грудь Валюшка. — Ко мне в кабинет и ждать. Бегом!

— Есть... — Валюшок ободряющее толкнул Гусева локтем и исчез в коридоре.

— А ты... Ты... — Даже эти несложные слова в ад-

рес Гусева шефу нелегко дались. Он резко повернулся к дежурке: — Дежурный! Старшего дневной смены ко мне сюда!

Сказав это, шеф как-то сник и опять принялся ходить взад-вперед. Гусев молча рассматривал свои ботинки и ждал развития событий.

— Ничего-ничего, — пробормотал шеф. — Не уточнишь ты меня, Гусев...

— Больно надо, — буркнул Гусев.

— Я еще тебя переживу...

— Да в чем дело-то, шеф?

— Мол-ча-ать!!! — проорал шеф. — Ах, ты не знаешь, в чем дело?! Ничего, там расскажут...

Тут прибежал старший дневной смены — все тот же Корнеев. Несмотря на глубокую личную антипатию к «папенькиному сынку», на этот раз он в точности как Валюшок двинул Гусева локтем. И даже выдавил нечто похожее на улыбку.

— Значит, так, Корнеев, — скомандовал шеф. — Бери машину, сажай туда Гусева и вези его в головной офис. Лично доведешь до кабинета директора и сдашь его помощнику. Если не будет особых распоряжений — сиди там и жди. Потом заберешь... — шеф злорадно глянул на Гусева, — ...то, что останется, и привезешь обратно. Лично отведешь ко мне в кабинет. После чего свободен. Выполнять!

— Есть! — четко отрапортовал Корнеев, щелкая каблуками. — Разрешите идти?

— Стоп. Гусев, — шеф протянул руку, — оружие сюда.

Гусев, который на протяжении всей речи шефа и ухом не повел, резко переменился в лице. Тем не менее он достал игольник и вложил его в требовательно шевелящую пальцами ладонь.

Шеф критически оглядел игольник и небрежно швырнул его на подоконник дежурки.

— Изdevа-а-ется, — проворковал он. И протянул руку вновь.

— Это мое, — деревянным голосом выдавил Гусев.

— У тебя своего ничего нет! — отрезал шеф.

— Интересная мысль. — Гусев возвел глаза к потолку. — И, кажется, верная...

— Корнеев, заберите у него огнестрельное!

Корнеев осторожно придвигнулся к Гусеву.

— Пэ, будь любезен... — попросил он.

— Личная собственность, — казенно процитировал Гусев в окружающее пространство, — не может быть отчуждена, кроме случаев...

— Сейчас будет тебе случай. Корнеев, читай ему «птичку»!

Корнеев оторопело глянул на шефа.

— Зачем? — спросил он. — И вообще, кого Пэ застрелит? Тут же только свои. В директора он, что ли, пулять будет?

— Старший уполномоченный Корнеев!!!

— Шеф, вы же этого на самом деле не хотите! Слушай, Пэ, ну отдай ты пушку, ей-богу!

— Корней, я тебя просто не узнаю. — Гусев улыбнулся давнему своему недругу и сунул руку под куртку. Очень медленно вытащил «беретту», но шефу ее не вручил, а пустил вдоль подоконника дежурки. Из окна метнулась рука и чуть было пистолет не сцепала, но шеф оказался еще проворнее. Он жадно схватил оружие, буквально выдернул из рукоятки обойму и подслеповато уставился на верхний патрон. Выщелкнул его прямо на пол и ткнулся носом в следующий. На лице шефа отразилось глубокое разочарование.

— Весь боекомплект сюда!

Гусев выложил на полированную доску еще три обоймы. Шеф и их придирчиво исследовал.

— Ладно, — сказал он уже не так злобно. — Корнеев, все ясно? Выполняйте.

— Не хочу с вами портить отношения, — печально сообщил Гусев, — но зря это все. Я на такие дела злопамятный. Пошли, Корней.

— Нет, вы только посмотрите на этого наглеца! — возопил за спиной шеф. — Злопамятный он, видите ли! Да по тебе каторга плачет, кретин!

Гусев на ходу полуобернулся было, намереваясь ответить, но Корнеев благоразумно увлек его за собой.

— На чем поедем? — спросил Корнеев бесцветным голосом, когда они вышли на стоянку.

— На моей. — Гусев уверенно направился к «двадцать седьмой».

— Сам поведешь?

— Нет. Тебе приказано, ты и вези. Слушай, Корней, ты вообще из офиса выходишь когда-нибудь? Смотри, надорвешься. И опять-таки всех денег не заработаешь.

— У меня дочь больная.

— Что-то серьезное? — машинально спросил Гусев, предаваясь раздумьям о том, какая головомойка ждет его у директора и что умнее будет говорить.

— Брак, — коротко бросил Корнеев. — По сердцу.

— Иди ты! — Гусев встал как вкопанный.

— Если не лечить — брак. А так держится потихоньку.

— Но должны же бесплатно...

— У нас такие операции просто не делают. Нужно везти за границу. Представляешь, какие бабки? Ничего, еще года два отпашу...

— Тыфу! — Гусев распахнул дверцу, сел в машину и достал ключи. Нащупал под сиденьем замочную скважину, повозился немного и выдвинул лоток сейфа. Вытащил потертый исцарапанный «макаров» и с откровенным неудовольствием его оглядел.

— Не могу без ствола, — виновато сказал он, протягивая Корнееву ключи. — Голым себя чувствуешь.

— Такой же маньяк, как и все, — хмыкнул Корнеев, заводя мотор.

— Не без этого. — Гусев копался под курткой, приложив оружие. В пластиковом ложементе игольника маленький пистолет тонул, из кобуры «беретты» — вываливался. Наконец Гусев просто сунул его за пояс.

Корнеев давно не сидел за рулем и путь на Лубянку выбрал неудачный — через набережную. Когда машина нырнула под Большой Каменный мост и Корнеев свернул налево, Гусев дернулся было, но опоздал. Впереди махнули жезлом, и поперек дороги выкатился милицейский «ушастик».

— Тютелька в тютельку, — сказал Гусев и посмотрел на часы. — Сейчас хозяин домой поедет. Ладно, минут десять покукуем.

Корнеев оглянулся — сзади и с боков их уже заперли такие же не наблюдающие часов раздолбай.

— Может, спецсигнал включить? — задумался вслух Корнеев. — Продеремся как-нибудь.

— Да ладно, — отмахнулся Гусев. — Мне спешить некуда, у тебя до конца смены тоже еще часа полтора. Отдохнем.

Некоторое время они сидели в полном молчании. Наконец Корнеев не выдержал.

— Так чем же вы стреляли в ministra, товарищ Гусев? — спросил он, ловко имитируя начальственный тон. — Заряд усиленный, сердечник бронебойный?

— Стекла хреновые делает наша промышлен-

ность, — ответил Гусев, стряхивая пепел за окно. — И министров о...уевших развелось как собак нерезанных. Что это за извращение такое — на заднем сиденье трахаться, когда машина по всей дороге скачет, будто укушенная?

— Опаздывал, наверное.

— К жене и детишкам...

— Обедать в тесном семейном кругу!

— Вот!

— Пэ, ты жене изменял когда-нибудь?

Гусев удивленно зажмурился.

— Корней, — сказал он проникновенно, — что с тобой? Ты же меня третьего дня чуть на дуэль не вызвал!

— А если я извинюсь?

— Давай. Мочи.

— Извини, пожалуйста, я был не прав. Видишь ли, Пэ, ты ведь не ходил дежурным по отделению, верно? А у дежурного, между прочим, когда он за пульт садится, психология ломается коренным образом. И раздражительность к концу смены резко подскакивает. Я просто немного перенервничал.

— Ну...

— В общем, забыли этот инцидент, а?

— Ну, забыли... — Гусев невоспитанно выбросил на дорогу окурок.

— Чего мусоришь? — тут же среагировал Корнеев.

— Люблю!

— А еще выбраковщик...

— Вот в этом ты весь, Корней. Ты чересчур правильный. Везешь коллегу на экзекуцию и следишь, чтобы он бычки за окно не кидал. А если меня прямо в головном офисе возьмут и расстреляют? Не станет ли вам, Корнеев, мучительно больно из-за того, что даже в последний час своего товарища по оружию вы не удержались от замечаний в его адрес?

— Красиво, — ухмыльнулся Корнеев. — Тебе бы книжки писать. О светлом пути и безоблачно счастливом будущем.

— Давно не читал ничего современного. Неужели такая муть?

— Ну отчего же... Хотя иногда ловлю себя на том, что с удовольствием взял бы какой-нибудь детективчик типа Марининой. Да только где ж его возьмешь теперь?!

— Вот уж ложа эта Маринина была! — не удержался Гусев. — Одна нормальная книга, я помню — «Стилист», и то она там периодически срывается с высокого штиля на язык милицейского протокола.

— Ложа не ложа, а в Италию свалить денег хватило.

Гусева такая логика слегка ошарашила, но тему он решил не развивать. Откинул кресло поудобнее и снова закурил. Корнеев выдвинул ему девственно-чистую пепельницу.

— А почему ты насчет моей жены беспокоился? — вспомнил Гусев.

— Да я вообще. Интересуюсь. Что-то у меня сломалось в жизни, понимаешь? Не то чтобы я свою разлюбил, нет. Но скучно все, пресно. А когда перепихнешься по-быстрому на стороне, так и домой — как на крыльях... Вот и думаю — один я такой или это нормально.

— Говорят — нормально.

— Ты давно в разводе?

— Лет шесть или семь, — равнодушно сказал Гусев и сам удивился, как легко у него получается говорить о том, что когда-то рвало душу. — Нет, я своей, конечно, не изменял. Просто в голову не приходило. Мы по большой любви женились.

— Так что же развелись?

— Она слишком остро хотела ребенка. А я через чур активно сопротивлялся.

— Почему?

— Да потому что трус я, — бросил Гусев. — Просто банальный трус.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Маленькое княжество Валахия лежало между Семиградьем и мусульманским колоссом, играя роль своеобразного буфера. Прежде чем напасть на трансильванские города, туркам требовалось покорить Валахию; и в интересах семиградцев было создать такое положение дел, чтобы султан дважды подумал, прежде чем начинать новую войну с Валахией.

Нынешнего директора Агентства Гусев лично не знал — этот человек занял должность полгода назад и был, по слухам, редкий мерзавец и прожженный интриган. Впрочем, так говорили в Центральном, где мерзавцами и интриганами считали всех, кто пробился на командные должности, не покидая офиса. Этот директор, как и два предыдущих, тоже ни разу не выходил на маршрут.

Вблизи отпетый подлец и негодяй производил довольно приятное впечатление. Гусев безотчетно доверял таким мужчинам — крупным, сильным, высоким, с неповторимой медвежьей грацией увальня, который старается поменьше махать руками, дабы не ронять ненароком шкафы. Гусевское самомнение намного превосходило его личные габариты, и он всю сознательную жизнь страдал от нехватки пяти сантиметров роста и десяти килограммов веса. Уверенное все-

го он чувствовал себя, когда шел по улице между Даниловым и Мышкиным. Даже с покойными Костиком и Женькой было не так, он все-таки за ведомых отвечал. А вот в этой компании у него наконец-то исчезал рефлекс на постоянное ожидание разбойного нападения из-за угла.

— Здравствуйте, Павел Александрович, — сказал директор. — Наслышины о ваших подвигах.

Гусев улыбнулся, скромно и с достоинством. Мол, какие-никакие, а действительно подвиги.

— Есть мнение... — Директор выдержал паузу. — Есть мнение, что ваши способности не были в полной мере оценены. Вы непростительно засиделись в оперативниках, товарищ Гусев. Передний край, невидимый фронт — это все замечательно. Но такой одаренный сотрудник, как вы, товарищ Гусев, вправе рассчитывать на большее.

Гусеву мучительно захотелось курить. Он никак не мог сообразить — издеваются над ним или нет. В глазах директора была какая-то неуловимая лукавинка, но как ее трактовать, Гусев не понимал.

— Подписано распоряжение о создании в системе ГУЛАК нового отдела. Называется подразделение... — директор заглянул в бумаги на столе, — ...«отдел системного проектирования». Заведующий в ранге моего заместителя. Вы же экономист, Павел Александрович?

Гусев, стараясь не пучить глаза, припомнил, что у него написано в дипломе.

— Вообще-то я больше оценщик, — сказал он неуверенно. — То есть я помню всякую лабуду типа «товар — деньги — товар штрих», но...

— Как раз ваш профиль. Задача отдела — комплексная оценка и выработка рекомендаций по утилизации и конверсии исчерпавших себя подразделений Агентства. Вы же знаете, Павел Александрович,

нам в наследство от бывшего Министерства юстиции досталось огромное количество самых разных структур. Пенитенциарные учреждения, например... Мы эти структуры в свое время успешно использовали, но значительная их часть уже не представляет для нас интереса...

— Поумирали каторжники? — ввернул Гусев.

— Вот именно. Вы, наверное, еще не в курсе, но в ГУЛАК грядет полная реструктуризация. И теперь нужно разобраться, какие объекты стоит перевести, так сказать, на гражданские рельсы, а какие в нетронутом виде передать на баланс МВД.

— Секундочку, — попросил Гусев. — Я же выбраковщик. Шериф. А ГУЛАК, если мне не изменяет память, — обычный трест. Ну, не совсем обычный, но все-таки — контора. Пусть даже и подотчетная АСБ.

— Нет, Павел Александрович, дорогой мой. Не контора, а мощнейшая промышленная группа. Оплот экономического благоденствия Славянского Союза. Вы, я вижу, не оценили перспективы. Если все пойдет по разработанному плану, через несколько лет вы, товарищ Гусев, окажетесь в числе руководителей самой могущественной государственной корпорации нашей страны. Понимаете, что это значит?

— Я так понимаю, что выбраковке конец, — сказал Гусев. — Простите, здесь курят?

— Да, разумеется. Вот пепельница. А как вы сами думаете, товарищ Гусев, сколько еще будет необходим в действии «Указ сто два»?

— И что же будет потом, когда его отменят? — спросил Гусев, закуривая. Ему было очень трудно изображать болвана-шерифа, не видящего дальше собственного носа, но он старался изо всех сил.

— Как раньше. Старая добрая система — прокуратура, Минюст, МВД. Конечно, с учетом накоплен-

ного опыта. Преступность в стране подавлена, остается поддерживать статус-кво. Давайте посмотрим в глаза реальности — АСБ как репрессивный орган свою задачу выполнило. На сегодняшний день существование Агентства просто теряет смысл. И между прочим, рейтинг АСБ по данным социологических опросов начинает снижаться. Народ уже не считает выбраковку фактором стабильности. Даже наоборот — высказываются опасения, что в отсутствие настоящих уголовников АСБ начнет «охоту на ведьм». — Директор сокрушенно вздохнул, демонстрируя, как ему это все неприятно. — Согласитесь, такое положение вещей малоприятно для нас с вами, да и не идет на пользу стране в целом. Скажу вам по секрету: там, наверху, — директор показал глазами куда-то на потолок, — мнения разделились. Кое-кто полагает, что нас следует немедленно распустить, пока еще спад популярности Агентства не принял катастрофические формы. Но большинство, слава богу, считает, что мы должны, так сказать, подчистить хвосты. Поэтому годик еще, я так думаю, поработаем. Однако подготовку к расформированию Агентства приказано начать сейчас же.

— Как вы со мной... откровенно, — нашел подходящее слово Гусев.

— Это с вами. Есть мнение, что вы умеете глядеть правде в глаза, не отворачиваясь. Вот из таких людей, проверенных, надежных, думающих о будущем страны и чувствующих за него ответственность, и будет формироваться управляющее звено новой структуры. Так что мой вам совет, Павел Александрович, — соглашайтесь. Будущее именно за «конторами», как вы изволили выразиться. Бескомпромиссная война, которую Агентство вело в течение почти десятилетия, завершилась полной нашей победой. Настало время подумать о том, как адаптироваться к условиям

мирного времени. Именно сейчас подумать и еще раз подумать. И принять единственно верное решение. Потом может быть поздно. Вы понимаете?

— Да, — кивнул Гусев. — В последнем вагоне на юг может начаться драка за полки.

Директор потер рукой подбородок. Гусев курил и ждал, хватит того на прозрачный намек или нет.

— Не совсем так, — сказал директор после короткого раздумья. — Я бы выразился определеннее. Но строго между нами. Вы понимаете? Строго. Впрочем, извините, не мне вас учить, что такое государственная тайна. Но вы тоже должны понять — меня никто не уполномочивал с вами делиться. Это, так сказать, моя личная инициатива. И от того, какие вы сделаете выводы...

«Так, — подумал Гусев. — Вот теперь все ясно. Теперь я понимаю, отчего старик так вытаращил глаза тогда на кладбище, когда я его спросил насчет отстрела выбраковщиков. Он просто ничего не подозревает. Чересчур велик и слишком инертен для того, чтобы войти в группировку, которая намерена заново поделить власть и собственность. Интересно, он воспринял мои предупреждения всерьез? Сомневаюсь. Но тем не менее старый хрен всегда старался меня защитить, даже когда опасность бывала гипотетической. Ведь сразу предложил исчезнуть из страны, тут же! А поняв, что я за границу не сбегу, решил хотя бы спасти меня от вероятной пули и капнул на мозги директору. А директор, оказывается, знает гораздо больше. И хочет сейчас на всякий случай прикрыть свою задницу. Ведь неизвестно, кто еще одержит верх в кремлевских разборках, — а директор раздолбая Пэ Гусева в любом случае прикарманит. И радостно сдаст его победившей стороне.

В одном директор прав — АСБ ликвидируют.

Агентство свое отработало. И слава богу, наверное. Хватит. Еще годик на маршруте, и Пэ Гусев окончательно сойдет с ума. Пора завязывать.

Но главный вопрос даже в другом — кто и как именно будет распускать АСБ. Может, действительно забежать в Кремль и рассказать, как тут со мной директор откровенничал? Предупредить старика, что он не видит заговора под самым носом? Стариk действительно очень сдал в последнее время. Да нет, глупости. Я и так дал ему более чем достаточно информации к размышлению. А у него-то самого хватает возможностей докопаться до истины. То же самое Агентство натравить на кого следует. Полчаса элементарного психотропного допроса — и вся правда на поверхности».

— Что? — переспросил Гусев, возвращаясь к реальности. — Ну, что вы там бормочете?

Директор опешил. Перед ним сидел неожиданно другой Гусев, совсем не тот, который только что мялся, делал большие глаза и разыгрывал из себя безответственного папенькиного сынка. Этого Гусева, настоящего, хорошо знали подонки, которых он «прихватывал» на маршруте. Но директор, разумеется, нет. Да и не предполагал даже.

— Говорите что хотели, — приказал Гусев. — Ну?!

— Э-э... — протянул директор. — Однако. Ну, в общем, я хотел пояснить, что тот самый вагон, как вы очень хорошо сказали... Конечно, в нем может оказаться тесновато. Но я не исключаю возможности... Что его просто отцепят от поезда.

И посмотрел Гусеву в глаза — кристально честным взглядом человека, который выдавил-таки из себя ровно столько правды, сколько был в состоянии.

«Вам что-нибудь известно о времени отправления поезда?» — чуть было не ляпнул Гусев, но удержался.

Это был бы уже перебор. Директор на такие откровения не пошел бы. Да и не знал он, наверное, деталей. В самый последний час ему позвонят и скажут — начинай. И всемогущее АСБ начнет «самоочищаться» от неуправляемых и опасных ветеранов, неспособных «поглядеть в глаза реальности». Агентство парализует себя, превратившись на время в замкнутую систему, которая будет слишком занята, чтобы выполнять приказы извне.

И как-либо влиять на происходящее вокруг.

А когда все кончится, выживший молодняк переведут в охрану чего-нибудь — хотя бы бывшего ГУЛАК, который станет каким-нибудь «Главресурсэкспортом», а на дверях головного офиса сменят вывеску.

И я, отсидевшийся в кабинете, останусь навсегда один.

Меня ждет одиночество в сто раз страшнее, чем то, в котором я пребываю сейчас.

Ведь меня даже не убьют — зачем? И не сошлют, и не спрячут.

Человека, который так легко предал своих, умнее использовать.

Я еще поживу — но какой ценой?!

— Ясно, — сказал Гусев. — И сколько же платят заведующему отделом в ранге замдиректора?

Директор расцвел:

— Не так уж много. Раза в три больше, чем вы зарабатываете на маршруте. Но зато и риска никакого. Вы меня понимаете?

«Да что ты заладил: понимаете, понимаете... Хуже Мышкина, ей-богу. Тот хоть придуривается, а тыто нет. Всего лишь стараешься быть многозначительным».

— А в перспективе... Впрочем, я вам уже говорил.

— Мне очень понравилась ваша формула «Дать Гусеву все», — с мягкой улыбкой сообщил Гусев. — Я был польщен до глубины души.

— А мне очень понравился ваш поступок, — с видимым облегчением расплылся директор. Трудные переговоры закончились, началась положенная по протоколу светская беседа, директор своего добился и был теперь, похоже, счастлив. — Я в курсе, что вам пришлось настаивать на своем. Этот юноша дознаватель оказался не в меру ретив и совсем недальновиден.

— Я, слава богу, уже не юноша. Бывают моменты, когда интересы Агентства расходятся с буквой закона.

Директор от восторга чуть не подпрыгнул.

— Кстати, я не один такой в Центральном, — сообщил Гусев.

— Какой? — напрягся директор.

— Сообразительный. И если вас интересует мнение частного лица...

— Еще бы!

— ...то методика реструктуризации нашей фирмы — ну, с отцеплением последнего вагона — может оказаться несколько э-э... расточительной.

Директор с облегчением нахмурился. Именно так — с облегчением. Он-то думал, что Гусев намекает, будто кое-кто тоже догадался о грядущем отстреле.

— У нас будет крайне экономное штатное расписание, — сказал он твердо. — И в нем просто нет места для экспертов по расстрелам на месте.

«Ух ты! — поразился Гусев. — Вот это как бывает, оказывается, когда продашь душу дьяволу. Вот какие начинаются разговоры... Жестко, четко, откровенно».

— Вы меня понимаете? — спросил директор вкрадчиво. — Вы как опытный выбраковщик должны меня понять. Вам же приходилось браковать своих, не так ли?

«Спасибо, напомнил!»

— Этой весной я забраковал двух своих ведомых, — сказал Гусев надменно.

— Да, я знаю. Вы поймите меня, Павел Александрович, я тоже не людоед. Я всего лишь реалист. Человек, который пробыл на маршруте больше трех лет кряду и тем более — принимал участие в специальных операциях... Вы же знаете, кто он. Эти люди неустойчивы, их понимание своей роли в обществе чересчур своеобразно. Они слишком долго ходили по грани между добром и злом.

— Я хожу по этой грани пять лет, — напомнил Гусев. — Ладно, хватит. Это все эмоции, простите. В одном я с вами согласен — нужен здоровый реализм. И с позиции здорового реализма... Сколько у меня времени на размышление?

— Понимаю, — кивнул директор. То, что Гусев может отказаться, ему, похоже, и в голову не приходило. «Время на размышление» просто входило в правила игры. — Понимаю и не осуждаю.

— Подготовиться. Свыкнуться с мыслью.

— Мы с вами сработаемся, Павел Александрович.

— Уверен.

— Постарайтесь дня за три.

— Неделя.

— М-м... Хорошо, неделя. Позвоните моему помощнику, скажите, что готовы к работе, и он тут же спустит в Центральное приказ о вашем переводе. А вы сдавайте дела, и на следующий день милости просим. Кабинет уже обставлен, персонал тоже на местах.

— Ах вот как...

— Да, отдел уже работает. Очень толковый заместитель, весьма компетентный молодой человек. Фак-

тически вам нужно только занять свое место и потихоньку, без лишнего напряжения...

— Хорошо бы. Устал напрягаться.

— Да что вы! — замахал руками директор. — Итак, я жду звонка.

Гусев встал и церемонно раскланялся. При этом у него из-за пояса чуть не выпал «макаров» — кургузый пистолетик выдавило наружу гибким сегментом «комбидресса» на талии. Гусев уже забыл, когда в последний раз выходил из дома без брони.

— Всегда при оружии... — пробормотал директор пафосно. — Всегда на посту... Тяжело будет отвыкать, наверное. Вы не поверите, дорогой мой, как я глубоко понимаю все эти проблемы. Я ведь тоже когда-то... Да-а...

— Рад был познакомиться, — сказал Гусев, запихивая пистолет глубже.

— А я как рад! Будет случай — передайте нижайший поклон Александру Петровичу.

— Непременно.

— Ну, до встречи с вами в новом уже качестве...

— До встречи. — Гусев усилием воли остановил поток взаимных уверений в совершеннейшем почтении и выскочил за дверь.

— Ну, как ты? — спросил Корнеев с тревогой в голосе, вскакивая и оглядывая Гусева с ног до головы, когда тот показался в приемной.

«Ох, не купишь ты меня, Корней! Тоже хитрец нашелся. Как услышал про бронебойные, сразу понял, что я почуял опасность. Но с чего ты взял, что я тебя резко полюблю и, если опасность действительно на валится, — предупрежу? Разве что дочку твою большую пожалеть...»

— Я — замечательно, — сказал Гусев, отечески хлопая Корнеева по плечу. — Ну-с, коллега, поехали

в Центральное. Вылечим шефа от излишней заносчивости. А то он в последнее время стал многовато брать на себя!

— Я так и думал! — воскликнул Корнеев. — Я именно так и думал!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Массовые казни — испытанный способ оостаться в памяти потомков; до сих пор большинство устных преданий о Дракуле сохранилось именно в цыганских тaborах.

Назад, в Центральное, Корнеев поехал нормальной дорогой, через Бульварное кольцо, чем очень Гусева расстроил. После встречи с директором поводов для размыщения набралось дальше некуда. Гусев приветствовал бы любую задержку в пути. И когда на подъезде в двух шагах от Петровки «двадцать седьмая» влипла в пробку — искренне обрадовался.

Корнеев, напротив, по пояс высунулся в окно.

— Что за ерунда... — пробормотал он. — Никакого шевеления. Пэ, ты видел когда-нибудь такое на Бульварах?

— В прошлом веке, — лениво бросил погруженный в себя Гусев.

— Сходить посмотреть? — Корнеев дернул ручник, включил передачу и заглушил двигатель.

Гусев тяжело вздохнул и полез в «бардачок» за компьютерной панелью. Вывел на монитор карту города. И от удивления чуть не вывихнул себе челюсть.

На схеме перекрестка было пять... шесть... Нет, гораздо больше красных точек. И много синих. Маркер

в виде крошечного автомата показывал — здесь стреляли, причем очередями.

— Корней, — выдавил из себя Гусев. — Похоже, мы застряли.

Он прыгнул с карты в оперативную сводку. Никаких деталей. Просто стрельба из автоматического оружия десять минут назад. Милиция уже на месте. АСБ к расследованию инцидента не привлекается. «Естественно — не наша компетенция. Наше дело забраковать преступника. Если найдут, кто...»

Гусев подвинул Корнееву панель, и тот в свою очередь тоже широко открыл рот:

— Мама!

— Вот именно. Ну что, полезли?

— Да... — Корнеев принял судорожно копаться, проверяя игольник.

— Оставь, Корней, — хмыкнул Гусев. — Там всех уже убили.

На перекрестке оказалось форменное месиво из покореженного железа, костей и мяса. Обильно политое кровью. Гусев тяжело слогнулся, позади тихо охнул Корнеев. Похоже было, что машины едва успели тронуться на зеленый, и тут кто-то с тротуара принялся по ним стрелять. По всем сразу, поливая огнем от живота, не имея конкретной цели.

Милицейское оцепление гоняло зевак. Вокруг раскуроченных автомобилей образовался целый муравейник — белые халаты, серая форма, гражданская одежда, — все слилось в одну копошащуюся массу. Несколько «Скорых», отчаянно воя, пытались выбраться с перекрестка, и еще множество сирен, закладывая уши, надвигалось со всех сторон. Адский шум заглушал стоны раненых.

И хруст битого стекла под ногами.

На единственном свободном участке тротуара, где остановились выбраковщики, образовалась все-таки небольшая толпа. Приходилось все время тянуть шею. Гусев пробрался к светофору, чуть-чуть подтянулся на гладком столбе и попытался охватить картину проишествия целиком. Где-то он что-то подобное уже видел.

Очень много битого стекла.

Весь перекресток в кровавых следах — там, куда еще не натекло, кровь занесли на ботинках.

«Нет, — подумал Гусев. — Я такого не видел».

Слышал. Читал. Думал.

Саратов.

Парень с автоматом, расстрелявший трамвай.

Какой-то подонок, нацепивший на грудь имитацию аэсбэшного значка.

Провокатор.

Кто-то подергал его за полу куртки. Гусев удивленно посмотрел вниз. Там оказался Корнеев с немым вопросом в глазах. Гусев совсем забыл, что не один здесь.

Расстрелянные машины не успели разогнаться и сбились в кучу, только одна вылетела на бульвар и въехала на площадку летнего кафе — наверное, мертвый уже водитель нажал на газ.

«И то хорошо — никого не подавили».

Гусев решительно прошел сквозь толпу и оказался нос к носу с милицейским сержантом. У парня был такой вид, будто его сейчас одновременно вырвет и пробьет на слезу. Гусев огляделся и нашел человека покрепче, немолодого усатого толстого старшину.

— Кто стрелял? — Гусев показал старшине значок.

Он ждал какой угодно реакции, но только не той, что последовала. Глаза милиционера округлились, а на щеках проступили красные пятна.

— Пошел на х...й! — прошипел старшина. Усы его встопорщились, и он стал похож на разъяренного моржа.

— Ты чего?! — обалдел Гусев.

— Я сказал — пошел на х...й! — Старшина опустил руку на кобуру. Гусев быстро сдал назад и вдавил спиной в толпу прячущегося за ним Корнеева.

— Что такое? — удивился тот. — Не пускают?

— Момент. — Гусев отодвинул его и почти бегом кинулся на другую сторону бульвара, где мелькали офицерские погоны. Корнеев, видимо безоговорочно принял его старшинство, тяжело пыхтел над ухом.

На углу возбужденно размахивали мобильными рациями как минимум десять полковников и целая стая чинов поменьше. Гусев сунулся было к ним, но его ухватил за шиворот очередной сержант.

— Вам нельзя, товарищ уполномоченный, — сказал он подчеркнуто сухо.

— Еще как можно. — Гусев попытался вырваться.

— Нет. Приказ ministra. АСБ не допускать.

— В гробу мы вашего ministра видели, у нас свой не хуже... — пробурчал Корнеев.

— Помолчи, Корней. Сержант, ты что-нибудь знаешь?

— Нет.

Гусев поднял руку, пытаясь хоть так привлечь к себе внимание. Повезло — к оцеплению выскочил раздраженный майор.

— Я старший уполномоченный Центрального отделения АСБ Гусев. Скажите, пожалуйста...

— Исчезни, — приказал майор.

«И у этого тоже глаза такие, как будто он в меня сейчас выстрелит, — отметил Гусев. — Неужели я прав и тут повторился саратовский вариант? Чтобы

мне, выбраковщику, какой-то майоришко, который меня раньше никогда не видел, говорил «Исчезни!»?

— Я же сказал — приказ министра, — пробурчал сержант, оттирая Гусева от майора, который сверлил выбраковщиков очень недобрым взглядом.

— Два слова, — попросил Гусев. — Это был человек со значком АСБ?

— Никаких комментариев, — процедил майор и ушел.

— Сержант! Это был человек со значком АСБ?!

Сержант коротко оглянулся на начальство и почти незаметно кивнул.

Гусев почувствовал, как почва уходит из-под ног. Корнеев ухватил его за плечо.

— Уходим, Корней, — сказал Гусев.

— Господи, да что же это такое...

— Уходим. Ты лучше подумай, как нам машину из пробки вытащить. Не на руках же ее нести... Ладно, дворами пролезем.

— Да как ты можешь...

— Что я могу?!

— Тут же такое... Такое...

— Успокойся, Корней. Мы уже ничего здесь не можем сделать. Пойдем, ну же! — Гусев плотнее запахнул куртку, чтобы невзначай не сверкнуть нагрудным знаком. Чересчур заметным.

Опасно заметным — теперь.

Валюшок сидел в «рабочей», положив ноги на гусевский стол, и пускал дым в потолок. Увидев своего ведущего не только без пулевого отверстия в голове, но даже и без наручников, он вскочил и кинулся к Гусеву через всю комнату:

— Ну, ты как?! А?!

— Поживу еще, — скромно ответил Гусев. — Что-нибудь слышно про стрельбу на Петровке?

— Да кто ж мне скажет... Кстати, инструктор по стрелковому заходил, тебя искал.

— Странно. Мог бы и позвонить.

— Значит, не захотел.

Гусев прищурился и ткнул Валюшка кулаком в плечо.

— Дельная мысль, — сказал он. — У нашего Вильгельма Телля крысиное чутье на пробоину в борту. Давай-ка, Леха, перестрахуемся. С этого момента по радио — никакой лишней болтовни. Только строго по делу. А то ведь нас подслушать — задача простейшая, было бы желание. Ладно? Чем тут занимался без меня?

— Соболезнования принимал.

— Издеваешься? — не поверил Гусев.

— Ни в коем случае. Пол-отделения сбежалось.

Данилов сказал — если что, в свою группу возьмет. Бывает, мол.

— Значит, гады, хоронить меня собирались... — вздохнул Гусев и помрачнел.

— Вроде того, — согласился Валюшок, немного смущившись.

— Выбраковщики... — Гусев выглядел не на шутку расстроенным. — Трусы поганые. Было время, они этих министров пинками из кабинетов выпроваживали. А теперь, стоило одному нормальному человеку поставить козла на его законное место, сами расстреляют. Н-да, подгнило что-то в Датском королевстве. Вот поэтому и ворье уцелевшее в город возвращается. Кто-то уже лохотронщиков на улице видел... А дальше что? Цыгане обратно через границу попрут?! Тьфу! Знаешь, был у нас такой народ — цыгане?

— Ну...

— Которым вроде как бог воровать разрешил?

— Ну...

— Вот они и воруют себе по-прежнему. Только уже не здесь. Как же их гнали отсюда, Леха! Это просто была песня какая-то. Агентство всю страну на уши поставило. Создали цыганам такие невыносимые условия жизни, что их как ветром сдуло. Мелюзга сама разбежалась, а тех, у кого особняки были по полмиллиона долларов, за ушко да на каторгу. Понимаешь, Леха, это ведь удивительно просто — выбить подчистую одну четко обозначенную социальную группу. Идешь в Останкино и говоришь населению: так и так, с послезавтрашнего дня объявляю цыган врагами народа. Потому что они, сволочи, мало того, что ворье и попрошайки, так еще и наркотой торговать навострились. А кто даст цыгану денег — тот, значит, не желает родине добра. И привет горячий.

— Да, так примерно и было, — согласился Валюшок. — Я помню.

— Ничего ты не помнишь. — Гусев помотал головой. — Потому что так на самом деле не было. Цыганская диаспора пустила в стране очень глубокие корни. И мы на одном только Киевском рынке забраковали пятерых ментов, которым местные цыганки дань платили. Явились туда с облавой — а эти гаврики, видишь ли, защитить решили своих подопечных от производа АСБ. А в целом по стране...

— Ты мне что-то хочешь сказать?

— Наверное. У выбраковки нет таких корней, Леха. И если завтра маразматика Литвинова заставят выступить по телевидению и объявить нас с тобой врагами народа... Увидишь, что будет.

Валюшок поежился. Он уже привык верить Гусеву во всем, но сейчас его ведущий, кажется, хватил лишку.

— Что делать-то будем сегодня? — спросил Валю-

шок, стараясь вернуть мысли Гусева в нормальное русло.

— Пока ничего. Мне сейчас к шефу на доклад — это еще полчаса минимум. Дальше не знаю. Надоело попусту по маршруту шляться. Может, к тому же Даниле на усиление попросимся. У него вроде бы перестрелка наклевывается. Ты не против?

— Да я что...

— Вот именно — что?

— Что?

— Я спрашиваю — чего ты хочешь, суперагент Валюшок?

Валюшок очень комично свел глаза к переносице.

— Пэ, не злись, — попросил он.

— Да я и не злюсь. Черт! — У Гусева вдруг неприятно задергалась щека. — Решать надо, Леха. Что-то надо решать.

— Ну и решай, — согласился Валюшок.

— А ты?

— А я — с тобой. Буду согласно инструкции держать ведущему спину.

Гусев сплюнул под ноги, резко повернулся и ушел.

Валюшок укоризненно посмотрел ему вслед.

— Ну? — спросил шеф. — Уходишь?

— Директор звонил?

— Представление на тебя пришло только что.

Гусев тяжело опустился в кресло и закурил. Шеф последовал его примеру. Вид у начальника отделения был так себе.

— А если я не уйду? — предложил Гусев.

— Ну и дурак.

— А все-таки?

Шеф пыхтел сигаретой и глядел пустыми глазами куда-то Гусеву через плечо.

— П...ц нам, — сказал он после короткого раз-

мышления. — Не сегодня, так завтра. На х...й тебе здесь оставаться? Шальную пулю в голову захотел? Уходи, пока жив.

Гусев закряхтел и уселся прямее.

— Я не смогу никого забрать с собой, — пробормотал он. — Ни вас, ни кого-то еще. Даже Лешку моего и то не получится.

— Спасибо, что предложил, — хмыкнул шеф. — То-то я все жду не дождусь, отчего это Гусев меня в головной офис не приглашает? В денщики к себе, любимому. В ординарцы.

— Хватит, — попросил Гусев.

— Ты знаешь, мне даже как-то легче стало после этой провокации сегодняшней, — признался шеф. — А особенно — с того момента, как на тебя запрос прислали. Я раньше сидел и думал — когда? А теперь все ясно. Можно наконец-то отдохнуть. Так меня зае...ла выбраковка, слов нет. Отдохну хоть немного, пока... Пока не придут.

Гусев раздавил сигарету в пепельнице и вытащил новую. Курить хотелось просто взахлеб. Он бы и водки сейчас выпил.

— И от тебя отдохну, — сообщил шеф. — Вытащили занозу из жопы, забирают драгоценного Гусева к е... матери!

Гусев хотел было возмутиться, но решил повременить. Он никогда еще не заставал шефа в таком жутком душевном раздрызге, и ему стало просто по-человечески интересно. Даже забавно.

— За стажера не переживай, его Данилов возьмет. Да ты и не переживаешь, я вижу. Тебе это, мать твою, недоступно. Ты же у нас железный человек, настоящий чекист. Как это там... Длинные руки, холодные ноги...

— Большие голубые глаза, — подсказал Гусев. — Оставьте, босс. Я же сказал — я никуда не уйду.

— Чего-о?! — взревел шеф.

— Молчать!!! — Гусев подал команду так жестко, что шеф оплыл в кресле и ошаращенно вытаращился.

Гусев встал. Он вошел в этот кабинет подавленный и угрюмый, но теперь в каждом его движении сквозила непрекаемая воля.

Шеф немного пришел в себя и теперь с глубочайшим интересом ожидал продолжения. Он привык, что Гусев язвит и выпендривается. Ему и в голову не приходило, что этот тип может вдруг начать распоряжаться.

Любого другого шеф в два счета выставил бы за дверь. Но Гусев шел по особому списку. Во-первых, они были почти друзьями. А во-вторых... Это был Гусев, человек, одной ногой стоящий в мире сильных и властных, но почему-то решивший, что с нормальными людьми ему лучше. Трудно было такого не уважать. И не прислушаться к его мнению, когда надвинулась беда.

— С этого момента, — произнес Гусев резко, — все силы бросить на оборону. Всем группам, выходящим на маршрут, поставить задачу в первую очередь беречь себя. Любой заказ на специальную операцию рассматривать как возможную ловушку. Подготовить здание к отражению атаки. Конечно, такой вариант сомнителен, нас должны отлавливать поодиночке, но тем не менее... Внешнее контрнаблюдение, ну, все, что положено, — вы это знаете гораздо лучше меня. И патроны бронебойные — каждому.

— И пару танков со склада выписать, — не удержался шеф.

— Еще... — Гусев сделал вид, что подначку не рассышал. — Я бы на вашем месте провел экстренное совещание ведущих и начальников групп. У нас дос-

таточно специалистов, чтобы просчитать возможные ходы противника. Идеально было бы не отпускать людей по домам. Идеально. Только слишком заметно...

— Дон решил — пора залечь на матрасы? — осведомился шеф.

— ...И конечно, попробовать наладить взаимодействие с другими отделениями. Выяснить, какие настроения за пределами Москвы. Если заваруха действительно начнется, то это произойдет в течение ближайшей недели. Думаю, будет как минимум еще одна провокация. Нужно готовиться. Я по-прежнему в вашем распоряжении и могу в случае чего надавить на остальных. Так что не раскисайте, а действуйте. И быстро.

— Это кто приказывает? — спросил шеф.

— Павел Гусев, — сказал Гусев и вышел за дверь.

В вестибюле Гусева окликнул дежурный:

— Пэ, зайди в оружейку. Инструктор говорит, нужно посмотреть твою пукалку. У тебя ведь был перекос на днях?

— Ничего себе — на днях...

— Ну, значит, до него только что дошло. Он совсем какой-то прип...зднутый стал. Кстати, с грядущим повышением тебя.

— Угу, — кивнул Гусев и направился в подвал. Оттуда доносился негромкий сухой треск — как будто грызли, набивая полный рот и давясь, чипсы «Московские». Гусев вспомнил, что сегодня не обедал, и ему сразу захотелось есть.

Конечно, инструктор не чипсами баловался. Он сидел на стуле в одной из стрелковых ячеек и, положив ноги на стол, постреливал из незнакомого Гусе-

ву короткоствольного автомата. Небрежно так, с одной руки. Из мишеней летели клочья.

Гусев осторожно приблизился, думая, как бы поделикатнее о себе заявить, чтобы не нарваться на пущу. Но инструктор почуял его приближение спиной. Обернулся, снял наушники, положил автомат на колени и поманил Гусева пальцем. Тот разглядел неподалеку кресло на колесиках, подкатил и сел рядом.

— Здорово, — сказал инструктор. — Какие новости? Уходишь?

— На кого же я вас брошу? Остаюсь, конечно.

— Ага... — Инструктор сразу повеселел. — Помнишь, был у нас с тобой разговор... Ну, ты помнишь.

— Насчет свалить по-тихому в Африку?

— Далась тебе эта Африка. Там, между прочим, белому человеку затеряться гораздо сложнее, чем в Латинской Америке.

— Это у меня, наверное, романтические грэзы детства. Всегда мечтал увидеть снега Килиманджаро.

— А другие снега тебя не интересуют? Монтана не подойдет?

— Мне надоели холода, — честно признался Гусев, внутренне напрягаясь. — Я стал очень трудно переносить зиму. Возраст, знаешь ли.

— Тогда будешь из Флориды ездить в Монтану кататься на лыжах. А потом снова на побережье. Помоему, замечательно.

— Рассказывай, — попросил Гусев. — Хватит рекламы. Говори о деле.

— Ты понимаешь, насколько это серьезно? — Инструктор выразительно помахал автоматом.

— Если проболтаюсь, ты меня убьешь, — легко согласился Гусев. Ему было на самом деле все равно, какую такую сделку предложит отставной контрраз-

ведчик. Гусев заранее решил отказаться. А послушать... Было просто интересно. Никогда еще Гусеву не намекали так откровенно на возможность продать родину в обмен на жизнь. И закладывать инструктора он не собирался. Какой смысл?

— Нет, дорогой мой, — сказал инструктор ласково. — Я тебя застрелю, если только почувствую, что ты в принципе можешь проболтаться. Малейшее подозрение — и конец беседе.

— А психотропный допрос? — улыбнулся в ответ Гусев. — Сам знаешь, что бывает, когда один выallbackовщик убивает другого.

— Не успеют, я буду уже далеко.

Гусев фыркнул.

— Ну и ладно, — сказал он. — Кстати, оружие мое у тебя?

— Угу. Потом заберешь.

— Тогда рассказывай.

Инструктор снова поиграл автоматом.

— Для начала статус политбеженца. Деньги, жилье, охрана. Потом, если захочешь, новые документы, новое лицо, все, что можно по программе защиты свидетелей.

— И против кого я должен свидетельствовать?

Инструктор бросил нервный взгляд через плечо — наверное, ему что-то померещилось.

— Ты ведь знаешь, кто именно придумал выallbackку, — глухим шепотом произнес он, подаваясь к Гусеву всем телом. — И как эта идея просочилась в Кремль, к нашим дуракам, которые самостоятельно даже велосипеда не изобретут. И к каким именно дуракам идея попала в руки, ты тоже наверняка знаешь. Кто делал проекты указов — сто второго и сто шестого. Кто толкал эту разработку. Ты же все знаешь, Гусев. Рас-

скажи об этом — и к тебе не будет никаких претензий, тебя еще и героем объявит.

— Кто именно объявит? — спросил Гусев.

— А ты не догадываешься?

— Правительство Соединенных Штатов?

— Я этого не говорил.

— Значит, они хотят иметь надежный компромат против режима Литвинова... Что ж, естественно. Но хватит ли для этого голоса одного человека?

— Ты даже не представляешь, как мало для этого нужно. Только несколько слов правды. Но твоим голосом, Пэ. Ты ведь у нас не просто выбраковщик, а Павел Гусев. Расскажи — и наконец-то вырвешься отсюда. Разве ты этого не хочешь?

— Допустим, хочу. Всегда хотел. А твой-то какой здесь интерес?

— Мы уйдем вместе. Можем прямо сейчас, можем чуть погодя. Но желательно не позднее завтрашнего утра. Понимаешь, они собирались кого-то спешно эвакуировать и этот коридор готовы отдать нам.

— А без меня, значит, ты им не нужен...

Инструктор сделал каменное лицо, и Гусев понял, что угадал.

— Попробуй выбраться сам, — мягко сказал он. — Спасибо тебе большое, но я отсюда никуда не уеду. Не могу бросить наших в такой кризисный момент.

— Второго шанса не будет, — прошипел инструктор. — Лови удачу, Пэ, не будь дураком. Ты же в Союзе как в клетке. Пусть она у тебя и золотая, на-верное...

— Ошибаешься. Моя жизнь такое же говно, как и у всех прочих.

— Тем более! — оживился инструктор. — У Союза никаких перспектив, он скоро загнется, ты это сам отлично понимаешь. Фашистские режимы подолгу не

держатся. Но на твой век бардака хватит. Давай хоть остаток дней проживи как свободный человек!

— А я и есть свободный человек, — сказал Гусев твердо, вставая. — Еще раз спасибо за предложение, но мне оно не подходит. Где мои пушки?

Инструктор раздраженно зарычал, но тоже поднялся на ноги.

— Я жду твоего звонка до рассвета. Подумай. Очень надеюсь, что ты примешь умное решение. Кого черта, Гусев! На хрена тебе расплачиваться за чужие грехи?! Кто тебе этот Птицын... Которого на самом деле не было... Или ты очень любишь старшего Гусева?! Не надо, только мне не п...ди. Ты же их всех ненавидишь, этих людоедов! Думаешь, никто не догадывается, зачем ты пошел в АСБ?!

— И зачем? — спросил Гусев с интересом.

— Потому что ты мечтал их самих забраковать! — выдал инструктор. — Надеялся, что Агентство действительно поубивает всех сволочей в этой блэдской стране! Разве не так?

— Господи! — взмолился Гусев. — До чего же вы мне все надоели! Да ни на что я не надеялся! Мне просто нужно было отдать старый должок.

— Какой? — жадно поинтересовался инструктор.

— Пушки мои верни, тогда скажу.

— Да вот они, в ящике...

Гусев покопался в указанном ящике, нашел свое оружие, придирчиво его осмотрел и рассовал по кобурам. «Макаров» он переложил в карман.

Инструктор томился в ожидании. Гусев шагнул к нему вплотную и прошептал в самое ухо:

— А перед собой должок. Ни перед кем больше. Совестливый я очень. Вот так-то...

И ушел, оставив инструктора в расстроенных чувствах.

**ГЛАВА
ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ**

*

Отношение к памяти Дракулы на родине совсем не такое, как в Западной Европе. Не то чтобы его считали национальным героем, но уважение к нему несомненно, и сегодня Влад считается одной из ведущих исторических фигур эпохи национального становления страны.

Гусева сцепали в шестнадцать десять, прямо на дороге. Он как раз ехал на диагностику — чрезмерно форсированный двигатель «двадцать седьмой» был капризен, и за ним полагалось внимательно следить. Гусев беззаботно курил, стоя на светофоре, когда с трех сторон его блокировали угрюмые черные джипы.

Гусев еще толком не понял, что случилось, а рука его уже дернула под сиденьем чеку аварийного маяка. Почуяв неладное и оценив расклад сил, выбраковщик повел себя единственным верным образом — не стал хвататься за оружие и вообще нарываться на стрельбу по себе, драгоценному, а просто метнул в эфир сигнал тревоги и сдался на милость победителя. Его выволокли из машины, уперли ствол в висок, сковали руки за спиной и небрежно швырнули в багажник.

«Вдесятером на одного — что за чертовщина?!» — только успел подумать Гусев, когда его тюкнули по затылку и сознание отключилось.

Джипы взвыли сиренами, включили мигалки и бешено рванули с перекрестка, чуть не переехав высунувшийся слева под «стрелку» вишневый «Порше». Один из нападавших запрыгнул в «двадцать седьмую», бросил на заднее сиденье объемистый чемодан и умчался следом.

Ошарашенный Валюшок протер глаза — ему по-

казалось, что он сходит с ума. Они с Гусевым должны были встретиться в ста метрах отсюда, под загадочной, но оттого приметной вывеской: «Православное братство священномученика Епидифора. Оптовый склад». Гусев пообещал договориться на аэсбэшной станции техобслуживания, чтобы Валюшку по-фирменному заклеили треснувший передний спойлер.

Пожалуй, не случись у похитителей такой накладки, Гусеву в этот день пришлось бы хуже некуда.

Гусев очнулся в незнакомом помещении, явно подвалном, намертво привязанный к стулу и совершенно ничего не понимающий. В глаза била ослепительная лампа, вокруг сновали какие-то незнакомые люди.

«Это не наши, — сообразил Гусев, мучительно стараясь припомнить, каким ветром его сюда занесло. — В наших допросных обстановка скорее медицинская. Ой-ей-ей. Наверное, бить станут».

— Очухался? — спросил его некто, прячущийся за режуще ярким лучом. — Ну, привет. Фамилия?

— Где я?

— Фамилия!

— Пошел на х...й, — ответил Гусев с надлежащим реплике высокомерным достоинством. Нет, он не помнил, как его взяли. Помнил, как проснулся, как созвонился с Валюшком, как сел в машину... Дальше шли только неясные обрывки. «Наверное, удар по голове. Вот сволочи!»

Собеседник усмехнулся, и тут же Гусеву кто-то такой же невидимый так звезданул в ухо, что даже вскрикнуть не получилось. Будто кувалдой врезали — тяжелый мощный тупой шлепок. С пострадавшей стороны наступила глубокая и неприятно мягкая по ощущениям тишина.

Гусев осторожно поднял голову с плеча, на которое ее обрушил удар. Он не расстроился и даже не разозлился. Ему просто стало мучительно обидно.

«За что?! Вы хотя бы скажите, гады, — за что?!»

— За что? — выдавил он.

— Фамилия!

Невольно Гусев припомнил свой недавний разговор с покойником по кличке Писец. И сам того не ожидая, в очень похожей манере ответил:

— Может, тебе еще и пое...ть завернуть?

«Вот в такие моменты и понимаешь, что ты — носитель великой русской культуры». Гусев почувствовал, что его потихоньку разбирает нервный смех.

На этот раз бить его не стали, просто затушили сигарету о кисть руки. Оказалось вполне терпимо, но еще обиднее, чем раньше. Гусев зашипел, как очень большая гадюка в брачный период, и метко плонул в обидчика, плечистого мужика в дорогом костюме.

Мужик, похоже, рассердился, потому что двинул Гусеву в глаз. Поле зрения мгновенно сократилось, в голове зазвенело. Мужик пропал — наверное, утиратся пошел.

— Фамилия! — орал невидимка.

«А то ты не знаешь! Черт, нужно было в свое время слушать шефа внимательнее, он же рассказывал, как строится классический допрос... Ладно, справимся. Главное — иди вразрез их тактике. Если я сейчас честно отвечу, мне будет легче раскальваться дальше. А я, мать-перемать, не отвечу, и все тут. Болтать согласен, поддаваться нет. Конечно, интересно, чего им от меня надо. Только вот гораздо интереснее, успели менты сесть им на хвост или нет. А если они сами — менты?!»

— Отвечать! Как фамилия?!

— Name's Bond. James Bond.

Комбидресс с Гусева не сняли, и это придавало наглости. Все-таки ему, кажется, не собирались прищемить дверью яйца или вырезать на груди неприличное слово. Как минимум — пока не собирались.

Действительно, ему всего лишь снова засветили по тому же глазу, выбив из глотки короткий задушенный всхлип. «Спешат. Через пару минут получилось бы куда больнее. Суки, окосею ведь. Но то, что спешат, — хороший знак. Кто же это?»

— Послушай, чего ты добиваешься? — спросил невидимка. — Отвечай, и мы тебя, может быть, не убьем. Может быть.

Гусев вслепую плюнул на голос, но, кажется, промахнулся.

— Да я застрелю его сейчас! — рявкнул мучитель, и Гусеву в зубы, основательно раскровенив губу, воткнулся ствол пистолета. Клацнул, вставая на боевой взвод, курок. Во рту стало неприятно сладко.

— Не спеши, — попросил невидимка. — Он же умный, он будет говорить. Правда? Ты будешь говорить, и мы тебя, может быть, отпустим.

— Ни хера мы его не отпустим!

— Спокойно. Я здесь командую. Эй ты, скажи мне что-нибудь! Например, имя, фамилию, звание.

— Страшный прапорщик Хуев, отдельный десантно-мародерский батальон! — отрапортовал Гусев. Он все отчетливее чувствовал приближение серьезной и неодолимой истерики. «Наверное, так будет даже лучше. Черта с два они от меня чего-нибудь добьются, если я сорвусь и начну визжать, брызгая слюной. Только уж очень это будет... Недостойно как-то».

Ему несколько раз дали по зубам и, кажется, порвали щеку. Лицо теряло чувствительность, перед глазами все плыло, сознание туманилось. Гусев извивался и шипел — реакция на уровне инстинкта, с ней он

просто не мог справиться, — но не издал ни одного сколько-нибудь отчетливого крика. Примерно так же с ним было, когда его в армии колошматили «деды». Он чувствовал такое бешеное моральное превосходство над этими сирными и убогими, что просто не мог показывать им, как ему больно и страшно. Позднее Гусеву самому не раз приходилось ломать клиентов о колено, и он только утвердился во мнении, что по-настоящему сильная личность никогда не станет мучить слабого и беспомощного. Она его просто запугает. Или перехитрит. Но опускаться до пыток...

Без психотропного допроса, исключающего всякое насилие по определению, АСБ превратилось бы просто в еще одну грязную охранку наподобие гаитянских тонтон-макутов или родного НКВД. Одним из ключевых пунктов легендарного «Меморандума Птицына» была поправка к Уголовному кодексу, допускающая, что свидетельство против себя может считаться доказательством вины. Исключительно — свидетельство, полученное под воздействием психотропных средств, протестированных и одобренных Минздравом.

Раздался треск, кольнуло ногу. Гусев шевельнул здоровым глазом и увидел, что ему распороли ножом брючину. Появился, кровожадно улыбаясь, и присел рядом на корточки давешний мучитель. В одной руке он держал кружку, из которой что-то прихлебывал, в другой — конец электрического шнуря с двумя оголенными концами.

Гусев набрал побольше воздуха и смачно харкнул кровью, разукрасив физиономию палача вплоть до полной неузнаваемости. Тот от неожиданности повалился на спину, облился водой из кружки и чуть было не уронил на себя провод. Гусев довольно захохотал.

Ему снова надавали по морде, на этот раз — от ду-

ши, с воплями и матом. Надо было позволить голове мотаться, демпфируя удар, но у Гусева уже пару минут назад что-то нехорошо хрустнуло в шее, и он боялся смещения позвонков. И так уже натерпелся после того, как несколько лет назад задержанный беспредельщик Кумар попробовал оторвать ему башку. С тех пор Гусев ни одного клиента не взял без предварительной обездвижки — боялся. Разве что вполне безобидного развратника Юрина неудобным оказалось сразу подстрелить. Что тут же повлекло за собой неприятности.

«Наверное, меня захватили прямо в машине. Успел я включить маяк? Должен был успеть, это рефлекс. Засекли маяк или нет? — размышлял Гусев, стараясь гнать подальше мысли о том, какой в программе допроса следующий номер. — Кто меня взял? Не бандиты, это точно. Контрразведка? Охрана какого-нибудь гада из правительства? Может быть. В любом случае они знают о маяке. Как егонейтрализовать? Допустим, я бы посадил в «двадцать седьмую» человека с помехопостановщиком и утнал ее к черту на рога. Сколько же мне тогда держаться?! Я помню — когда солнцевские захватили по дурости Баранова... Нет, какой, к черту, Баранов, это был Овчинников по прозвищу Бедная Овечка. Героический мужик, случайно оказался свидетелем ограбления банка и один попал на шестерых. Только он сразу чеку сорвал, знал, на что идет. Ненормальный. Так вот, Овечку нашли через полтора часа. Вернее — то, что от него осталось. А что от меня останется через полтора часа? А через два с половиной?»

— Чего ты добиваешься? — спросил невидимка почти ласково.

— А ты? — промычал Гусев.

— Я всего лишь хочу задать тебе несколько во-

просов. И чтобы ты не валял дурака, а ответил. Честное слово, мне совсем не в радость смотреть, как тебя уродуют, но ты сам заставляешь это делать. Не понимаю — зачем?

— А я не понимаю, зачем меня уродовать, когда есть пентотал-натрий. Один укольчик, и все, что у меня в голове, — твое.

— Долго ждать, пока сработает. Мы надеялись на сотрудничество. Признаться, не ожидал, что ты настолько глуп.

— Я очень глупый, — согласился Гусев. — Я просто тупица.

— Значит, ты вынудишь применить к тебе серьезные меры. Поверь, мне очень жаль.

— А мне-то! — Гусев выпятил губу, прицеливаясь, но понял, что невидимка стоит за пределами эффективной зоны поражения. Так что он миролюбиво харкнул себе под ноги. Крови у него во рту хватило бы, чтобы переплюнуть матерого верблюда.

Страшно по-прежнему не было. Только стыдно, противно и унизительно. Почему-то казалось неприличным предстать в таком чудовищном виде перед теми, кто явится на выручку.

Если, конечно, явится.

А так... «Конечно, у меня, как у любого, есть предел. Скоро он наступит. Очень интересно — разгово-рюсь я все-таки или вконец обезумею? Мне и так уже порядочно свернуло башню. Ишь как уперся! Действительно — что они могут со мной сотворить? Лицо раскурочили — так не мое ведь это лицо, я так и не полюбил его по-настоящему. Зубы выбывают? Все равно половина вставных с той самой автокатастрофы. А все-серьез меня калечить у них, похоже, нет приказа. Вот тут-то ваша слабина, подонки. Кому-то я очень нужен живой. Непонятно только, почему меня не схватили

утром, дома, пока я спал. Допустим, замок мой вскрывается очень непросто, да и сигнализация тут же оповестит ментовку. Но этим, наверное, с милицией договориться — раз плонуть. Так чего они ждали? Проклятье, совершенно не помню, как и где именно прошел захват».

На оголенное бедро пролилось что-то жидкое. Гусев склонил голову посмотреть, увидел капельки воды и тут же — те самые оголенные провода. Успел только внутренне сжаться.

Это было как ожог и ударило прямо в душу. Снова хрустнула шея. Гусев невероятным образом изогнулся, ничего уже не понимая и не чувствуя. Его швырнуло куда-то в такую бездну, откуда непросто выкарабкаться, когда боль пройдет.

По-настоящему больно. Чересчур.

Настолько чересчур, что Гусев опять не закричал. Он ждал от себя какой угодно реакции, но то, что произошло, его просто напугало.

Гусев дико, безумно, оглушительно захочотал.

Провода уже оторвались от его тела, а Гусев все подпрыгивал вместе со стулом, мотал головой и страшно ржал, брызгая кровавыми слюнями. Потом он начал отдуваться.

А потом заплывшими, но все равно округлившимися глазами уставился в направлении луча, который уже не слепил, потому что смотреть было почти нечем, и произнес:

— Ну вы... даете!!!

— Еще хочешь? — услужливо спросил невидимка.

— Конечно! — заорал Гусев. — Конечно, хочу!

Почему двести двадцать?! Триста восемьдесят сюда!!!

Его прижгли снова, и он мгновенно вырубился.

Переворот, названный позже «вторым октябрьским путчом», начался в пять вечера субботы. Не самое удобное время для масштабных операций по всему городу, но у путчистов были вполне определенные задачи. Семнадцать часов — пересменка у АСБ, когда в отделения подтягивается максимум выбраковщиков и их можно брать оптом. Брать легко — дневная смена устала, а ночная еще толком не проснулась.

Такого расклада не предполагал даже Гусев со всей своей хваленой тревожностью. Настоящего дворцового переворота он вообще не ждал. И того, что выбраковщиков назначат главными козлами отпущения, — тоже. Ему-то казалось, что «плохих» уполномоченных просто сменят на «хороших», и все. Придут с оружием, скажут лечь на пол... Ему просто в голову не приходило, каким страшным жупелом стала выбраковка в масштабах Союза и как удобно продемонстрировать силу всей стране, учинив в очагах вселенского зла — отделениях — массовый разгром.

Нападавшие появились в лучших традициях Агентства — словно из-под земли. Крепкие молодые парни, натасканные на штурмовку зданий и подгоняемые мыслью о том, что расчищают место для себя, вваливались в офисы и с порога кричали: «АСБ! Вы арестованы, сдайте оружие!» К их великому удивлению, в ответ, как правило, немедленно летела пуля, слава богу — не бронебойная, но все равно очень злая. Тем не менее молодые без особых помех одолели Восточное, Южное, Северо-Западное и Северо-Восточное отделения и почти всех там поубивали. На западе атакующим пришлось туго — идущая с маршрута тройка засекла подозрительные автобусы, стягивавшиеся к офису, и дала сигнал общей тревоги. Но численный перевес сыграл роль — отделение продержалось от силы минут десять.

Юго-запад в полном составе вышел на улицу с поднятыми руками и накидал во дворе гору оружия. Сдавшихся погрузили в автобусы, на которых подкатил штурмовой отряд, и куда-то увезли. Юговосточников, сидевших в отдельно стоящем здании с хорошо пристреливаемой территорией вокруг, пришлось выковыривать целых полчаса, и из этого отделения не уцелел никто.

И только в Центральном нападавших ждал неприятный сюрприз. В окнах горел свет, двор битком забили машины — все указывало на то, что здесь полно клиентов. Но внутри офис был совершенно пуст. Только в вестибюле сидела небольшая компания и смотрела по телевизору, как диктор читает обращение к нации.

— Дежурный по отделению старший уполномоченный Корнеев, — бросил через плечо один из зрителей бряцающей оружием толпе. — Не шумите вы так, детишки, я не слышу ни хера, что он там бормочет...

Как известно, на президентские дворцы и прочие крепости, в которых размещается власть, нападают только в двух случаях — либо приезжает на танках собственная армия, которой надоело бездельничать, либо на машине таранит ворота сумасшедший идейный террорист со взрывным устройством в багажнике. Все остальные почему-то считают, что эти объекты слишком хорошо охраняются, и поэтому захватывать нужно в первую очередь банки, телевидение и нервные узлы энергетической системы, прикрытые не в пример хуже.

Той же точки зрения придерживаются и лица, непосредственно отвечающие за государственную безопасность. Традиционно их усилия направлены в основном на выявление потенциальных маньяков-бомби-

стов и раскрытие антиправительственных заговоров в силовых министерствах. Непосредственной охране зданий и территорий внимания уделяется куда меньше — это системы настолько отлаженные, что в них уже просто нечего подправить. Вроде бы.

На самом же деле гарнизон любой крепости подсознательно чувствует себя припертым к стенке. В случае нападения извне гарнизону просто некуда отступить — только откатываться все глубже внутрь. Да, атакующих обычно гибнет втрое, а то и впятеро больше, чем обороняющихся. Но если в атаку идут настоящие мастера, ситуация иногда меняется с точностью до наоборот. Удивительно, но после того, как легендарная «Альфа» раскурочила неприступный дворец Амина, ни у кого в голове соответствующий звоночек не прозвенел.

В Центральном отделении АСБ города Москвы особенных специалистов по штурмовым операциям не водилось. Большинство уполномоченных имели, разумеется, боевой опыт, но воевали они давно и успели с тех пор обрасти жирком как в прямом, так и в переносном смысле. Отдел внутренней безопасности Агентства располагал по этим людям исчерпывающими данными и незадолго до путча выдал наверх соответствующий прогноз. Разумеется, в докладной не было сказано, что, когда некоторых сотрудников как следует прижмет, они могут повести себя, будто нахравшиеся мухоморов викинги. И тем более никто не учитывал давно известный факт — в критической ситуации, когда нужно бросаться на амбразуру, психи и отморозки могут сработать не хуже самых продвинутых мастеров.

Не ждал эксцессов и один из ведущих заговорщиков — нынешний директор АСБ, лично курировавший подготовительные работы по выбраковке своих подчиненных «старой формации». Длительное плано-

мерное давление на психику, осуществлявшееся на протяжении всего последнего года, должно было подготовить выбраковщиков к тому, чтобы они заранее смирились с печальной участью отставников и как следует ослабли духом. Служили в Агентстве люди негибкие, зачастую откровенно туповатые. Уполномоченные не должны были догадываться, что их всех ждет силовой захват, а потом — если выживут — обвинение в массовом терроре и геноциде русского народа.

Директор просто не знал, что такое лично выбраковывать собственных напарников и какие после этого интересные мысли намерто застrevают в голове.

Что полтораста человек, немолодых уже, много курящих и пьющих, могут броситься на Кремль, путчисты не предполагали. Это как-то не укладывалось в их план захвата власти да и в схему мышления вообще.

Временное правительство собралось в опустевшем по случаю выходного кремлевском «Первом корпусе» и, слегка нервничая, но очень довольное собой, внимало проникновенному голосу диктора, который уже перечислил страшные прегрешения старой власти и теперь зачитывал поименно состав кабинета, вырвавшего Союз из лап негодяев, коррупционеров и предателей.

Все шло как по маслу.

И действительно — в городе перекрыто движение, милиция на посту, армия готова подавить беспорядки, спецслужбы бдят, Агентство «самоочищается». По сообщениям из краев и областей, там состав АСБ уже полностью заменен, региональные лидеры готовы присягать на верность — им самим надоел до чертиков этот дамоклов меч, — а трудовые коллективы подписывают верноподданнические телеграммы. Какие могут быть случайности?

Только когда охрана испуганно сообщила, что через Боровицкие ворота бегут какие-то сумасшедшие, директор сообразил — Центральное-то отсюда меньше чем в километре и прескокойно может дойти пешком, не привлекая лишнего внимания.

Что оно и сделало. Как только сработал аварийный маяк Гусева, а Валюшок срывающимся голосом сообщил, что, похоже, его ведущего захватила какая-то спецслужба, у шефа сдали нервы. Он решил, что уже все — предсказанная заваруха началась. Поэтому Центральное, само того не зная, опередило путчистов на верных полчаса. Вслед за Валюшком, который осторожно сел похитителям на хвост, послали группу Данилова. На месте оставили Корнеева и еще человек десять с задачей «побольше мельтешить и суетиться» перед глазами трех наблюдателей вероятного противника, которых засекли еще с утра. А само отделение дружно кинулось в подвал и по давно разведанным «на всякий пожарный» теплотрассам уползло аж до Кропоткинской. Некоторые от такой адской физкультуры чуть не отдали богу душу. Потрепанные и очень грязные, но зато донельзя злые, аэсбэшники скрытно выбрались на поверхность через внутренние дворы, отряхнувшись и небольшими группками пошли воевать. Заложили крюк, выскочили из-под Большого Каменного моста, растоптали милиционеров-«вратарей», подорвали динамитом бронированную калитку¹ и оказались внутри главной крепости страны, в кото-

¹ Взрыв у Боровицких ворот Кремля в описываемый промежуток времени действительно имел место. Официальные власти никак его не комментировали, но, по сведениям из компетентных источников, взорвались баллоны с ацетиленом, подготовленные для проведения сварочных работ. В этот момент рядом проходила караульная рота. По факту гибели двадцати шести и ранения восемнадцати человек было возбуждено уголовное дело, итоги расследования нам выяснить не удалось. — Примеч. ОМЭКС.

рой со времен достопамятного «январского путча» сидели все основные властные структуры.

Ни мощная и хорошо вооруженная Служба охраны, ни Кремлевский полк к такому выкрутасу не были готовы. Охрана по большей части оказалась в разгоне, отлавливая записанных во враги народа депутатов Верховного Совета и министров на загородных дачах. А военные, как ни старались, задержать взбесившихся аэсбэшников не успели. И милиция, державшая оборону по периметру, тоже вынуждена была не отбивать атаку, а в основном догонять.

А главное — все, кому следовало встать нерушимой стеной на пути выбраковщиков, довольно смутно представляли, кто сейчас в стране хозяин, и не были уверены в том, что поступают разумно. В частности, новый комендант, явившийся принимать дела у старого и одновременно его арестовывать, первым делом выставил на стол бутылку коньяка.

Так или иначе, но под огонь попал только самый хвост толпы, почти уже целиком втянувшейся в здание правительственной резиденции. Задние, как и положено выбраковщикам, телами прикрыли авангард, а тот, оказавшись внутри, принялся с диким энтузиазмом убивать всех кого ни попадя, не обращая внимания на возраст и пол.

Когда полсотни окровавленных и взмыленных головорезов ввалилось в зал совещаний, где следили за развитием событий путчисты, телевизионный диктор еще не успел до конца рассказать народу, как его только что осчастливили.

Лица самих благодетелей оказались не особенно радостными — до них только что дошло, как по-дурацки они сами заперли себя в ловушке. Судя по тому, какие гости к ним нагрянули, — ловушке смертельной.

— В чем дело?! — во главе стола поднялся быв-

ший региональный барон, а теперь — премьер Временного правительства. — Что это значит?!

Он уже понимал, что это значит, но положено ведь говорить нечто патетическое в таких случаях.

— Караул устал! — рявкнули из толпы.

Шефа Центрального в зал доставили волоком — ходить он уже не мог.

Мышкин, радостно осклабившись, прицелился в директора АСБ.

— Этого не трогать... — выдавил шеф. — Пригодится еще. Другого какого-нибудь замочи...

Путчисты, в большинстве своем ровесники выбравшихся, «молодые выдвиженцы», начали, как в хорошей комедии, зеленеть.

— Кто тут у вас, так сказать, главный, пидарамы?! — осведомился Мышкин.

— Я председатель Временного правительства! — начал премьер. — И я не позволю...

Мышкин нажал на спуск. Он целился в верхнюю часть туловища, но у него дрогнула от усталости рука, и очередь эффектно разнесла самозванцу голову в мелкие клоочки.

— А кто теперь, значит, главный?! — спросил Мышкин снова, дождавшись, пока в зале не наступит относительная тишина. Слышно было, как в глубине здания отстреливается из трофейных автоматов от преследователей куцый и еле живой арьергард. Не знай путчисты, с кем имеют дело, они могли бы и потянуть время, дожидаясь помощи. Но к ним пришли смертники, а с такими шутки плохи. Тщательно продуманная схема переустройства власти в стране оказалась раздавлена простейшим человеческим желанием хотя бы немного пожить.

— Каковы ваши условия? — холодно произнес директор АСБ.

— Полный назад... — пропыхтел шеф. — Тех на-

ших, которые цели еще, — отдайте. И вообще, все, что успеете, — назад... Можете даже сказать людям, что ваш переворот удался. Но на самом деле — вы меня понимаете... Сумеете договориться с прежним составом — они и будут разбираться, как вам дальше жить и жить ли вообще. Прямо сейчас организуем каждому из вас личную охрану. И не дай бог... Ясно?! Теперь — немедленно приказ козлам прекратить стрельбу.

— Это все не так-то просто... — сказал один из путчистов, утирая с лица ошметки мозгов своего бывшего предводителя. Во главу стола никто старался не смотреть. Некоторых здесь уже стошило.

— Мышкин! Забракуй еще кого-нибудь! — распорядился шеф.

— Кого-кого вам?

— На твой вкус.

— Секундочку! — попросил директор АСБ и потянулся к телефону.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Можно только поражаться долготерпению народа, в течение почти десяти лет управляемого подобным государем. Но для того, чтобы понять «феномен Дракулы», надо учитывать существование постоянной внешней угрозы, висевшей над придунайскими странами в XV веке.

— Задание! — орал, надсаживаясь, чей-то голос. — Твое задание!

«Господи, ну и кошмар же мне приснился! Все, пора в отпуск! — подумал Гусев, мучительно пытаясь

выбраться из тупого сонного остоубенения. — А почему суставы так крутит? Погода, что ли, меняется?»

— Твое задание, сука!

«Нет, это не только суставы. Это просто все болит. Везде. Как бы глаза открыть... И где я?»

— Значит, ты у нас герой. Ладненько...

Бац!

— А-а-а!!!

Бац!

— У-у-у!!!

«Похоже, бьют кого-то. Интересно, за что».

— Леха, ты плоскогубцы не забыл?

— Обижаешь, начальник. Вот.

Хрустнуло.

— Ва-а-а-а-у!!!

— Да перестаньте вы шуметь! — попросил Гусев.

Ему показалось, что он произнес эти слова громко и отчетливо, на самом деле — едва выдавил. Язык еле ворочался, губы шевелились плохо и как бы сами по себе.

— Что он говорит? Пэ! Ничего, мой хороший, все будет нормально. Попробуйте ему водички дать, только осторожно.

— Сейчас, Паша, мы тебя унесем.

Гусев разлепил-таки один глаз, огляделся и ничего не понял. Он лежал на полу в каком-то незнакомом помещении, над ним склонился улыбающийся Валюшок. На лбу у ведомого красовалась здоровая ссадина.

— Привет, — сказал Валюшок. — А я машину разбил. Представляешь, только что. На парковку тут заезжал, сунулся в «бардачок» за сигаретами. Высунулся, гляжу — столб... Капот дыбом, фара — на фиг. И спойлер мой треснутый вообще отвалился. Вот так...

Рядом опять кто-то дико взывал.

Гусев с трудом повернул голову. В комнате ярко горела лампа, и в ее луче сидели два незнакомых голых мужика, намертво привязанные к стульям. Тот, что слева, был с ног до головы в кровище — это он сейчас кричал. Правый выглядел невредимым, только очень расстроенным. Казалось, он вот-вот заплачет.

Перед мужиками свирепо прохаживался туда-сюда Данилов с пассатижами в руках. Он тоже, наверное, куда-то врезался, потому что голова у него оказалась забинтована.

— Живой? — спросил он. Гусев слабо кивнул в ответ.

— Ну и отлично. Расслабься, бывает.... Главное — живой. А второстепенное мы сейчас выясним.

С этими словами Данилов вытащил из кобуры свой любимый «ПСМ» и почти не глядя выстрелил окровавленному мужику в голову. Тот коротко вякнул.

— Надо же, промазал! — удивился Данилов. — Может, еще попробовать? Что скажешь, одноухий? Или ты у нас к тому же одноглазый?

— Су-у-ка... — провыл одноухий.

— Нет, глаз потом вырву. А пока что ты будешь... Гомозиготный! Знаешь, что такое?

— Паша, — Валюшок снова наклонился над Гусевым, — ты, наверное, не понимаешь, что происходит. Это нормально, не беспокойся. Сейчас ребята там на верху закончат, и мы тебя вытащим. Ты в порядке, только лицо разбито немного. Ерунда, заживет...

— Гомозиготный — это одноглазый! — провозгласил Данилов.

— Все равно вам хана, людоеды... — прошипел «гомозиготный». — Все на каторгу пойдете, кого не убьют...

— Это ты, мил друг, на каторгу пойдешь. Ох и повеселятся же там! Ухо одно, яйцо одно, глаз тоже

один — насчет глаза я не забыл, не думай... Ты, ми-лашка, будешь главный прикол инвалидного барака! А что касается людоедов...

— А-а-а!!! А-а-а!!! У-у-у!!!

— Это тебе за Гусева, палач недоделанный!

— О-о-о...

— Повторяю вопрос. Задание. Ну?!

Раздался топот, как будто спускались по лестнице. В поле зрения появились несколько человек из группы Данилова. Старший оглянулся и вопросительно двинул подбородком.

— Умер Семецкий, — сказали ему. — Так что потери вчистую — девять. И раненых — десять.

— Меня-то зачем считать?

— Да нет, без тебя. Оказалось, Лопух с пулей в ноге бегал. Только сейчас заметил.

— М-да, бывает... Хорошо. Раненых грузите — и в больницу. От шефа есть что-нибудь?

— Он в Кремле надолго застрял, непонятно, когда освободится. Говорит, сами пока разбирайтесь. Да, Корней звонил. Он вызвал отдыхающую смену, так никто не пришел.

— Чего и следовало ожидать. По домам тепленьки-ми взяли. Главное — чтобы именно взяли. Тогда вернут. Ладно, хватит трепаться, берите Гусева. И вот что, Миша, пока будешь ехать, пробейся на «вертушку», найди кого-нибудь, чтобы отцу его передал...

Дальше Гусев ничего не услышал, потому что расслабился и то ли снова потерял сознание, то ли заснул.

— Ну, ты здоров дрыхнуть! — сказал Валюшок, присаживаясь рядом с кроватью, игравшей роль больничной койки. — Проспал революцию и контрреволюцию. Между прочим, тебя к ордену представили.

— «Беретту» мою принес? — спросил Гусев невнятно. Прошло уже три дня, а сплошная опухоль, в которую превратилось его лицо, едва-едва начала спадать.

— Извини, не нашли. — Валюшок горестно развел руками. — Может, потом объявится.

— Как же, объявится... Дознаватель какой-нибудь прикарманит. Жалко пушку, я из-за нее человека убил.

— Знаю я, как ты убил. Мне Данилов все расписал в красках.

— Наврал, конечно.

— Может быть. А знаешь, я ведь «браунингом» разжился. Все как положено, в бою взял. Когда тебя вытаскивали.

— Поздравляю. Машину-то чинишь?

— Некогда. Успею еще. Я пока на «двадцать седьмой». Колоритный аппарат, весь в пробоинах. Знаешь, как чайники на дороге шарахаются? Прямо жаль за-делывать.

— Что в отделении?

— Не поверишь. Укомплектовано заново теми самыми мудаками, которые нас убивать приходили. И главное — наглые такие... А знаешь, кто теперь начальник? Твой приятель Корней. Шеф на повышение уходит, чуть ли не директором.

Гусев тяжело вздохнул.

— Я действительно все проспал, — сказал он. — Слушай, Леха, строго между нами. Где бутылка, салабон?!

Валюшок от души рассмеялся.

— Я все ждал, насколько у тебя выдержки хватит. Вот. — Он воровато оглянулся, как будто в палате еще кто-то был, и добыл из-за пазухи литровую бутыль «Джек Дэниелс». — Нормально? А тут, в пакете,

я кока-колу принес, если захочешь разбавить. Там еще апельсины всякие, шоколад...

— Спасибо, — выдохнул Гусев и так вцепился в бутылку, словно это был эликсир молодости.

— Не за что. Долго тебе здесь?

— Да хоть сейчас выписывайся. Я просто не хочу, честно говоря. Надо перележать недельку-другую. Да и... Старшие товарищи советуют.

— Охрана у тебя просто зверская. Такие лоси у дверей сидят... Представляешь, с ног до головы обыскали. Думал, все — отнимут пузырь. А они только оружие забрали. Козлы. Будто я не выбраковщик!

— Ты выбраковщик, Лешка, — сказал Гусев серьезно. — Ты настоящий суперагент с лицензией на убийство. Если бы не ты... По большому счету, из-за тебя одного все получилось так, как... Ну, как оно сейчас есть.

— Да ладно...

— Ничего не ладно. Спасибо тебе.

— Мне тоже орден пообещали, — заявил Валюшок без всякой ложной скромности. Видно было, что он своими подвигами гордится. — Да всем достанется. Шефу — Героя, остальным по Красной Звезде. Говорят, даже Корнееву что-то обломится. За проявленное мужество. Я все думал — как это называется, когда тебе в рыло сапогом двинут!

— Не обижай Корнея. Не такое уж он дермо. У него, оказывается, дочь больная под браком ходит. Вот он и рвет на службе жилы. Видишь — дорвался...

— Угу. Ты извини, мне пора. Да, ближе к вечеру Данилов подъедет. Ты не прикончи бутылку сразу, он намекнул, что хочет с тобой о чем-то серьезно поговорить.

— Мне сейчас пара глотков — и глаза на лоб, —

сказал Гусев печально. — Алкоголь с обезболивающим... Ломовая смесь. А он не сказал конкретнее, в чем дело?

— Мне кажется, он тех уродов все-таки расколол, которые тебя допрашивали. Очень уж у него вид был загадочный.

— Какой там допрос... Так — глумления и издевательства. Знаешь, я ведь почти ничего не помню.

— А это разве плохо? — удивился Валюшок.

Данилов приехал очень поздно и застал Гусева весьма и весьма навеселе. Тем не менее он тоже вытащил бутылку и сунул ее больному под кровать.

— Охрана у тебя педерастическая, — сказал он. — Расстреливать таких охранников. Видят же — идет выбраковщик. Нет, все равно ноги врозь, руки на стены... Где они были, спрашивается, когда тебя сцепали?

— Да плюнь ты!

— Спасибо, выпивку не отняли. И то: «А не много ли будет?» Я говорю — вам точно мало не покажется, когда сюда все Центральное придет! В Кремле никому мало не показалось... Блин, жалею страшно, что не участвовал.

— Ну, извини.

— Ерунда, бывает...

— Я, между прочим, тоже не участвовал.

— Ха-ха! Пэ, если бы не ты... По большому счету, из-за тебя одного все так удачно сложилось.

— Это не из-за меня, — слабо возразил Гусев. — Это Валюшок постарался. И на месте оказался во время, и с хвоста его не стряхнули. Умеет ездить парень. Ну, рассказывай, как там вообще.

— Да погано. Бардак. В целом по стране накрылось семьдесят процентов личного состава АСБ. В Москве

самые маленькие потери у Юго-Западного, которое сразу лапки кверху сделало, ну и мы второе место держим.

— А сколько у нас?

— Больше половины. Убитыми — сто восемьдесят семь. Из них в Кремле — девяносто. Всех к Герою посмертно. Даже тех, кого по домам перестреляли.

— Много им с этого радости... Особенно семьям. Накатим по одной за помин невинно убиенных?

— Давай, — согласился Данилов, подхватывая с тумбочки стакан.

— Живи, Данила.

— Живи, Пэ.

Гусев пил осторожно, но все равно ему прижгло разбитую губу, и он поморщился.

— Ты обалденно вел себя на допросе, — заметил Данилов.

— Это как? — не понял Гусев.

— Достойно. Так довести этих козлов до белого каления...

— Да ты-то откуда знаешь?!

— Они все писали на видео. С самого начала.

— Черт побери! — Гусев аж подскочил на кровати. — И где пленка?

— Забрали. Приехал человек от некоего Гусева и забрал. Что, не надо было отдавать?

Гусев на миг задумался.

— Ну, отчего же... — сказал он. — Может, так даже к лучшему. Пусть ознакомится. А я там ничего такого... В смысле, уболтали они меня или нет?

— Нет, успокойся.

— Ты видел?

— Не видел, они сказали. Точнее, один из них. Я все по науке сделал — давил того, который посиль-

нее. И второй сломался. Правда, не раньше, чем я первого убил. Все-таки удивительное существо человек! Знает ведь, что это старый метод армейских разведгрупп и второго «языка» тоже обязательно кончат! Но все равно начинает говорить.

— Данила. — Гусев лег на бок, поворачиваясь к Данилову лицом. Против ожидания, тот не отшатнулся. Гусев на его месте не выдержал бы — пару часов назад он добрел до ванной и опасливо посмотрел в зеркало. После чего зарекся это делать на месяц вперед. — Слушай, дружище... Ты же выяснил, чего они от меня хотели?

— Да... Кажется, выяснил. Странная история, Пэ. Только учти — что бы я такого ни узнал, мое отношение к тебе не изменилось. И никогда не изменится. Усек?

— Этот «язык» сказал тебе, что я по утрам пью кровь христианских младенцев?

— Приблизительно.

— То есть? — насторожился Гусев.

— Понимаешь... Так странно... У них было две задачи. Первая — как следует тебя помучить. Наверное, хотели потом отослать пленку туда, куда она в конечном итоге и попала. Чтобы твой старик был посговорчивее.

— Это-то очень хорошо, — сообщил Гусев.

Данилов покачал головой и что-то неразборчиво промычал.

— Чего еще? — спросил Гусев. — Всякие малявки будут учить меня, как устраивать семейные дела?

— Ни в коем случае. Прости. Я только подумал — не было бы инфаркта...

— Этот старый хрыч сделан из железобетона. Скорее у тебя инфаркт будет. Ну и что дальше?

— А дальше... А дальше им было приказано узнать, кто настоящий автор «Меморандума Птицына».

— А я-то тут при чем? — автоматически спросил Гусев.

— Ну... Не знаю, — замялся Данилов.

— Нет, ты скажи, при чем тут я?

Данилов поднял на Гусева честные-пречестные глаза и очень тихо сказал:

— Вот и я думаю — при чем здесь ты, Гусев?

— Что это значит — «настоящий автор»? Я же тебе рассказывал...

— Заткнись, Пэ, — ласково попросил Данилов. — Думаешь, я тебе не верю?

— Подозреваю.

— А вот я хочу тебе верить, — произнес Данилов с нажимом. — Раньше верил и дальше хочу. И что бы ты мне ни сказал теперь — я буду верить.

— А тебе очень хочется знать правду? — спросил Гусев агрессивно.

— Наверное. Может быть. Все-таки интересно, кто это придумал. Это ведь не была коллективная идея, что бы там ни говорили. Такое мог придумать именно один человек.

Гусев почувствовал, что охватившая его внезапно злоба прошла.

— А какой это был человек, как по-твоему? — спросил он мягко.

— Очень несчастный, — сказал Данилов уверенно. — И обозленный на весь мир.

— Совершенно неспособный принимать действительность такой, какая она есть... — подхватил Гусев.

— Да-да. Вот именно. Он хотел все изменить.

Хотел сделать мир чистым и справедливым. Хотя бы в одной стране. Хотел создать единое общество, не разорванное, как обычно, на бандитов и лю-

дей, а цельное. Уничтожить основу преступности — ее воспроизведение. Дело ведь не в экономике, Данила, не в уровне жизни.

— Понятное дело, не только в ней...

— Да, не только и не столько. Воровать начинают с голодухи. Но это не значит, что, когда жизнь выпрямится, человек, который таскал с поля в карманах пшеничные колосья, обязательно начнет подламывать хлебные ларьки. Многие готовы стянуть то, что плохо лежит, когда жизнь берет за глотку. Но они не становятся от этого закоренелыми преступниками. А вот если тебя с детства научили, что работать глупо, потому что можно отнять, украдь... Кто научил?

— Тот, кто всю жизнь только это и делал, — подсказал Данилов.

— Вот именно. Знаешь, меня всегда ужасала история так называемых ссученных воров, которые пошли воевать в штрафные батальоны. Оказалось, многие из них потом стали даже офицерами, вернулись домой в орденах. Но на гражданке выяснилось, что они как до войны ничего не умели делать, так и теперь не могут. Предмета тяжелее чужого «лопатника» в руки не брали никогда. Разве что оружие. И все они очень скоро опять занялись прежним ремеслом.

— Естественно. А мы с тобой чем всю жизнь занимаемся?

Гусев оторопело умолк.

— Ты не сбивай меня, — попросил он. — Хотя, конечно, да... Это-то и есть самое жуткое. Но мальчишки, которые видят нас с тобой на улице, вряд ли станут выбраковщиками. И никогда не станут ворами. А тогда пацаны смотрели на гадов и думали — почему я в дерьме живу, а урка по ресторанам гуляет? Так и родилось новое воровское поколение. Даже политические... Впрочем, не важно. Теперь вспомни, что

здесь творилось в девяностые годы. То же самое. Нищая страна, толпы безработных — и мимо едут бандиты на «Мерседесах». Процесс нужно было остановить, понимаешь? Обрубить, пресечь, обрезать, переломить ситуацию в корне. И не только один Птицын думал — как? Многие думали. Но именно он построил и обосновал схему. Очень жестокую, но и очень справедливую. Далеко не идеальную. Но ведь она сработала?

— Конечно, — закивал Данилов. — Конечно, сработала.

— Мы это сделали?

— Ну разумеется.

— Так в чем проблема?

— Да ни в чем. Не заводись, Пэ.

— А я и не завожусь. — Гусев взял стакан и отхлебнул. — Просто обидно бывает иногда. Такие интонации звучат — как будто мы впустую работали.

— И вовсе даже не впустую! — обиделся за выбраковку Данилов.

— И на фига этим уродам знать, кто автор птицынских заметок?

— Это ведь контрразведка, Пэ. Мало ли чего они задумали. Может, хотели все на ЦРУ свалить. Найти разработчика и представить его как агента мирового империализма... Хотел бы я познакомиться с этим Птицыным. Хотя бы посмотреть, какой он был, — пробормотал Данилов, глядя под ноги. — Жалко, уже не получится.

— Его звали Лебедев, — сказал Гусев. — Лебедев Павел Леонидович. И ты прав, Данила. Этого человека больше нет.

Он перевернулся на спину и закрыл глаза.

— Бывает... — сообщил Данилов философски.

ГЛАВА
ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

В некоторых хрониках говорится, что он умер сам, без видимой причины, умер, сидя в седле. В других кровавую эпопею князя обрывают копье или меч. Они сходятся лишь в описании последующих событий. Найдя тело Дракулы, бояре изрубили его на куски и разбросали вокруг. Позднее монахи из Снаговского монастыря, не забывшие щедрости покойного, собрали останки и предали их земле.

С утра Ирина, как обычно, писала заключения по результатам обследований, которые провела вчера. За дверью кабинета стояла глубокая ватная тишина, изредка нарушаемая шорохом чьих-то обутых в тапочки ног и поскрипыванием кресел. Нормальная рабочая обстановка, всеобщий покой и заторможенность. Только непривычный к этой атмосфере человек мог бы отметить легкое напряжение, разлитое в воздухе. Ничего удивительного — в отделении функциональной неврологии не от грыжи лечат, здесь особый контингент, и от него исходят не всегда приятные флюиды. А может, все дело в едва различимом запахе лекарств, совсем не таких, какими обычно пахнет в больнице.

Ирина строчила заключения, иногда отвлекаясь, чтобы поразмыслять. Во время одной из таких отключек она вдруг поняла — ей что-то мешает. Оказалось, в коридоре, буквально под дверью кабинета, появился источник загадочного низкого гула. Ирина прислушалась. Гул разложился на два женских голоса, что-то назойливо бубнящих. И чем больше она прислушивалась, тем больше эти голоса мешали писать.

Помучившись еще минут десять, Ирина поняла, что работать так невозможно, и выглянула за дверь.

Ну, разумеется! По обе стороны от входа в ее кабинет стояли два глубоких кресла, и в каждом из них расположилась слабоумная бабушка. Судя по всему, старухи были еще и полуглухие, так как разговаривали на повышенных тонах, постоянно друг друга переспрашивая. Удобный диван неподалеку их не привлекал, они просто не соображали, что туда можно пересесть, а вот эти кресла, между которыми метра три...

Ирина вернулась на место, покачала головой и попробовала снова заняться делом. Но оказалось, что не слышать разговор за дверью она больше не может. Речь обеих старушек была наполнена многозначительными интонациями и привлекла бы внимание любого нормального человека — казалось, что бабульки обсуждают проблемы войны и мира. Да к тому же и в полный голос.

Ирина через силу продолжала стучать по клавишам, но в какой-то момент не выдержала и прислушалась — о чем же за дверью идет речь. Тут как раз к беседе присоединилась третья бабка. Конечно же, усевшаяся на приличной дистанции от первых двух, поближе к тихо бормочущему телевизору.

— А как вас зовут?

— Лидия Ивановна.

— Какое имя красивое — Лидия... А у меня внучка Лидочка... Представляете, маленькая совсем.

— Да, а у моего мужа, он, правда, уже покойный... Жалко, так тяжело умирал человек... А такой человек был хороший... Как его моя дочка любила! А дочка замечательная. Когда она, бывало, звонит мне в больницу и спрашивает — а как папа, — я говорю, вот папа так-то и так-то, ты не волнуйся... Она говорит — ничего, я сама ему позвоню. Вот как отца любила!

Боялась, вдруг я чего ей недоскажу, как с ним плохо. Беспокоилась.

— А у меня ведь тоже внучка есть, только уже большая. Наверное, почти как ваша дочка.

— А вам сколько лет?

— Да мне... Семьдесят восемь.

— Ну! Это вы еще молодая. Когда вам будет восемьдесят пять, как мне, вот тогда вы поймете, как это — быть старой.

«Чистой воды «салонное слабоумие», — подумала Ирина. — Ну, это надолго. Они могут поддерживать такой разговор до бесконечности, пока родственников и знакомых хватит».

И действительно, беседа плавно разворачивалась именно по такому сценарию. В кабинете Ирина тупо глядела в монитор и отчаянно боролась с желанием то ли побиться головой об стол, то ли выйти и поубивать бабушек.

Примерно через полтора часа старушки все-таки умолкли, потому что забыли, о чем дальше положено разговаривать. Или не могли вспомнить, у кого еще какие родственники есть. Споткнулись на ровном месте. Ирина слегка приободрилась. И тут...

— А вот этот-то, посмотрите! Он второй раз за утро идет курить. Надо же, как люди курят! Вредно! Нет, вы не знаете, Елизавета Марковна, как это вредно! Я была в санатории, где нам рассказывали о том, как именно влияет курение на здоровье человека. Нет, вы не представляете! Да-да-да, и легкие, и печень даже страдает!

— Надо же, и печень?!

— Да-да-да!

И бабки с упоением погрузились в благодатную тему — перемывание косточек молодежи, которая злоупотребляет курением, пьянством и другими фор-

мами разврата. Ирина со стоном уронила голову на руки. «Господи! Ну за что?! Ладно, какое-то время я не обращала на них внимания. Потом оказалось, что мешает гул. Потом ты начинаешь понимать, что слышишь этот дурацкий разговор во всех подробностях. А когда начинается обсуждение того, насколько плохо себя ведет нынешняя молодежь... В том числе и тот, кто второй раз за утро идет в курилку... И это — безумные дуры, у которых даже компьютерная томография наличия мозгов не обнаружит! Да, очень хочется выйти с большой дубиной и сказать — если вы сейчас не заткнете свои языки в свою поганую задницу... Но сделать этого никак нельзя.

А хорошо бы!!!

Неплохо бы принять такой закон, чтобы некоторые категории стариков тоже списывали в брак. Только не получится — власть имущие чересчур пекутся о старых людях. Почему-то считается, что именно такие бабки — главная опора правительства. Ирина решила взять себя в руки и как-то справиться с эмоциями. «Они же старые, они маразматички, у них «салонное слабоумие». Заняться им нечем совершенно. Дрыхнуть круглые сутки они не могут, им еще не выдали достаточное количество таблеток. Бедные старухи. И все-таки... Сдохли бы они поскорее!!!

Вот если бы они все передохли! — мечтала Ирина, позабыв, что минуту назад пыталась вызвать в себе понимание и сочувствие к чужим проблемам. — Тогда никакая сволочь не могла бы мне лично сообщить о том, что я обязана делать и как мне вредно что-либо делать вообще в этой жизни. Например, моя проклятая бабуля, мать ее за ногу... Они, суки, ведь тоже занимались черт знает чем в свое время, а теперь не могут! Реализовать свои потуги на то, как должен быть устроен мир с их точки зрения, они тоже не в состоя-

нии. И поэтому сидят и брюзжат. Все, на что способны. Безмозглые старые коровы!

И почему меня это так заводит в конце концов?! Да потому что они дуры! Какого черта они в таком идиотском состоянии живут на белом свете?!

И мне же еще, не приведи господь, с ними работать, и быть внимательной, ласковой, понимающей!

Да я и сейчас это делаю, потому что не выскочила и не заорала».

Старушки бубнили, Ирина злилась. Потом наступил обеденный перерыв, но уже в полвторого бабки вернулись и принялись талдычить дальше.

«Чем бы еще себя успокоить? — думала Ирина. — Ну, допустим, раз они такие живут, значит, Господь решил. Может, им положено так страдать. Может, они действительно страдают, находясь в таком состоянии».

Тут явился на психотерапию сумасшедший Петя. Он долго рассказывал Ирине, как его мучает деспот отец, достает целенаправленно, пытается извести. Все шло хорошо. Но посреди своего монолога Петя вдруг подскочил в кресле и взвыл:

— Ну а вот эти, вот эти старые тетки! Они третий день мне спать не дают своими дурацкими слабоумными разговорами!

«Боже, как я тебя понимаю, бедный мальчик!»

— Почему их никто еще не убил? — возмущался Петя. — Куда выбраковка смотрит?! Так и хочется выйти и дать им всем трубой по башке, чтоб заткнулись и больше никогда не возникали!!!

— Ну, Петя, — сказала Ирина через силу, — не только вам хочется многим людям дать по голове. Но мы же этого не делаем.

— И я не делаю, но очень хочется! Убивать надо

таких сволочей. Ведь они же сядут друг от друга подальше, ни хрена не слышат...

Выслушав эту тираду от больного парня, Ирина подумала, что, наверное, она все-таки умнее, да и здоровее в том числе. «Да и постарше буду. Так что все-таки надо решить эту проблему».

Внутренне настроив себя на спокойный и конструктивный разговор, она вышла из кабинета, прервав разговор бабушек, которые появлению доктора очень удивились.

— Извините, — сказала Ирина спокойно, — дело в том, что я очень прошу вас пересесть вон в тот угол поближе друг к другу. И вам будет легче разговаривать между собой, и все-таки будеттише, сейчас ведь тихий час.

Одна из бабулек на секунду задумалась и сообщила:

— Да мы знаем! Мы и Пете мешаем...

«Расстрелять!» — подумала Ирина.

— И Пете мешаете. Да вы поймите, я еще и работаю все-таки вот здесь, за этой дверью.

— Да? — сказала бабка с некоторым удивлением.

— Да, и если вы сядете чуть-чуть подальше отсюда и поближе друг к другу, то все будут довольны.

Бабки принялись со скрипом выкарабкиваться из кресел.

Ирина вернулась в кабинет, сдерживая улыбку. Ей вдруг стало очень смешно. Действительно — она столько времени не могла толком работать, потому что ее одолевали те же мысли, которые несчастного больного Петю мучают в течение всего дня!

И еще неизвестно, кто бы первым бросился на бабок с кулаками. Если бы сумасшедший мальчик не напомнил вовремя доктору, что тот все еще нормален и может решать такие вопросы, не теряя человеческого облика.

Эскалатор был почти пуст, и она — спокойная женщина в спокойном городе — вступила на разворачивавшуюся ступеньку, думая о своем.

Шаги, которые раздавались за спиной, ничуть не беспокоили ее, пока человек не остановился на ступеньку выше и не повернулся к Ирине лицом. Молодой, довольно высокий парень, чуть сутулые плечи, кепка на голове, из-под нее выглядывают светло-каштановые волосы, нос капельку длинноват. В общем, вполне обычный тип, только чем-то неприятен.

— Девушка, вы прекрасны! — раздался чуть гулковатый голос.

— Правда? — улыбнулась она. А что еще оставалось делать?

— Девушка, вы смущаетесь. Я хочу только познакомиться с вами.

— А я нет, — отрезала Ирина.

— Я не про то говорю. — Он снова приблизился. — Все девушки любят романтику, и по вашим глазам я вижу все. Вы просто Венера Милосская. Я отвезу вас за город на машине. Я вам покажу такие места! И вы тоже увидите, как черти и ведьмочки прыгают даже в тех местах по проводам!

«Мама! — Она невольно отступила на ступень ниже. — Господи, и никого вокруг!» Впервые в жизни Ирина об этом пожалела.

— А ведьмочки — они хорошенкие, как вы, только вы другая, у вас энергия другая. У меня тоже. Вы позволите мне искупать вас в ванной и почувствуете такой приток сил!

Этого она уже перенести не могла.

— Какая ванная! Я знать вас не хочу и слушать тоже! — Ирина посмотрела ему прямо в глаза, и ее пробрал озноб. Глаза были абсолютно чистые, прозрачные, довольно светлые, как льдинки. Особую стран-

ность им придавал зрачок. Абсолютно черный, он вызывал лишь одну ассоциацию, на уровне ощущения — с черной дырой, которая засасывает в себя.

«Прямо наш пациент. Ну почему сейчас, когда я к этому совершенно не готова? Почему не в клинике? И что мне теперь с ним делать?!»

— Ваша душа так чиста — я вижу это. Не то что у них — сплошь чернота. — Он понизил голос, приблизив лицо к ней.

— У кого? — автоматически переспросила она.

— Вы еще не знаете... — Он ненадолго умолк, склонив голову набок. Внезапно лицо его просветлело. — Но вы-то! Вы чистая, прекрасная моя. Я всегда знал, что встречу такое чудо. Истинное чудо на свете, человек — высший разум!

— Да, скорее всего. — С этим нельзя было не соглашаться. Только уж слишком приподнято. И очень хотелось отодвинуться, заслониться от чересчур близкого контакта с этим незнакомым человеком. Ирина поняла — она не может задействовать свои профессиональные качества сейчас, она просто не готова. Ей страшно. «Помогите кто-нибудь!»

— Конечно, высший, у настоящих людей, — продолжал разглагольствовать незнакомец. — Он покоряет. И их мы покорим тоже. Много позже. Но не печальтесь. Я буду с вами. Защищу и позабочусь. Я буду мыть вам ноги и купать. Вы никогда не чувствовали такого потока энергии, когда вас купают. Я вам ее передам...

«О боже, снова купать!»

Смутное подозрение зародилось в ее голове и, не успев оформиться в слова, вызвало больший испуг. Еще раз невольно, с недоверием заглянув ему в глаза, остановившиеся, немигающие, погруженные в себя,

Ирина прочитала: «Только выведи меня оттуда, изнутри, наружу — и смерть».

«Он же совсем больной — не дистанцированный, с бредом. И полным отсутствием контроля. Эскалатор кончается. Что с ними вообще-то делают на открытом пространстве?» — пронеслось у нее в голове, а в это время она уже кивала и произносила:

— Да, принять поток энергии от другого человека и передать часть своей — это проявление высшего единения... — Наконец-то в ней проснулся опытный профессионал.

Эскалатор уже почти вынес их наверх. Впереди показались какие-то люди, но вряд ли они могли помочь. Ирина до конца осознала, что за типа ей принесла нелегкая. Этот человек смертельно опасен. Малейший неудачный жест, крошечная ошибка в разговоре — и он взорвется. А что у него в кармане, где он держит руку? Нож?

Додумать она не успела. Только заметила боковым зрением, что впереди и чуть левее стоит у аптекного кiosка мужчина и очень внимательно изучает ее лицо. Дальше время спрессовалось, и за какие-то секунды произошло очень много всего. Мужчина сделал резкое движение, раздался звонкий треск, и сумасшедший, закатив глаза, начал медленно валиться на спину. Двое молодых парней, будто соткавшиеся из воздуха, подскочили и буквально сдернули его с эскалатора. А тот мужчина оказался совсем рядом и протянул ей руку. Левую. В правой у него было оружие — большой и какой-то игрушечный с виду пистолет.

— Прошу, — сказал он, и Ирина шагнула наконец-то на твердую землю. Впервые за этот утомительный день.

— Леша! — мужчина обернулся к парням. — В угол его, подальше. Установи личность. Андрей! Быстро

мне контакт со здешними ментами, утряси что положено. И «труповозку» вызови. Так... — Он спрятал пистолет.

— Все нормально! — Это подбежала от турникетов взволнованная дежурная.

Мужчина отвел в сторону лацкан куртки, и на его груди вспыхнула переливчатыми огнями яркая эмблема.

«АСБ! — догадалась Ирина. — Разумеется, кто же еще. Слава богу!» Она никогда раньше не видела так близко настоящего выбраковщика, и значок мужчины сверкнул перед ней как символ полного избавления от любой мыслимой и немыслимой беды.

— Старший уполномоченный Агентства социальной безопасности Гусев, — представился мужчина, нависая над крошечной дежурной, как скала. — Центральное отделение. Можете ни о чем не беспокоиться, продолжайте работать. Теперь вы, барышня. Здравствуйте. Павел Гусев. Похоже, мы успели вовремя, да? Ну, успокойтесь, все уже в порядке. Вы под защитой АСБ. Этот человек угрожал вам?

— Да... Как вы догадались...

— У вас было э-э... несколько испуганное лицо. Что конкретно произошло?

— Bay! — воскликнул в углу выбраковщик Леша.

— Извините. — Его начальник повернул голову на возглас. Теперь Ирина была уверена, что этот Гусев именно начальник.

Леша продемонстрировал что-то блестящее, поймал опасливый взгляд Ирины и мгновенно спрятал находку в карман.

— Ерунда, — небрежно бросил Ирине Гусев. — Вы рассказывайте, пожалуйста.

— Он сумасшедший, — объяснила Ирина, чувствуя, что приходит в себя. — Бредовые концепции, от-

существует контроль, нет чувства дистанции. Большего сказать не могу, его нужно обследовать, но он, безусловно, опасен. Видите ли, я... — Она достала служебное удостоверение.

— Ах вот как... — Выбраковщик посмотрел в ее документы и удовлетворенно кивнул. А Ирина наконец-то его разглядела. Очень симпатичный мужчина лет сорока, с легкой сединой в черных волосах и прелестной лукавинкой во взгляде. Очень приятный, даже красивый. — Ну что же, Ирина... Георгиевна.

— Можно без отчества.

— С удовольствием. Во-первых, я вам искренне соболезную. Ко мне тоже иногда пристают мои э-э... клиенты в самое неподходящее время. Каждый раз будто гром с ясного неба. Поэтому я вас отлично понимаю. Теперь что у нас во-вторых? Да, во-вторых. Понимаете, милая Ирина, раз это опасный псих, сниается множество утомительных формальностей. Мы просто возьмем его за белы рученъки и отправим на экспертизу. После чего он получит такое лечение, что навсегда разучится ездить в метро. Разумеется, — Гусев поднял указательный палец, — если вы не собираетесь предъявить ему обвинение. Подумайте. Леша, что там у тебя?

Длинноволосый Леша, сидя на корточках, склонился над экраном маленького переносного компьютера. Еще какой-то прибор он зажал между плечом и ухом. Сумасшедший лежал совершенно неподвижно, как мертвец. Редкие пассажиры, сходя с эскалатора, осторожно косились в его сторону. А некоторые просто не обращали внимания.

— Готов, — доложил Леша, глядя на экран. — Ого! Действительно готов. Три предупреждения, все заекскуальные домогательства. Два психиатрических освидетельствования, последнее в том году... Ограничено

ние гражданских прав по дееспособности. Так, да он еще и в бегах! Пропустил контрольный осмотр. Ну, мужик, допрыгался!

— Можете не думать насчет обвинения, — сказал Ирине выбраковщик. — Этот деятель уже труп, безо всякой экспертизы.

И заразительно улыбнулся.

«Значит, он исчезнет, — подумала Ирина. — Исчезнет и никогда больше передо мной не появится. Какое счастье! Я могу о нем не думать, не вспоминать, не бояться... Нелегко будет себя убедить, но я сумею, у меня получится».

— Спасибо, — прошептала она. — Спасибо... Павел.

Ее начала бить нервная дрожь, и машинально она схватилась за плечо Гусева.

— Не за что... — раздался совсем рядом ласковый голос, — ...Ира.

— Шеф! — прибежал третий выбраковщик, Андрей, совсем еще мальчишка. — Все сделано, машина на подходе, милиция в курсе.

— Понял, молодец. Леша, сворачивайся.

— Угу, — пробормотал Леша, как-то слишком не-почтительно выдирая из гнезд на боку компьютера провода. — Ничего себе — зашли аспиринчику купить...

Гусев рассмеялся и бросил на Ирину подчеркнуто теплый взгляд.

— У меня заболела голова, — объяснил он. — Как оказалось — к счастью. Иначе вам пришлось бы терпеть этого психа до самого выхода. Там менты стоят, они бы помогли. А сейчас... Давайте потихонечку движемся наружу. Подъедет наш фургон, там есть врач, он даст чего-нибудь успокоительного. И я вас отвезу домой. Вы же здесь живете?

— Да, спасибо... — Ирине показалось, что отвозить

ее домой — это уж чересчур, она такого не заслужила. Но очень хотелось, чтобы Гусев хоть ненадолго остался рядом. С ним было тепло и безопасно. — Мне на Третью Фрунзенскую, отсюда недалеко...

— Простите за нескромный вопрос, вы давно здесь?

— Всю жизнь. С детства. А что?

— Просто мы соседи, — улыбнулся Гусев. — Как обидно, что я вас раньше не встречал.

— Может, встречали...

— Нет, я бы не забыл, — сказал Гусев твердо. — Ну, пойдемте? Отлично. Леша, подожди тут. Андрей, за мной.

У выхода стояла машина «Скорой помощи», и какие-то плечистые ребята вытаскивали из салона носилки.

— Андрей, проводи, — скомандовал Гусев. — Эй, доктор! Осмотря-ка потерпевшую. Держится она героически, но я бы не рисковал.

Ирина позволила усадить себя в «Скорую», Гусев остался курить снаружи.

Врач открыл дверь через несколько минут, вышел из машины, подал было Ирине руку, но Гусев успел первым.

— Порядок, — сказал ему доктор. — Совершенно здоровая молодая женщина. Давление чуть подскочило, но это естественно. Немного валерьянки и крепкий продолжительный сон.

— Все нормально? — спросил Гусев Ирину.

— Да, — она улыбнулась в ответ. — Кажется, отпустило. Знаете, не надо меня никуда везти. Я с удовольствием пройдусь. Такая чудесная погода...

Мимо пронесли на носилках обмякшее тело. Ирина на своего обидчика даже не посмотрела. Он больше не существовал, его забраковали. Она смотрела на Гусева, будто чего-то ждала.

— Можно я провожу вас? — попросил Гусев. Немного смутившись то ли потому, что очень давно не говорил таких слов женщине, то ли из-за доктора, который рядом терзался мучительной завистью. Совершенно искренне попросил.

— А вам можно... сейчас?

— Ему все можно, он начальник, — буркнул доктор. — Ну, до свидания, мы понеслись.

— Спасибо, живи... Да, Ира, мне все можно. Если вы позволите.

— Конечно, — сказала Ирина. — Конечно, я буду рада.

— Два слова ребятам, и я ваш. — Гусев отошел к своим подчиненным, которые с почтительного расстояния скалили зубы и таращили глаза. Особенно забавно выглядел Леша, он так и пыжился весь от восторга. «А ведь мальчишки любят его, — подумала Ирина. — Мальчишки славные, кого попало любить не станут, значит — есть за что. Да я и сама знаю почему. Он не очень счастливый и очень добрый. Изо всех сил давит в себе эту доброту и ничего не может с ней поделать. Он и в выбраковку пошел, наверное, потому что боялся окружающего мира, такого жестокого и неприветливого. Решил, что нужно самому превратиться в чудовище, и тогда ему будет не так страшно жить на свете. Наверное, детская травма. Глупый. До чего же все мужики глупые...»

— Живите! — Гусев коротким взмахом руки отпустил ведомых. Они издали поклонились Ирине. А Гусев вернулся к ней. Ирина взяла его под руку, и это получилось так естественно, как будто они каждый день ходят вместе от метро домой. «Хотя он-то, конечно, ездит на машине. Интересно, которая его?» — Ирина проводила взглядом отчалившие от тротуара автомобили выбраковщиков — распластанные по земле

стремительную вишневую иномарку и какие-то странно мускулистые на вид «Жигули».

— Вы давно работаете в АСБ? — спросила Ирина. Просто для приличия. Могла бы и промолчать, ей было с Гусевым и так хорошо.

— Давно, — вздохнул он. — Чересчур давно. Пора менять профессию. Только еще не придумал, какую именно выбрать. Которая пригодилась бы в Африке.

— В Африке?

— А почему нет? Здесь скоро будет холодно, а мне, знаете, жутко надоели холода. Разлюбил я нашу вечную зиму.

— Я тоже, — согласилась Ирина. — Все время хочется уехать куда-нибудь, где тепло. Пусть даже жарко. Лишь бы отсюда.

— Это у нас с вами из-за работы, — сказал Гусев. — Вы слишком много видите больных людей. А я — плохих. Невольно мы озлобляемся и начинаем потихоньку ненавидеть родину, где сплошь подонки и ненормальные. В принципе Союз — не самая дурная страна. Только очень уж холодная.

— Очень холодная, — кивнула Ирина.

Гусев на миг отвлекся — им навстречу попалась умильительная пара. Невысокий крепко сбитый милиционер вел за руку прелестную светловолосую девочку лет шести-семи. Девочка что-то радостно щебетала, а милиционер ей поддакивал с очень серьезным видом. Заметно было, что он просто тает от удовольствия и совершенно не стесняется показать это всему миру.

«Классический счастливый отец, — подумал Гусев. — Надо же, как его распирает. Почему я всегда боялся иметь детей? Трусливый дурак. Может, еще не поздно? Конечно, не поздно. Уехать к чертовой матери отсюда, жениться, завести ребенка... Нужно про-

сто решиться. Хоть раз в жизни что-то твердо решить. Поступить наконец-то по-мужски. Господи, как приятно идти рядом с женщиной, которая тебе по-настоящему понравилась! Хоть бери ее в охапку... и пусть даже в Африку!»

— Как ваша голова? — вспомнила Ирина.

— Я даже забыл. Прошла. Совершенно. Мне просто хорошо. С вами.

— Знаете... Мне тоже.

— Вот и замечательно, — сказал Гусев.

Он на секунду обернулся, провожая взглядом милиционера с девочкой.

Участковый Мурашкин посадил Машеньку себе на руки и нежно поцеловал в щеку.

Цифры и факты — Историческая справка —
Общественная жизнь — «Меморандум
Птицына» — АСБ изнутри — Техника — Персоналии

ЦИФРЫ И ФАКТЫ

Согласно данным Мемориального архива главного управления лагерей и каторжных работ, в период с 2001 по 2009 год в системе ГУЛАК отбывало наказание за подрыв экономики страны и преступления против личности 15 миллионов 864 тысячи 502 гражданина Славянского Союза. Немногим более полутора миллионов каторжников дождались смягчения приговоров и вернулись домой либо были переведены «досиживать» в лагеря общего режима.

В основном чистка производилась среди населения крупных промышленно-культурных центров. Выбраковка очень слабо затронула небольшие города, где отделения АСБ выполняли скорее роль пугала, и почти не охватила сельскую местность. Тем не менее в первые же годы после образования АСБ на всей территории страны было отмечено лавинообразное падение числа зарегистрированных преступлений, в том числе и по категориям, лежащим вне компетенции Агентства.

Безусловно, количество заключенных в целом по стране было гораздо больше, и многие из тех, кто находился в «обычных» исправительных заведениях, отбывали весьма значительные сроки — например,

за угон автотранспорта, ношение оружия или квартирные кражи. Одна только принудительная демилитаризация кавказских республик породила гигантские «черные зоны». Следует также учитывать и огромный контингент так называемых «лечебно-трудовых» учреждений, куда направлялись алкоголики и лица, уличенные в систематическом употреблении наркотических средств. Кроме того, активно пополнялись интернаты для беспризорных детей и «профилактические лагеря» для малолетних правонарушителей. Фактически в этот период каждый десятый житель Союза был против своей воли переведен на закрытый казарменно-лагерный режим.

Тем не менее из лагерей и «профилакториев» люди возвращались. С каторги — нет. Туда уходили навечно, и очень немногим, как мы уже отмечали, удалось вернуться назад. Что характерно — общество приняло их без особого восторга. Клеймо «врага народа», даже несомое человеком, сломленным душевно и физически, оказалось несмыываемым.

Политика «сильной руки», подкрепленная жесточайшим давлением на общественное сознание, обусловила и возникновение некоторых побочных эффектов. Даже в Москве, городе традиционно динамичном и резком, был кардинальным образом сломан ритм жизни. И отмеченная уже в первой главе идиллическая всеобщая ленца — только самый поверхностный знак того, насколько серьезно вмешалась власть в повседневную жизнь гражданина.

Н. Герман, С. Луцкий

ногочисленные социологические опросы, проведенные в России в конце XX века, выявили следующую закономерность. Фактически сто процентов респондентов готовы были приветствовать власть, которая наведет в стране некий условный ПОРЯДОК. Как правило, люди вкладывали в это понятие несложные по форме, но труднодостижимые по существу идеалы, реализовать которые могло только сильное правительство, опирающееся на всенародную поддержку. В то же время — парадоксально, но факт — не менее 70% респондентов не были готовы ради достижения ПОРЯДКА согласиться на ограничение своих гражданских свобод. Люди хотели, чтобы в магазинах сохранялось прежнее изобилие, отпуск можно было проводить на зарубежных курортах, а свобода слова никак не ограничивалась. Эти безусловные достижения правящего режима они успели оценить по достоинству и не хотели с ними расставаться. Им просто казалось странным, почему внешние атрибуты демократии каким-то загадочным образом уживаются с разгулом бандитизма, невероятно высокой уличной преступностью, повальной безработицей, жестокими финансовыми кризисами и тем, что богатые все богатеют, а бедные становятся еще беднее. Многократные удары по рождающемуся среднему классу, который мог бы стать истинным гарантом стабильности общественно-

го устройства, только усугубили положение дел, выбив из «зоны лояльности» самых одаренных и трудолюбивых. Фактически на переломе веков вся Россия требовала одного — ЧУДА.

Чудо должно было заключаться в следующем. Во-первых, четко определить, кто виноват в бедственном положении страны. Во-вторых, четко обозначить, что делать, дабы из такого положения выбраться раз и навсегда. И наконец — СДЕЛАТЬ ЭТО!

Самопровозглашенное Правительство народного доверия, захватившее власть в результате «январского путча», принесло с собой все необходимые лозунги. Но в отличие от предыдущих властных команд, ПНД было классической хунтой — с той лишь разницей, что костяк его составляли не столько армейские генералы, сколько высокопоставленные офицеры спецслужб. Поэтому все свои лозунги ПНД подкрепило реальной силой. И сила эта была настолько убедительна, что перед ней почтительно склонились не только россияне, но и мировое общественное мнение, на первых порах грозившее России чуть ли не интервенцией.

Лозунги ПНД были удивительно просты и доходчивы. Купировать преступность на уровне ее воспроизводства — раз. Вернуть награбленное в казну и создать такие условия, чтобы деньги никогда больше не уходили за кордон без разрешения, — два. Решительными мерами оздоровить нацию — три. И главное — ПНД твердо заявило: «Мы уважаем каждого честного гражданина и сделаем так, чтобы ему больше ничего было бояться».

Короче говоря, это был тот самый вожделенный ПОРЯДОК.

Естественно, на уровне заявлений ПНД столкнулось, мягко говоря, со всеобщим сарказмом. Первое же обращение правительства к нации вызвало к памяти давно знакомую всем аббревиатуру (напомним, ПНД — это психоневрологический диспансер). Но страна еще не осознала, что ее границы перекрыты, а созданная на днях специальная служба ведет повальные аресты тех, кого называли «олигархами». Россия еще не подозревала, что завтра она проснеться в составе нового государства, именуемого Славянским Союзом, а у народа этого Союза появится множество врагов, от которых страну нужно очистить, — для них уже расконсервировались многочисленные лагеря на севере. И что жизнедеятельность Союза регулируется уже сто одним указом ПНД, а на подходе еще два, которые на ближайшее десятилетие определят ВСЁ.

Эти указы не могли быть проведены в жизнь по определению. Не могли сработать, потому что весь народ должен был восстать против власти, провозгласившей массовый террор. Ни в одной стране мира люди не согласились бы жить под таким чудовищным гнетом. Но то, что происходило на территории Союза до сих пор, было во многом еще страшнее, а главное — унизительнее.

Сто второй и сто шестой указы откровенно подкупали настрадавшегося обывателя. Они гарантировали вернуть ему самоуважение. Веру в то, что он есть истинный хозяин своей страны. Обыватель с наслаждением купился. И как показала дальнейшая практика — очень долго ни о чем не сожалел.

«Указ сто два» провозгласил так называемое «двуступенчатое правосудие». С момента его опубликования среди всех уголовно наказуемых преступлений в особую группу выделялись преступления, направлен-

ные против человеческой личности. Не только убийство или изнасилование, но также разбои, грабежи, хулиганские действия с нанесением тяжких физических повреждений и многое другое, включая торговлю наркотиками, классифицировалось указом как посягательство на главное достояние страны — ее моральный климат. Человек, решившийся на такое злодеяние, провозглашался врагом народа, то есть лицом, сознательно поставившим себя за грань человечности и не достойным сожаления. Такие преступления карались одним-единственным образом — пожизненными каторжными работами.

Во вторую группу выделялись преступления, охарактеризованные емким термином «подрыв экономики». Здесь соседствовали уклонение от уплаты налогов в особо крупных размерах и примитивный рэкет, торговля контрафактным товаром и производство оного, несанкционированный вывоз капитала за рубеж и далее по пунктам. Эти преступления также вели прямиком на каторгу.

Заштой интересов общества в рамках «Указа сто два» призвана была заняться совершенно новая структура, подведомственная напрямую председателю ПНД. Структура называлась Агентством социальной безопасности.

«Указом сто шесть» вносились серьезнейшие дополнения и изменения в действующий Уголовный кодекс. В первую очередь указ резко поднимал планку наказания за правонарушения, считавшиеся до сей поры не очень серьезными. Покушение на личную собственность, такое, например, как угон автомашины или квартирная кража, теперь влекло за собой минимальный срок в десять (!) лет. Но главными позициями «сто шестого» были методика пресечения рецидивной преступности и система предупрежде-

ний. Третье по счету уголовное преступление (или просто следующее — для тех, кто уже сидел за десятое по счету) каралось опять-таки пожизненной каторгой. А если гражданин не был склонен к уголовщине, но вел антиобщественный образ жизни — например, жестоко обращался с детьми, продавал свое тело за деньги или любил в пьяном виде подраться, — его дважды предупреждали, что он плохо кончит. А на третий раз отправляли «перековываться» в лагерь. Для таких случаев существовала широко дифференцированная система наказаний. Описанный в книге инцидент с господином Юриным — достаточно характерный пример «поглощения менее тяжких нарушений более тяжким», когда в дело вмешалось АСБ. Если бы Юрин просто ударил секретаршу или сексуальные домогательства не сопровождались бы избиением, диспетчер Центрального отделения Агентства мог передать вызов милиции.

Безусловно, существовало еще великое множество нормативных актов, которые следовали за двумя историческими указами вдогонку, регламентируя малейшие детали новых взаимоотношений человека и государства. Но в памяти народной четкими вехами сохранились именно эти два документа, создавшие порядок, кардинально отличающийся от привычного.

Да, к моменту воцарения ПНД и образования Союза на земном шаре еще были государства, где ворам отрубали руки, а прелюбодеев забрасывали камнями (причем опросы показывали, что огромное количество россиян считало такое положение дел хотя и жестоким, но справедливым). Однако мало кому было известно, что в тех же государствах актом мужеложства (за который где-то отрубают голову, а где-то всего лишь бьют палками) считается исключительно введение головки полового члена в задний проход ли-

ца мужского пола, а не что-нибудь другое. Любой, даже самый драконовский, закон предполагает некоторые лазейки и «вилки». Законы, установленные ПНД, никаких лазеек не предусматривали.

Более того, они не предусматривали и наличия традиционной доказательной базы как необходимого условия для признания человека виновным. Справедливо рассудив, что в стране, где ежегодно регистрируются миллионы (!) преступлений, а следственные изоляторы набиты битком, понадобится новых подследственных годами мариновать в концлагерях, ПНД совершило революционный прорыв. Было объявлено, что в интересах скорейшего отправления правосудия доказательством вины можно считать признание самого подозреваемого. В том числе и полученное под воздействием психотропных средств.

И с этого момента колесо выбраковки покатилось.

С. Луцкий

еномен десятилетнего царствования ПНД вряд ли может уложиться в голове, если не принимать в расчет базовую пропагандистскую идею Правительства народного доверия. ПНД никогда не отнимало у своих граждан больше четко определенного минимума свобод.

Само собой напрашивалось, что ПНД провозгласит изоляционистскую политику, нагло закрывшись от остального мира. Естественно было ожидать рецидива мобилизационной экономики, а как следствие — голода, пустых прилавков и массовых народных волнений. Нормально было предположить, что, развязав «охоту на ведьм», ПНД от чисток социальных рано или поздно докатится до этнических.

И уж никак нельзя было ожидать, что, по сути, национал-социалистический режим удержится на тонкой грани между «закручиванием гаек» и откровенным большевизмом.

Тем более что мировое общественное мнение устроило ПНД настоящую обструкцию. Планета не забыла, что русские — величайшие в мире обманщики, заразившие в двадцатые годы XX века коммунизмом не только пол-Европы, но и Америку, где объявленные вне закона коммунисты-агитаторы намеренно подворачивались «копам», дабы те их до полусмерти избивали. То, что русские в это время коммунистическую идею тихой сапой подрывали, набивая лучшими из

сограждан ГУЛАГ, стало для всех тяжелейшим уроком. И сколько бы ПНД ни уверяло, что в Славянском Союзе готовится построение земного рая и все скоро будут счастливы, это только подогревало всемирную «антиславянскую» истерию.

Особенно злобствовали поначалу американцы — они вложили массу средств в финансирование русского коммунистического реванша и всем объясняли (в первую очередь россиянам), что для России борьба с коррупцией важнее любых реформ. Получили они на выходе черт знает что без единого коммунистического лозунга, зато с отчетливым фашистским душком. И очень долго не хотели признавать, что русские их цинично переиграли.

На самом деле ПНД блестяще использовало передовые западные технологии паблик рилейшнз. Оно талантливо вычислило и сформировало идеологию режима, одновременно удовлетворяющего его личным потребностям и запросам самой политически активной части россиян. Хотим мы того или нет, в первые шесть-семь лет своего пребывания у власти ПНД не учинило ни одной из тех возможных глупостей, о которых мы говорили в начале раздела. Оно просто железной рукой «закрутило гайки». Оно стало той властью, которую все долго ждали — способной не только делать вид, будто в стране демократия, но и по-настоящему убедить обывателя, что это на самом деле так. Властью, которая готова была во имя демократии поступаться некоторыми демократическими ценностями и прикрывать это демократическими же лозунгами.

Ведь демократия — это власть народа, не так ли? Когда народу объяснили, что теперь все будет делаться только для него, и наглядно доказали это решительным изничтожением убийц и казнокрадов...

Народ не то чтобы воспрял. Повторим в очеред-

ной раз — это происходило в начале века, когда общее настроение в стране было однозначным — мы живем так, что хуже быть не может. ПНД предложило выход, который точно был не хуже. Люди решили посмотреть, что из этого получится, и невольно увлеклись.

Интеллигенция была удручена, журналисты наперебой кричали о приходе к власти фашистов, кое-кто умудрился-таки бежать на Запад и там разразился апокалиптическими прогнозами. Евросоюз туманно намекал на торговое эмбарго, Америка фактически его ввела. Одного только отказа от фильтрации информационных потоков хватило бы, чтобы ПНД обрушилось, — но оно все стояло. И как-то очень быстро оказалось, что в Союзе по-прежнему существует частный бизнес, а вот как раз борьба с коррупцией, о которой так долго говорили американцы, — свершилась. И то, что на каждом углу стоят милиционеры с автоматами, люди воспринимают скорее как благо, потому что милиция вдруг стала удивительно приветлива, а ворье куда-то попряталось.

Кроме того, Союз не отказывался платить по российско-белорусским долгам, чего все от него с замиранием дыхания ждали. Союз только попросил отсрочку.

Глобальная вакханалия продолжалась несколько месяцев, а потом заглохла сама собой. Выяснилось, что русские всего-навсего НАВЕЛИ У СЕБЯ ПОРЯДОК, и с ними теперь можно иметь дело. А на то, какими методами они этот порядок организовали, можно довольно легко закрыть глаза. Удивительно приятный инвестиционный климат и дешевизна рабочей силы начали постепенно засасывать в страну очень большие деньги. К 2005 году Союз заложил основы своего «экономического чуда» и занимал такое

положение в мире, о каком и мечтать не могли прежние Россия и Беларусь по отдельности.

Что интересно — как раз к этому моменту в Союзе уже не было по-настоящему свободных газет и начались гонения по этническому признаку. Но по большому счету зарубежных партнеров Союза такие «мелочи» не очень волновали.

Сложилась фантастическая ситуация — государство, которое откровенно попирало права человека и которому об этом все говорили в лицо, прочно вросло в мировое сообщество. Псевдоальтернативные выборы, зверское уголовное законодательство, начавшиеся-таки припадки массового шовинизма... Но тем не менее с Союзом торговали, вели научный и культурный обмен. Нечто подобное случилось когда-то с фашистской Германией и продолжалось до тех пор, пока она не начала воевать. Да и с Советским Союзом — тоже.

Если бы ПНД не загнивало изнутри — кто его знает, сколько бы лет просуществовал этот странный парадоксальный рай.

Конечно, четкая датировка в романе отсутствует, но и так ясно, что это 2007 год, год провалившегося «второго октябрьского путча» и последний, наверное, «счастливый» в истории Союза. Недаром книга пронизана ощущением надвигающейся беды. ПНД начало чудить уже тремя-четырьмя годами раньше — сначала ему вдруг помешали цыгане, потом оно окончательно подмяло под себя масс-медиа, потом начало откровенно подтасовывать результаты выборов, на которых и так выбирать-то было особенно не из чего. Все это происходило на фоне акции «У нерусских не покупаем», обращенной в первую очередь против гра-

ждан Союза, имеющих кавказские и среднеазиатские корни. Принято считать, что у ПНД не вовремя образовался дефицит врагов народа. Но не очень понятно, как это вяжется с нагнетанием слухов о близком роспуске АСБ и случившимся вскоре страшным «самоочищением» Агентства. Скорее всего просто набрали силу характерные для любой хунты самодеструктивные тенденции. Нелепый выверт с несвоевременной деноминацией рубля только подтверждает это. ПНД катастрофически теряло дееспособность.

Тем не менее жить в Союзе еще было можно.

Хотя действие «Выбраковки» и происходит девяносто лет назад, сплошь и рядом в тексте проглядывают характерные приметы сегодняшнего времени. Оказывается, современная Россия очень многое взяла от «союзного» периода. Например, Служба доставки по-прежнему развозит по домам граждан, которые уже не могут передвигаться самостоятельно, причем, как и в самые первые годы ее работы, кое-кто предпочитает отлежаться в наркологическом центре, нежели попасть в руки близких родственников.

Упомянутая в книге акция «Табак убивает» чуть было не породила целое некурящее поколение, чего не скажешь о знаменитой европейской программе «Non-Smoking Generation». Если вы сегодня не курите, то скорее всего можете поблагодарить разработчиков этой страшной по степени воздействия пропагандистской агрессии. То ли к счастью, то ли к сожалению, акция была поспешно свернута вскоре после распада Союза. Выяснилось, что тотальный психологический дискомфорт, в который она буквально окунула страну с головой, может иметь куда более страшные последствия, чем прямой вред, наносимый курением здоровью нации. Сама идея очень показательна — именно так все и делалось в Союзе. Быстро,

жестко, без оглядки на возможные побочные эффекты, но с твердым заверением: граждане, это в ваших интересах, мы заботимся о вас.

С результатами другой акции, по-настоящему дикарской — «У нерусских не покупаем», — про которую все в Союзе знали, что она инспирирована ПНД, мы тоже сталкиваемся и по сей день. О том, когда же рассосется опухоль искусственно раскрученной ксенофобии и почему у нее оказались такие кошмарные метастазы, написано достаточно исследований, и мы сейчас не будем касаться этой больной для каждого порядочного человека темы.

А вот чего девяносто лет назад точно не было — это постоянных разговоров о коррупционерах и редких, но все же раздающихся выстрелов на улицах городов. Остается только согласиться с Большаковым — выбраковка не достигла цели. Стремительный откат, начавшийся после ухода ПНД, не обрушил нас на то же дно, с которого «кремлевские людоеды» подняли страну. Но все-таки так и остался нерешенным вопрос — а стоит ли безоговорочно признавать ошибкой все, что было тогда сделано?

С. Луцкий

«МЕМОРАНДУМ ПТИЦЫНА»

Наверное, это будет самый краткий и наиболее конкретный раздел комментариев. Если вы интересовались историей выбраковки, то наверняка видели в И-нет многочисленные ссылки на альманах «Меморандум Птицына и другие материалы». Нет ни малейших оснований считать Павла Птицына реально существовавшим человеком. Однако после выхода в свет комментируемого нами романа это название так и закрепилось за относительно небольшим произведением, которое похоже одновременно на наброски рекламной концепции и аналитическую справку-доклад.

Психолингвистический анализ, проведенный впервые в 2030 году и многократно повторенный независимыми специалистами, не позволяет твердо заявить, что именно этот материал лег в основу креативных разработок «аналитической группы ПНД». Во-первых, сама эта «аналитическая группа» в большой степени миф. Во-вторых, большинство исследователей убеждено, что «Меморандум» всего лишь хорошо выполненная подделка. В то же время нельзя не признать один-единственный неоспоримый факт. А именно: «Меморандум» был первоначально составлен человеком приблизительно двадцати лет и затем дополнен и переработан взрослым мужчиной, не моложе сорока. Оба таинственных автора, безусловно, являются носителями русского языка, причем млад-

ший пишет легко и свободно, а у старшего письменная речь сильно клиширована. То, что оба этих человека не совсем нормальны (о чем заявлялось многократно), — вопрос дискуссионный. Младший, безусловно, шизоиден, но без четко обозначенной патологии. О психике старшего еще труднее судить все из-за тех же жестких клише. Кроме того, вызывает естественные сомнения искренность авторов — ведь «Меморандум» действительно может быть подделкой, и тогда любой психологический анализ теряет смысл.

Важно другое — концепция возникновения «Меморандума» полностью укладывается в сюжетную логику романа. И либо оба текста появились в рамках какого-то неведомого нам замысла (об этом подробнее ниже, в разделе «Персоналии»), либо... Напомним, что «Меморандум» впервые был опубликован в 2029-м, источник так и остался неизвестен.

Тут мы позволим себе остановиться в рассуждениях, ибо версий напрашивается множество, а правду установить пока что не представляется возможным.

И.Короленко

Pазумеется, для всех оказалось бы проще записать одним махом выбраковщиков в психопаты и навсегда покончить с вопросом, отчего же структура, в которой работали исключительно сумасшедшие, получилась настолько эффективной и живучей. Но в реальности все обстояло гораздо сложнее. Да, в отделениях АСБ «трудились» отнюдь не ангелы, и почти каждый выбраковщик страдал в той или иной мере психическими отклонениями. Но все это были люди вполне социализированные — по меркам своего времени, разумеется. Да, с нынешних позиций непросто поверить в то, что им дали в руки оружие и власть. Но давайте учитывать, что Россию начала двадцать первого века наводняли миллионы — повторим — миллионы! — преступников и не меньшая армия людей, которые им противостояли: милиционеров, частных охранников, работников спецслужб. Плюс невинные жертвы множества локальных военных конфликтов, люди, которые, едва достигнув совершеннолетия, не по своей воле оказались под огнем и были вынуждены стрелять в ответ.

То есть счет уже может идти на десятки миллионов людей, изначально склонных к насилию вообще и насилию как методу решения вопросов — в частности!

В такой обстановке странно было бы считать выбраковщиков каким-то выдающимся явлением. Подавляющее большинство из первого потока уполномоченных

моченных, к которым принадлежат такие герои «Выбраковки», как Мышкин, Данилов и многие другие, имели боевой опыт и навсегда запомнили, что самый благоразумный метод обращения с вооруженным противником — стрелять первым. А еще лучше — схватить его, пока он не дотянулся до оружия, и навсегда лишить возможности оружие носить.

Вышедшая в Нью-Йорке книга «АСБ изнутри» (2020), название которой мы использовали как заголовок этого раздела, показывает именно такую картину. Хотим мы того или нет, выбраковщики были все-го-навсего героями своего времени. Точь-в-точь как описал автор «Выбраковки»: они жестоко расправлялись с теми, кого считали врагами народа, и мучились совестью, убивая бродячих собак. Характерная черта уполномоченных АСБ — полное отсутствие жалости к лицам без определенного места жительства (а попросту — нищим бродягам) — у некоторых из них полностью редуцировалась, если бомжем оказывался ребенок, а у некоторых только усиливалась. И все, как один, уполномоченные тяжко переживали, когда им приходилось браковать детей с патологией развития. Здесь всплывает ключевой момент концепции выбраковки — безоговорочному устраниению подлежал человек, СОЗНАТЕЛЬНО выбравший антиобщественный образ жизни или уродливую манеру поведения.

Судя по всему, на заре выбраковки никто из ее верных солдат не подозревал, что, раскрутив политику чисток, власть не сможет остановиться, и в категории брака начнут попадать все новые и новые социальные группы, враждебность которых зачастую будет вызывать сомнения даже у самых убежденных адептов модели «двухступенчатого правосудия».

К сожалению, вся кадровая документация АСБ была уничтожена сотрудниками Агентства в дни окон-

чательного падения ПНД. Сегодня мы не располагаем статистикой по динамике самоубийств среди уполномоченных АСБ — можем только предполагать, что она была нарастающей. Нет данных и по количеству внутреннего брака — хотя свидетели утверждают, что с каждым годом выбраковщикам все чаще приходилось убивать своих. Казалось бы, иначе и быть не могло, это все очевидные тенденции, но они почему-то изначально не учитывались самой заинтересованной в данном вопросе стороной — руководством Агентства и правительством страны.

Но скорее всего недоумение современных исследователей зиждется на неверной посылке. Отчего, например, социологи таким категорическим тоном говорят о подтасовке результатов опросов, проводившихся в начале века? Естественно — им кажется невозможным запредельный (70—80%) рейтинг ПНД в первые шесть лет его владычества. Конечно, они не могут согласиться с тем, что до шестидесяти процентов молодых людей (а с образованием ниже среднего — до восьмидесяти!) мечтали работать в выбраковке. Но не кажется ли вам, уважаемый читатель, что мы просто слишком далеко ушли от того общественного устройства, которое вытолкнуло на свет божий (не могло не вытолкнуть!) Правительство народного доверия с его концепциями и методами их проведения в жизнь? Мы от него примерно на том же расстоянии, что и от древнегреческой Спарты.

А значит, нам просто не дано понять, какими истинными мотивами руководствовались люди, приходившие на собеседование в рекрутинговые офисы АСБ. И сколько бы ни твердили психологи о детских травмах и феномене «комбатантов», они выступают с позиции нынешнего дня и современного человека. Вспомним еще раз жестокие условия, породившие Спарту,

и честно признаемся: для тех лет, для того постоянно-го страха, в котором жила Россия, эти люди были впол-не обычны. А значит, и вполне нормальны.

Безусловно, нельзя не сказать в данном контексте о работе Кипнича «АСБ: триумф незрелой личности» (СПб, 2019 г.). Выводы автора и по сей день представляются совершенно безупречными. Но если учиты-вать, что к умеренно инфантильному типу можно смело отнести до восьмидесяти процентов мужского населения России, опять-таки встает прежний вопрос: и что?! Некоторым милиционерам тоже приходится убивать нехороших парней, тем не менее у этих ми-лиционеров есть жены и дети, которые гордятся ими и считают, что муж (папа) нормальный человек (чего и вам желаем). Поэтому не факт, что личные пробле-мы выбраковщиков не усугублялись тем, что уполномоченным приходилось убивать хладнокровно и по-многу. Хотя четко установлено, что первая генерация сотрудников АСБ (так называемые «ветераны») была сплошь и рядом несчастлива в личной жизни, не уме-ла (или не хотела) подолгу удерживать партнеров и заводить детей, но где тут причина, а где следствие — в этом еще предстоит разобраться.

И последний аргумент: если бы они все были так ненормальны, как принято считать, выбраковка унич-тожила бы себя самое уже через год-два.

Кажется, с этого утверждения мы и начали.

*И. Короленко, Т. Короленко,
С. Луцкий, В. В. Alex*

Tехническое оснащение АСБ — оружие, средства индивидуальной защиты, транспорт и системы передачи информации — находилось на характерном для того времени уровне и не представляло ничего революционного.

Рядовой оперативник Агентства носил легкую двухкомпонентную броню, закрывающую тело от паха до горла, рассчитанную на защиту от пистолетной пули 9 мм и осколков гранаты. Поскольку уполномоченные проводили в своих комбидрессах значительное время, то под броню обычно надевалось специальное гигроскопическое белье с демпфирующим эффектом.

Пневматический игольник, внешне похожий на игрушечный пистолет из-за характерного «пластмасового» оттенка, имел эффективную дистанцию поражения около 50 метров. Помещавшаяся в рукоятке обойма с интегрированным газовым баллоном содержала двадцать, иногда тридцать игл-дротиков, начиненных парализующим раствором, обеспечивающим почти мгновенную блокировку двигательных функций. Огнестрельное оружие уполномоченным не полагалось, но, как справедливо отмечено в книге, многие выбраковщики носили его вполне открыто. За редким исключением это оружие было добыто ими в бою. Кодекс чести выбраковщика предполагал, что

иным путем заполучить огнестрельный ствол для уполномоченного недостойно. Уже на второй-третий год выбраковки в каждом отделении АСБ имелся приличный стрелковый тир с опытным инструктором и солидным боекомплектом. Откуда все это брались, сейчас установить не представляется возможным, ясно лишь, что руководство Агентства такое положение вещей считало естественным. Принимая во внимание исключительные полномочия Агентства, можно предположить, что движение огнестрельного оружия и боеприпасов внутри АСБ регулировалось какими-то закрытыми документами.

Коммуникационные устройства выбраковщиков также не блистали особой продвинутостью, это были несколько громоздкие прообразы тех мобильных приемопередающих станций, которыми сейчас пользуется фактически каждый житель планеты. В России такие аппараты традиционно называют «телефон», за рубежом в ходу термин «кам» (Communication Module, казалось бы, произносить нужно «ком», но имеется в виду другое). Естественно, в годы выбраковки подобные устройства еще не были компьютеризированы. Штатный трансивер АСБ представлял из себя довольно дорогую для того времени полнодуплексную станцию, обеспечивающую транкинговую связь с выходом в телефонную сеть. Подключив к трансиверу «книжку» — ударопрочный мини-ноутбук, — оперативник получал онлайновый выход в закрытую внутреннюю сеть и базы данных Агентства. Во избежание ненужной активности программное обеспечение «книжек» не предусматривало возможности доступа к И-нет, сами «книжки» не имели дисководов, а корпуса их были опломбированы. Два порта со щтыревыми разъемами предназначались для ште-

керов трансивера и сканера отпечатков пальцев. К моменту, описываемому в книге, полномасштабное дактилоскопирование жителей Союза было завершено и установление личности по отпечаткам не составляло ни малейшей проблемы, хотя и занимало определенное время.

У этой системы имелся только один существенный недостаток. Поскольку транкинговая связь — всего лишь разновидность сотовой с плавающей частотой, то устойчивость приема напрямую зависела от расстояния между трансивером и ближайшим ретранслятором. Оказавшись на границе двух сотовых ячеек, трансивер мог дать сбой. Кроме того, в городской черте всегда имеются некие «мертвые зоны», в которых по целому ряду причин радиосвязь глохнет. Дабы избежать таких ситуаций, в каждой тройке один из «ведомых» носил на себе ретранслятор — компактный усилитель сигнала, фактически превращавший тройку в самостоятельную мобильную ячейку сети. Как правило, этот же ведомый был экипирован и ноутбуком — основной груз вешали на заведомо наименее подвижного члена тройки, чтобы не ограничивать возможности остальных двоих.

«Труповозки» и легковые машины Агентства были только отечественного производства, изменения в их конструкции носили чисто утилитарный характер, а надежность обеспечивалась постоянным грамотным техобслуживанием. Форсированные двигатели и спортивные подвески автомобилям АСБ вряд ли требовались — Агентство предпочитало не догонять, а подстерегать. Кроме того, чтобы увеличить скорость движения по городу почти вдвое, уполномоченному достаточно было включить спецсигнал. Разумеется, у нас нет оснований не верить автору книги, и вполне

можно предположить, что «двадцать седьмая» машина с ее выдающимися ходовыми качествами действительно существовала. Тем более что, по свидетельствам компетентных лиц, московский техцентр АСБ собрал под свое крыло отличных специалистов (почти исключительно из бывших уголовных преступников), а желающих провести глубокий тюнинг отечественной машины в России всегда было хоть отбавляй. Ничто так не тешит национальную гордость великоросса, как «Лада», обгоняющая «Мерседес».

B. B. Alex

оответствие героев книги историческим прототипам — очень непростой вопрос. Как известно, любое художественное произведение, созданное на реальной событийной базе, пусть даже и по горячим следам, грешит субъективизмом оценок. Иногда этот субъективизм намеренный (как, например, в случае с Дракулой в версии Стокера — реальный Влад «Дракул» Тepеш соотносится с его героями разве что географически). Иногда — злонамеренный, но из лучших побуждений, — достаточно вспомнить нашумевшие труды первого рецензента «Выбраковки» И.Большакова «Кремлевские звезды Сиона» и «Эпоха геноцида». Это классический случай, когда автор просто не смог пересилить себя и настолько сгустил краски, что первую из названных книг вообще отказываются публиковать российские издательства, а вторую нельзя читать без саркастической умешки. Случай откровенной умышленной подтасовки фактов или элементарного незнания предмета, наверное, не стоит разбирать вообще. А вот тот вариант, при котором автор по-честному зеркально отражает ситуацию, пропуская через призму своего видения характеры и лица, — это документальная книга «АСБ изнутри» или художественная «Выбраковка».

С одной стороны, мы сами не ожидали, насколько легко можно вычислить реальные имена целого ряда

прототипов. С другой — автор «Выбраковки» оставил нам множество отчетливых знаков, причем совершенно примитивных, лобовых. Ему, наверное, показался самым простым (забавным? изящным? подлым?) метод элементарного жонглирования фамилиями. Недаром же он раскручивает маховик генерации имен в обратном направлении на примере своего Павла Гусева.

Вряд ли нам удалось бы провести корректную реконструкцию, если бы не любезная помощь Всемирного Фонда ветеранов оперативных служб. Эта организация, мафиозно-клановый статус которой вызывает и по сию пору множество кривотолков, провела колоссальную работу по установлению личности и поиску сотрудников самых разных (а зачастую и невероятных) секретных правительственные агентств. Подчеркнем: официально заявленные цели Фонда мемориально-исследовательские. И именно Фонду, что закономерно, удалось выйти на тех немногих аэсбэшников, которые по тем или иным причинам все еще оставались живы к середине нашего века. Некоторые из них оказались весьма осведомленными и достаточно охотно предоставили Фонду информацию, не доверять которой у нас нет оснований.

Увы, радужные надежды, которыми мы тешили себя в самом начале работы, вскоре уступили место разочарованию. Да, как и следовало ожидать, выбраковщик Данилов оказался капитаном спецназа в отставке Данилиным, командиром одной из групп Центрального отделения, и, судя по свидетельствам коллег, в «Выбраковке» он как живой со всеми своими характерными словечками. Да, безымянный инструктор по стрелковой подготовке работал когда-то в контрразведке и даже был вскоре после второго октябряского путча застрелен сослуживцами как аме-

риканский шпион, что полностью доказывает реальность его существования (уж извините за неуместную живость, мы, видимо, слишком глубоко погрузились в материал).

И Калинин оказался Малининым. И Корнеев — Корнешовым. И Иванов-Петров-Сидоров (на самом деле Петров) с Петровки дослужился до генерала. Наверное, автору показалось уж слишком анекдотичным сочетание «Петров с Петровки», иначе он бы оставил все как есть. Потому что, например, милиционерский подполковник Ларionov в книге настоящий вплоть до фамилии и места работы. Даже «кремлевский мальчик» Вадим Чернов действительно был мужчина в теле и покончил-таки с собой, вскрыв вены осенью 2012 года. И командовал тогда в КФН ЦКБ не кто-нибудь, а профессор Мирзоев (оставивший, между прочим, интереснейшие мемуары с презабавным названием «Моя жизнь в психиатрии»).

В принципе можно предположить, кто такой старший группы Мышкин. Следуя логике автора и цепляясь за внешние приметы, он либо Алексей Кошкин (о котором ниже), либо полулегендарный Алексей Крыса, основавший после сокрушительного падения ПНД и распада Славянского Союза знаменитый «Фронт славянского возрождения» — взрывчатую смесь шайки Робина Гуда, тоталитарной религиозной секты и подпольной организации большевиков. «Крысняки» некоторое время зверствовали в средней полосе России, потом их выдали за Урал, где организация и была окончательно рассеяна, а сам Крыса бесследно исчез. Кошкин тоже избежал расплаты за свои грехи, но он в 2021 году вдруг объявился в Штатах, причем в обличье — ни больше, ни меньше! — легализованного сотрудника ЦРУ США и выпустил бестсел-

лер, известный на русском как «АСБ изнутри» («SSA inside: The True Story of Total Hoggog»).

Крысу автор вряд ли вывел бы в ипостаси Мышкина, персонажа не самого приятного, но более или менее терпимого. Кроме того, Крыса работал в Смоленске, а автор упорно не хочет выходить за пределы Москвы, даже описывая подробности «второго январского путча». Заметно, что его вообще куда больше интересовали персоналии, чем процессы. А вот если автор был лично знаком с Кошкиным (что интересно — человеком с безумно замусоренной русской речью), то это в какой-то степени могло бы пролить свет и на личность самого писателя, и на его дальнейшую судьбу после ликвидации АСБ. Увы, тут наши возможности пока исчерпаны. Сам Кошкин в своих многочисленных интервью русскоязычной прессе автора «Выбраковки» называл исключительно фашистом, маньяком и от любых возможных контактов с ним откращивался. А наши американские коллеги-исследователи, в том числе и допущенные к рассекреченным файлам ЦРУ, полагают автора коллективным и попросту отказываются искать следы отдельно взятого человека. По их мнению, «Выбраковка» — часть сложной многоходовой пропагандистской конструкции, с помощью которой русские пытались откреститься от своего каннибалского прошлого. Вообще наш интерес к личности автора зарубежным аналитикам понятен, но они его просто не разделяют. Им кажется гораздо более важным нащупать масштабные тенденции и установить, кому это выгодно, а мы полагаем, что иначе как мелким ситом здесь оперировать нельзя. В конце концов, большинство членов группы, собранной ОМЭКС, — полноценные носители русской культурной традиции, и нам лучше знать, для чего в России пишутся книги.

Все же наше исследование продвинулось неожиданно далеко. Мы знаем, кто такой шеф Центрального отделения АСБ — он действительно когда-то работал в прокуратуре, но его настоящее имя уже никому ничего не скажет. А имя директора АСБ памятно многим, но это тоже совершенно неинтересный персонаж. И Председатель Верховного Совета, по совместительству премьер-министр Литвиненко (Литвинов), мало у кого вызовет острое желание близкого знакомства. Мы выяснили очень многое. Нам удалось даже отыскать следы Православного братства священномученика Епифора (наткнулись случайно), на оптовом складе которого попросту разливали лампадное масло.

И Овчинникова по прозвищу Бедная Овечка на самом деле замучили бандиты — такой факт даже Ивану Большакову был известен, только непонятно, почему он в своем эссе «Палачи и шериfy» уверяет, что «и тут не без вранья». Хотя скорее всего он не располагал нашей документальной базой.

И действительно выбраковщики Купченко и Бунин (нет, вы только подумайте — какой все-таки автор наглец!!! Это же оперативные псевдонимы Гусева и Валюшка) расстреляли однажды служебный автомобиль высокопоставленного чиновника (правда, не министра информации, а Генерального прокурора). На этом, кстати, их карьера и закончилась — уполномоченные были вдребезги пьяны, им что-то померещилось, стрельбу квалифицировали как тяжкое преступление и обоих забраковали в тот же день.

Но это все мелочи. Очень точно подмеченные и неплохо выписанные мелочи. Антураж. Самое интересное оказалось тайной за семью печатями.

Так получилось, что наша группа, работавшая над этими беллетризованными комментариями — жур-

налист и консультанты: психолог, социолог, историк и один профессиональный контрразведчик, — вынуждена была более чем внимательно ознакомиться с текстом «Выбраковки». И что бы каждый из нас по отдельности ни думал о чудовищном периоде в истории Родины, которому роман посвящен, — сам предмет исследования запал нам в душу. Ни «АСБ изнутри», ни многие другие аналогичные произведения, включая и художественные, не вызвали у нас такой мощной эмоциональной реакции. Мы с удивлением обнаружили, что сроднились с этой книгой, будто сами ее писали. И двое из ее персонажей стали нам чрезвычайно близки.

Был или не был стажер-уполномоченный Валюшок? Никаких следов, никаких ключей. В желании докопаться до истины мы даже подняли милицейские архивы и отследили пути всех ста пятидесяти московских «Порше» тех лет, но это оказалась пустая трата времени.

Был или не был старший уполномоченный Гусев? Определенно — был. Даже в трех лицах — Павел, Сергей и Валентин. Но Лебедевых, Воробьевых, Уткиных, Куликовых и Куликов значится в собранных по крупицам списках Агентства еще больше.

И к сожалению, здесь мы вынуждены расписаться в полном бессилии. Установить подлинность личности Павла «Пэ» Гусева ничуть не легче, чем того же Павла Птицына. А скорее всего что нереально.

Обидно? Нам тоже.

C. Луцкий, B. B. Alex

СОДЕРЖАНИЕ

Необходимые пояснения	5
От публикатора	7
Палачи и шериfy	11

ВЫБРАКОВКА

Глава первая	27
Глава вторая	41
Глава третья	52
Глава четвертая	63
Глава пятая	71
Глава шестая	79
Глава седьмая	92
Глава восьмая	103
Глава девятая	118
Глава десятая	123
Глава одиннадцатая	130
Глава двенадцатая	137
Глава тринадцатая	148
Глава четырнадцатая	165
Глава пятнадцатая	173
Глава шестнадцатая	191
Глава семнадцатая	203
Глава восемнадцатая	225
Глава девятнадцатая	233
Глава двадцатая	244
Глава двадцать первая	253
Глава двадцать вторая	266
Глава двадцать третья	274
Глава двадцать четвертая	282
Глава двадцать пятая	292
Глава двадцать шестая	307
Глава двадцать седьмая	322
Глава двадцать восьмая	334
Комментарии	350
Цифры и факты	350
Историческая справка	352
Общественная жизнь	358
«Меморандум Птицына»	364
АСБ изнутри	366
Техника	370
Персоналии	374

Литературно-художественное издание

Дивов Олег Игоревич

ВЫБРАКОВКА

Ответственный редактор *В. Мельник*

Художественный редактор *Е. Савченко*

Художник *С. Атрошенко*

Технический редактор *О. Куликова*

Компьютерная верстка *Д. Мытников*

Корректор *Л. Зубченко*

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksмо.ru E-mail: Info@eksмо.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
 обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:

109472, Москва, ул. Академика Скрыбина, д. 21, этаж 2.

Тел./факс: (095) 378-84-74, 378-82-61, 745-89-16, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksмо-sale.ru

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (095) 411-50-76.

127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел. (095) 745-89-15, 780-58-34

www.eksмо-канц.ru e-mail: kanc@eksмо-sale.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо» в Москве:

Москва, ул. Маршала Бирюзова, 17 (рядом с м. «Октябрьское Поле»). Тел. 194-97-86.

Москва, Пролетарский пр-т, 20 (м. «Кантемировская»). Тел. 325-47-29.

Москва, Комсомольский пр-т, 28 (в здании МДМ, м. «Фрунзенская»). Тел. 782-88-26.

Москва, ул. Сходненская, д. 52 (м. «Сходненская»). Тел. 492-97-85.

Москва, ул. Митинская, д. 48 (м. «Тушинская»). Тел. 751-70-54.

Москва, Волгоградский пр-т, 78 (м. «Кузьминки»). Тел. 177-22-11.

ООО Диstriбьюторский центр «ЭКСМО-УКРАИНА». Киев, ул. Луговая, д. 9.

Тел. (044) 531-42-54, факс 419-97-49; e-mail: sale@eksмо.com.ua

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Санкт-Петербурге:

РДЦ СЭКО, Санкт-Петербург, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82/83.

Сеть книжных магазинов «Буквоед»:

«Книжный супермаркет» на Загородном, д. 35. Тел. (812) 312-67-34

и «Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Сеть магазинов «Книжный клуб «СНАРК» представляет самый широкий ассортимент книг издательства «Эксмо». Информация о магазинах и книгах в Санкт-Петербурге по тел. 050.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Нижнем Новгороде:

РДЦ «Эксмо НН», г. Н. Новгород, ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» в Челябинске:

ООО «ИнтерСервис ЛТД», г. Челябинск, Свердловский тракт, д. 14. Тел. (3512) 21-35-16.

Книги «Эксмо» в Европе – фирма «Атлант». Тел. + 49 (0) 721-183-12-12.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 10.06.2004.

Формат 84x108 1/32. Гарнитура «Балтика». Печать офсетная.

Бум. тип. Усл. печ. л. 20,16. Уч.-изд. л. 15,7.

Тираж 5100 экз. Заказ № 3798

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.

СТРАНА ИГР

**Вы первыми узнаете,
во что все будут
играть завтра**

В МИРЕ ЕЖЕДНЕВНО ВЫХОДЯТ ДЕСЯТКИ ИГР
НА САМЫХ РАЗНООБРАЗНЫХ ПЛАТФОРМАХ:
PC, PLAYSTATION 2, XBOX, GAME CUBE, GBA.
МЫ ПОМОЖЕМ ВАМ РАЗОБРАТЬСЯ
В ЭТОМ КРУГОВОРОТЕ
И СДЕЛАТЬ ПРАВИЛЬНЫЙ ВЫБОР

СЕРИЯ

**«РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА»**

ЛУЧШИЕ РОМАНЫ
СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ-ФАНТАСТОВ!

ТАКЖЕ В СЕРИИ:

- В. Звягинцев
«Андреевское братство»,
«Бои местного значения»
- В. Бурцев «Алмазный дождь»
- А. Орлов «База 24»
- А. Селецкий «Древняя кровь»

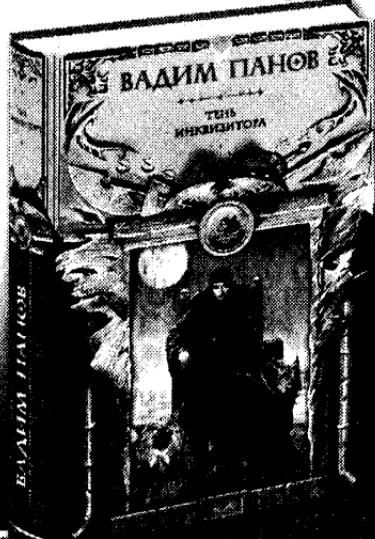
Открытие 2003 года!

ВАДИМ ПАНОВ

В СЕРИИ «Тайный Город»

Оказывается, человечество – отнюдь не единственная раса на Земле. Потомки давно исчезнувших цивилизаций и сейчас обитают в тайном магическом городе, многие тысячи лет существующем на территории Москвы и скрытом от глаз людей защитными чарами. Однако некоторым все же удается заглянуть под покров тайны...

**Добро пожаловать
в Тайный Город!**

ТАКЖЕ В СЕРИИ:

«И в аду есть герой. Наложницы Ненависти»

«Куколка Последней Надежды»

«Войны начинают неудачники. Командор войны»

«Атака по правилам.

Все оттенки черного»

www.t-arad.com

ВЫБРАКОВКА

...В этой стране больше нет преступности и нищеты. Ее столица – самый безопасный город мира. Здесь не бросают окурки мимо урны, моют тротуары с мылом, а пьяных развозит по домам Служба Доставки. Московский воздух безупречно чист, у каждого есть работа, доллар стоит шестьдесят копеек. За каких-то пять-семь лет Славянский Союз построил «экономическое чудо», добившись настоящего процветания. Спросите любого здесь, счастлив ли он, и вам ответят «да!». Ответят честно. А всего-то и нужно было для счастья – разобраться, кто именно мешает нам жить по-людски. Кто истинный враг народа.

ISBN 5-699-06377-3
785699 063772